

Олаф Локнит

Сокровища Тарантии

(«Северо-Запад Пресс», 2002, том 77 «Конан и Сокровища Тарантии»)

*Посвящаю мистеру Арту Потару, который однажды
придумал для меня оборотней из Пограничья
и подарил мне эту прекрасную страну.*

Олаф Б. Локнит

Объяснение от Халька, барона Юсдаля

Середина Лета 1295 года.

Вам когда-нибудь бывало по-настоящему скучно? Тоскливо? Так тоскливо, что

появляется острейшее желание забросить любые текущие дела, оседлать коня и, никому ничего не рассказав, отправиться в неизведанные дали на поиски самых разных, пусть даже глупейших, приключений? Забыть про обыденность, ставшую истинным проклятием?

Той запоминающейся весной 1293 года по основанию Аквилонии, а именно сразу после праздника Белтайнн, посвященного весеннему солнцестоянию, я, ваш старый знакомец и покорнейший слуга — Хальк, барон Юсадаль-младший, восседал перед камином в жилых покоях при библиотеке королевского замка Тарантии и в буквальном смысле данных слов пил горькую. Вместе со своим отражением в серебряном блюде, установленном на столике вместо зеркала.

Я скучал. Поносил в мыслях и словах нелепое устройство нашего мира, похмельную головную боль, не желавшую проходить после шумного празднования Белтайнна, турицу-короля (как в сердцах выразился однажды переутомившийся Просперо — "карманника на царстве"), самого Просперо, а с ним и скупердая-канцлера, мужланов-гвардейцев из "Черных Драконов", фатальное безденежье, преследовавшее меня на протяжении последних лет, сырые дрова в камине, кислое вино (будь оно стократно проклято!) и, наконец самого себя — бездельника, книжного червя, густо припорощенного пергаментной пылью, и вообще, кромешного неудачника.

Посудите сами: я дожил до того, что после кутежей с их киммерийско-аквилонским величеством, нашим славнейшим Конаном Канах (чтоб его подбросило, да посильнее об землю шлепнуло!) я, интеллектуальный светоч королевства, просто забываю обо всем происходящем, будто распоследний пропойца с тарантийского дна!

Не далее как вчера мою высокую персону в мертвецы пьяном виде городская стража доставила к воротам замка, передала с рук на руки караулу, каковой и препроводил (перетащил!) почти бездыханное тело в мои комнаты.

Утром же, заявил лично король и с неприличным хохотом обрадовал: оказывается, его светлость королевский библиотекарь и тайный советник потерялся в городе больше суток назад, что он делал и где был, неизвестно, однако обнаружен был спящим у входа в вертеп "Лилии Чувств", что на улице Швейников. Самый похабный квартал столицы.

Благодарю, ваше величество, потешили мое самолюбие. В полной мере.

А кто виноват? Верно, опять король. На праздник, мы компанией человек в пять—шесть, не помню точно, по старой традиции пошли инкогнито гулять по городу.

Выпили там, выпили тут, выпили в третьем, четвертом и пятнадцатом кабаке, поиграли в кости и тарок, спуская немыслимые суммы, заглянули в дом терпимости (там я и потерялся, если верить нашему славному монарху), а остальные потом отправились шалить дальше.

Если осмысливать произшедшее логически, то выходит, что меня потом попросту вышвырнули из "Лилий Чувств" как несостоятельного клиента (деньги остались у Конана), оставив спать на паперти.

Восхитительно.

Сюда же добавим, что я остался без единого медяка, канцлер выплатит жалование лишь через две седмицы, мое единственное сокровище — Орден Большого Льва — давно заложено в ростовнический дом Шомо бар-Мираэли, почти без надежды на выкуп: где я вам возьму пятьсот кесариев? Писать письмо в Юсадаль, матушке, с просьбой помочь? В лучшем случае — отделаюсь семейным проклятием.

Хорош королевский советничек — закладывать высшую награду Аквилонии, чтобы не

умереть с голоду, а заодно купить для библиотеки несколько новых манускриптов. На последнее, смею напомнить: деньги обязана отпускать казна, но попробуйте объяснить эту нехитрую истину месьору канцлеру Публио! Проклятый скряга скорее удавится на шнуре от тронного балдахина в присутствии всего двора и чужеземных послов, чем добровольно расстанется с единственным затертым медяком—ассом. А король в долг не дает. И вообще, никто не дает — по весне с деньгами в Аквилонии туда, казна наполнена едва на две трети.

Приписка на полях:

Одновременно с этим Публио буквально три седмицы назад подарил своей внучатой племяннице на свадьбу драгоценности на двадцать тысяч кесарев. Можно купить половину Тарантии, и на пиво останется. Ворюга. Возвел неприкрытый грабеж казны в ранг личной добродетели! Х.Ю.

Боги, как хочется уехать! Куда угодно! В родительское поместье, на Побережье Океана, да хоть в саму Пущу Пиктов! Только бы не видеть своими глазами разудалую компанию нашего обожаемого короля!

Неходить ежедневно в статс-канцелярию, выклянчивая положенные по закону медяки на содержание книгохранилища! Не видеть тухлоглазых придворных дам и старых развратников, занимающих самые экзотические должности — от "Второго смотрителя подножия трона", до "Главного кормильца королевского льва и блюстителя благочиния королевского зверинца"!

Ума не приложу, отчего король доселе не разогнал взашей эту цветастую стаю лодырей и интриганов. Мне кажется, что единственные двое людей, которые хоть что-то делают в нашей стране — это вице-король Просперо Пуантенский, принявший сан от тяжело заболевшего дядюшки Троцера, да генеральный казначай, герцог Ришильди. Последнему приходится вертеться волчком, дабы относительно честно распределять доходы казны.

Ах да, не забыть бы еще некоего барона Данквarta из Гленнора, главную романтическую загадку Аквилонии — его светлость Гленнор начальствует над Латераной, нашей тайной службой, верными цепными псами, суровыми стражами монархии.

Решено. Как только пройдет тяжелейшая слабость и головная боль, отправлюсь к королю и потребую сорок дней отпуска.

В конце концов, меня давно приглашали погостить в Пограничное королевство. И домой, в Юсадаль, можно по дороге заглянуть — проверить, как здоровье матушки и всего нашего буйного семейства. Иштар Всеблагая, ведь мой старший брат Эргин давно женился, обзавелся выводком детишек, управляет фамильными землями после смерти отца... А я что? Пьячуга в сане библиотекаря и советника!

Решено, с сегодняшнего вечера... нет, с завтрашнего утра, навсегда забываю про вино! И про беспутства. И про королевские гулянки. И про самого короля, будь он неладен. Уезжаю.

Если не отпустят отдохнуть — клянусь именами всех богов! — переверну это прогнившее королевство вверх дном! Отому! Человек я или нет? Пользуюсь привилегиями дворянина или как? Хватит с меня удушающего однообразия бесконечных библиотечных залов и попоек с его величеством (который, скажем справедливости ради, тоже скучает, не находя выхода своей неуемной энергии. Эх, война бы какая началась, что ли?...).

Примерно с такими мыслями я забылся беспокойным, тяжелым сном прямо в кресле. Рука безвольно выпустила полупустой серебряный стаканчик с белым мускатным вином,

которое немедленно пролилось, образовав неприглядную лужицу...

Приписка на полях:

Теперь, по прошествии двух с лишним лет, когда все мы прошли опаснейшие испытания Немедийской войны, смутой у соседей на Восходе и переворотом принца Таракса, мои тогдашние страдания кажутся нелепыми. Однако, решение "перевернуть королевство вверх дном", принятое вышеописанным вечером, вскоре привело меня самого, двор короля Конана Аквилонского и нескольких обищих друзей в крайне двусмысленное положение — тогда я никак не мог предположить, что придуманный мною безобидный обман будет способен повлечь весьма серьезные последствия, в которых оказалось довольно мало смешного.

Со временем история с "сокровищами Нифлунгов" забылась, произошло многое других, куда более значительных событий. Но я никак не могу оставить это происшествие без внимания в своей "Незаконной летописи", которую веду много лет подряд, втайне от двора и самого Конана Канах.

Два года назад оказалось, что вполне невинная шутка библиотекаря сотоварищи, обернулась авантюрой, которую обожающий приключения Конан обозначил "самой нелепой историей, в которую он попадал за последние годы".

Об этом я и расскажу в настоящей части "Хроники". Убедительно прошу всех, кому данные рукописи попадут в руки, быть наивозможно скромными и не распространять слухов — иначе я запросто окажусь на виселице.

Подобного розыгрыша Конан мне не простит никогда.

P.S: в своем непременном обычай предлагаю избранному читателю текст Хроники в виде воспоминаний отдельных людей — меня самого, Тотланта из Пограничья, Темвики-оборотня и некоторых других наших соратников. Тем самым я надеюсь на обобщение всех впечатлений о внезапном походе короля Конана и его друзей на Полночный остров Вадхейм...

Первый рассказ Халька

"Верный способ пополнить казну"

Тарантия, королевский замок.

3 день третьей весенней луны 1293 г.

Сказать, что пробуждение нынешним утром оказалось для меня приятным, значит явить миру очевидную и гнуснейшую ложь.

Вкус во рту неописуемый, жгуче-металлический. Такое ощущение, как будто последние дни я питался только железной рудой и медными монетами. Голова напоминает колокол — при любом движении внутри черепа будто бронзовые шарики перекатываются. Руки налиты неимоверной тяжестью. Знобит, ибо камин давно погас, а сквозняки на третьем

этаже замка безжалостные. Холодно.

Впрочем, никто, кроме меня самого, мне не поможет — от привилегии иметь собственного лакея я, по глупости, отказался пару лет назад. Надо пересилить себя, подняться, умыться... Затем немного покушать. Или выпить горячего травяного настоя. Только не вина! Все, зарекся!

Попробовал разлепить глаза. Получилось плохо. И немедленно мой слух различил голос — непривычный, однако знакомый.

— Да, плохо дело. Хальк, возьми-ка этот бокал и выпей. Только сразу, одним глотком. Обещаю, тебе станет гораздо лучше.

Не понимая, откуда исходит голос, я вслепую вытянул руку, коснулся протянутого мне знакомым-незнакомым визитером бокальчика, поднес ко рту, хлебнул и... Боги, это же вино! Меня едва не вывернуло пряником на плед, в который я укутался минувшим вечером. Желудок сжался весьма недвусмысленно. Я икнул.

Вино, однако, оказалось необычным — едва попав во взбудораженное чрево горячая жидкость разлилась по всему телу, будто в жилы налили расплавленного металла. Огонь согревал, пробуждал мышцы от пьяного сна, взбадривал, очищал голову от мутного тумана. Неужели, магия?

Через несколько мгновений я почувствовал, что оживаю. Потянулся, протер кулаками глазницы, зевнул и, наконец, соизволил обратить внимание на внезапного спасителя.

Спаситель восседал в резном кресле напротив. Молод, очень смугл, черты лица привлекательны и правильны, однако резковаты. Голова выбрита налысо. Глаза чернеющие и миндалевидные, хитрые и добродушные. Смотрят безмятежно, с едва заметной ехидной усмешкой. Облачен гость в красивый балахон черного атласа с вышитым золотой нитью символом на груди — свернувшаяся в кольцо змея, кусающая свой хвост. Внутри кольца изображены песочные часы с равными долями песка в каждой полусфере.

К креслу прислонен обычный дубовый посох. На пальце правой руки гостя — кольцо в виде металлического серебристого дракончика с красным глазком.

Говорит человек с едва различимым полууденным акцентом.

— Т-тотлант? — вскинулся я. — Ты откуда?

— Узнал, — хмыкнул молодой человек. — Очень рад этому обстоятельству. Может, взглянешь на клепсидру и узнаешь, сколько времени натекло?

Я машинально перевел взгляд на водяной часовой механизм, стоящий на камине. Стрелка указывала почти на полдень.

— Жду с самого утра, — невозмутимо продолжал Тотлант. — Поначалу решил не беспокоить, нанес несколько визитов во дворце... С Конаном увиделся, новостями поделился. Потом решил, что тебя надо разбудить, намешал в подогретое вино особенных порошочек, добавил заклинание и... И вот ты жив и здоров. Сколько дней подряд пили?

— Шесть, — я тяжко вздохнул, изображая раскаяние. — Тотлант, друг мой, вот уж кого меньше всего ожидал увидеть! Отчего не предупредил о приезде?

— Не хотел беспокоить. Полагал, ты сам догадаешься.

— Каким образом? — удивился я.

— Тебе надо жить не в Аквилонии, а в Пограничье, — наставительно сказал Тотлант. — Составил бы отличную компанию нашим пьянчугам — оборотням, во главе с королем и наследничком. Признаться, я был уверен, что королевский библиотекарь и тайный советник Конана обязан знать про встречу магов—равновесников, назначенную в Тарантии с

разрешения вашего короля. Я приехал заранее, чтобы отдохнуть в столице и повидаться со всеми знакомыми... Теперь вспомнил?

— Угу, что-то такое было, — пришлось изобразить якобы искреннее смущение. — Рад тебя видеть.

Если вы еще не знакомы с Тотлантом, счастлив буду представить. Он стигиец, занимается магическим ремеслом, уже несколько лет служит "державным волшебником" при маленьком дворе короля Пограничья Эрхарда Оборотня. Тотлант давно уехал из Стигии, выбрал для себя гильдию магов, поддерживающих не Свет и не Тьму, но Равновесие.

И вообще, стигиец является собой очень хорошего человека и нашего общего друга.

Нашего — значит моего, короля Конана, великого герцога Просперо и остальных представителей разношерстной компании, взявшейся несколько лет назад за уничтожение пресловутой Небесной Горы.

С тех пор Тотлант приезжал в гости три или четыре раза, каждый год. Привозил новости от наших далеких полуночных соседей — Пограничье является самым верным и ревностным союзником Аквилонии, ибо Эрхард-Оборотень и Конан Аквилонец доселе остаются закадычными друзьями.

О собрании гильдии магов-равновесников, назначенному в Тарантии, я слышал мельком, не очень давно, и только подивился — почему, интересно, король Конан, недолюбливющий волшебство, разрешил магикам встретиться в столице Аквилонии. Не исключено, что на благосклонность варвара повлияла старая дружба с Тотлантом.

Тотланту немногим меньше тридцати лет, он всегда остается себе на уме, однако никто не может упрекнуть молодого стигийца в привычных для магов грехах: себялюбии, тщеславии и презрении ко всему миру. Он хороший друг и знающий волшебник. Один из редких людей, в искренности которых со временем не разочаровываешься.

— Где остановился? — спросил я нежданного гостя. — В городе?

— Ничего подобного, у тебя, — с чарующей непринужденностью обитателя Пограничья, улыбнулся Тотлант. — Найдется свободная комната? Понимаешь, я хочу покопаться в библиотеке, надеюсь в твоем обширном хозяйстве отыщутся занимательные трактаты... Интересные для меня. Сам знаешь — я самоучка. Предпочитаю постигать искусство волшебства самостоятельно, без наставников.

— Надолго приехал?

— Седмица-полторы. Затем вернусь домой, через Немедию. Хочу повидать герцога Мораддина, госпожу Рингу и их детей. А заодно получить от главы всемогущей тайной службы Трона Дракона разрешение сунуть нос в книгохранилище Бельверуса. Кстати, тебе привет от наших перевертышей, Веллана с Эртелем. Подарок прислали.

— А именно? — насторожился я, зная, что от племянника короля Пограничья и его разбитного приятеля ничего хорошего не жди. Те еще шутники, Конан им в подметки не годится.

— Не хватайся за сердце, — фыркнул Тотлант. — Они прислали шкуру droho и золотую чернильницу с самоцветами, изготовленную гномами. Чернильницу выиграли в кости у посланника гномьего короля: гном от расстройства желчью исходил, но ничего не поделаешь — игра... Исключительно ценная вещица. Держи!

Тотлант потянулся за брошенным возле кресла дорожным мешком, рванул тонкие ремешки и с наилюбезнейшей ухмылкой протянул мне белый меховой лоскут. Размером с две ладони.

Хорош подарочек.

Дрохо — огромная, размером с теленка, снежная ящерица, которая водится только в Пограничье. Отличается от любых прочих ящериц густейшим, лучше чем у горностая, белым мехом, ценящимся буквально на вес золота. И вот подарок: Веллан с Эртелем отправили мне шкурку детеныша дрохо — ни дать ни взять, будто с кошки содрали!..

Впрочем, тоже неплохо, этим лоскутом можно вытираять пыль. Мерзавцы, а не оборотни!

А чернильница (выигранная у гнома в презренную зернь!) действительно великолепна. Формой напоминает грушу, металл густо-желтый, без примесей. Украшена потрясающим орнаментом из драгоценных камней — великолепно граненые сапфиры, рубины, аметисты, опалы. Змеистый пояс густо-зеленых изумрудов в виде Мирового Змея. Крышечку венчает чистейшей воды восьмигранный алмаз. Настоящее сокровище! Конан от зависти все локти искусает!

Впрочем, нет. Не искусает. Применение для этого подарка судьбы я отыщу немедленно.

— Тотлант, будешь отдохать? — осведомился я.

— Буду, — согласился стигиец. — По-своему. Если ты не против, пойду копаться в библиотеке. Между прочим, со мной прибыл сопровождающий — нечто вроде телохранителя. Разместишь? Темвик — парень совсем молодой, устал с дороги.

— Вот дверь в спальню, — отмахнулся я. — Устраивайтесь, как хотите.

Спустя квадранс я, поприличнее одевшись, вышел из замка в город, миновал площадь Эпимитриуса, вышел на улицу Сигиберта Завоевателя, и направился в торговый квартал Рогаро. С видимым презрением окинул взглядом дом ростовщика бар Мираэли и злонамеренно повернулся к его главнейшему конкуренту, в здание напротив — тут квартировал офирский ювелир месьор Аротидис. В кулаке я сжимал бесценную древнюю чернильницу.

Последующий визит — к сребролюбивому Шомо бар-Мираэли. С тошнотворно царственным видом я выложил на стойку мешочек с золотом и обрел свое сокровище. Немедленно надел его на шею.

В замок я возвращался пешком. Плащ был нарочно распахнут, чтобы прохожие видели Орден Большого Льва, выкупленный у ростовщика — государственный герб на шикарной цепи из самоцветов с выложенными опалами надписью: "Где властна воля — там путь к победе!"...

Карманы приятно отягощались еще двумя кошельками, полученными у ювелира за подарок Эртеля и Велана, а праздные тарантийцы, зайдя в высочайшую награду Аквилонии, подобострастно кланялись.

Сам королевский советник, не шуточки! Его (моя!) светлость! Большой вельможа!

Жизнь постепенно становилась почти прекрасной. Но так или иначе я этим же вечером потребую у Конана Канах отпуска.

Откажет — будет плохо. Это я обещаю.

* * *

Если вы доселе не представляете, что такое Малый Государственный Совет нашего замечательного королевства, я сейчас расскажу.

По любым законам, признанным дворянством и всеми прочими сословиями Аквилонии, страной правит единодержавный монарх — король. Именно за королем остается последнее слово в любых решениях, касающихся судеб страны. Однако, понятно, что один человек не в состоянии надзирать за всеми тонкостями политики или торговли, следить за армией, тайной службой или стражей городов. Посему, при участии короля, обычно собирается Малый Совет — эдакое маленькое правительство королевства.

Возглавляет Совет сам Конан I Канах, а при его отсутствии — великий герцог Просперо Пуантенский. В действительности, наш Леопард (это прозвище Просперо заслужил благодаря фамильному гербу с тремя оскалившимися леопардами в червленом геральдическом щите) ныне является возможными преемником Конана на троне.

У Конана нет законных сыновей. Надеюсь, это положение продлится недолго.

Если с правящим королем (пусть нас Митра защитит!) произойдет что-нибудь скверное, Конан в завещании назначил Просперо наследником короны.

Оно и к лучшему. Старый Пуантенский герцог Троцеро постоянно болеет, а вот Леонард — идеальная фигура. Умен, сравнительно молод, решителен, завоевал искреннее уважение дворянства и народа. Возможно, если Конан не обзаведется супругой и кровными наследниками, через некоторое время, мы получим короля Просперо Первого... Сейчас он — вице-король и второй человек в стране после киммерийца.

В Совет также входит наш железный канцлер Публио, герцог Форсеза. О нем я уже высказался. Не люблю я старого Публио — казнокрад выдающийся, но как администратор незаменим. За ним — генеральный казначай страны, усталый и издерганный Ришильди, он присутствует на заседаниях редко, но дело свое знает.

А вот тысячник — или, если по-благородному, легат войска — Паллантид приходит всегда. Он командует всей гвардией столицы, а в случае войны становится главнокомандующим аквилонской армией. В совете участвует и барон Гленнор — удивительнейший человек. Гленнор возглавляет секретную службу короля, получает указания только от Конана, не подчиняется никому кроме монарха и богов и вообще делает половину аквилонской политики.

Я остаюсь последним из семи величайших персон, правящих страной. Мои задачи просты — быть секретарем, составлять нужные документы, и не высываться, пока не выскажутся остальные... Собственно, звание "тайного советника" было введено специально ради меня. Чтобы обидно не было. Жалование повысили ровно на девять кесариев — Публио решил, что в качестве библиотекаря я и так получаю более, чем достаточно. То есть в четыреста раз меньше самого Публио, не считая его незаконных доходов. Старый негодяй.

Я уже всерьез задумываюсь: может, продать из-под полы десяток-другой книжных раритетов из королевской библиотеки? Все равно никто не заметит.

...Взгляните на нашу теплую компанию. Почти все в сборе, кроме казначея — Ришильди, он как всегда занят делами. Ах да, забыл упомянуть "королевского советника по делам магии и волшебства", то есть нашего придворного волшебника, уважаемого и престарелого Озимандию из Темры.

Его приглашают только в самых тяжелых ситуациях, когда дела связаны с колдовством, или без участия магии невозможно разрешить назревшие трудности. Озимандия сегодня тоже остался дома, со своей очаровательной супругой. А так — правительственный совет Аквилонии перед вами.

Белая гостиная, очень любимая Конаном. Король и Паллантид, усевшись прямо на

подоконнике, громко спорят о снаряжении нововведенного легиона тяжелой пехоты, который должен охранять границу с Немедией на горных перевалах. Надутый и одетый с пошлайшей роскошью Публио вместе с хмуро-деловитым Просперо разбирают некие таинственные бумаги — не иначе, доклады из провинций, о налоговых сборах. Барон Гленнор, как поступает всегда, дремлет в кресле возле огня, не обращая внимания на остальных. Хальк Юсдаль, наблюдая за суетливой прислугой, расставляющей на низком мраморном столике блюда с закусками, кубки и винные кувшины, попросту скучает. Мое дело маленькое — слушать и делать выводы.

Любопытно, зачем Конан собрал нынешним вечером Малый Совет? Надеюсь, скоро узнаем.

— Усаживайтесь! — наконец скомандовал король, занял свое кресло в торце стола и подождал, пока устроятся все прочие. Гленнор не проснулся — барон сидел спиной к нам и вызывающе похрапывал. — Начнем наши танцы, благороднейшие месьоры. Просперо, кувшин ближе к тебе — плесни либнумского вина в мой кубок... Спасибо. Ну, а теперь рассказывайте. Какими гадостями Малый Совет порадует меня сегодня? Еще не всю Аквилонию распродали оффирцам или шемитам?

— Не всю, — буркнул великий герцог. — Только половину. Словом, мой король, дела у нас обстоят не лучшим образом. Налоговые сборы снизились почти наполовину — прошла зима, холодная и снежная, караванов пришло гораздо меньше, чем ждали, торговля увяла, хлеб из-за прошлогоднего неурожая в Боссонии и Пуантене пришлось закупать в Шеме и Аргосе за счет казны. Расходы огромные. Беспокоят пикты, отчего пришлось перевести поближе к Пуще несколько легионов из Гандерланда и с немедийских рубежей. Границу на Восходе теперь закрывают новонабранные отряды — опять казенные траты...

— Содержание войска — дело обязательное, — вставил Паллантид, но герцог лишь поморщился, сказав:

— Конечно, но Аквилония сейчас не находится в состоянии войны, а пикты — зло привычное. Дальше. Цены на хлеб выросли, налоги остались прежними, отсюда новый недобор в казну. В столицах герцогств управители короны предпочитают удерживать золото у себя, а не направлять в Тарантию. Расходы на королевский двор опять превысили все мыслимые пределы (Просперо недовольно покосился на Конана), только на празднование Белтайнна и угощение от имени короля — для горожан мы потратили добрых восемь тысяч кесарiev...

— А месьор Публио, получив в сокровищницу государственной канцелярии конфискованные на границах контрабандные товары, распродал их втридорога, а разницу положил в свой карман, — внезапно проснулся барон Гленнор. — По моим подсчетам, сумма составила пятнадцать тысяч.

— Публио? — Конан с людоедской улыбкой взглянул на канцлера. — Зачем тебе столько денег?

Старик, уподобляясь рассерженному индюку, напыжился, гневливо раскраснелся и подъял очи горе. Всем видом дал понять: Гленнор возвел на его светлость гнусную напраслину. Но каждый отлично знал — глава Латераны врать не будет, ибо Гленнор, наверное, единственный честный человек в Аквилонии... То есть, он честен, только когда дело касается интересов собственно нашего королевства и монарха. С нашими заклятыми друзьями и врагами из-за границы барон не церемонится — тут все средства хороши.

— Вернешь все до последнего асса! — рыкнул киммериец. — Барон Гленнор проверит.

Еще раз услышу о казнокрадстве — лишишься головы.

Публио горько и обиженно вздохнул, остальные же понимающие улыбнулись. Варвар грозился казнить нечистого на руку канцлера на каждом Малом Совете, но угрозы пропадали втуне. Конечно, Публио вернет королевству какую-то (небольшую) часть, но прочее оставит себе. Его ничем не исправишь.

— К началу лета мы останемся нищими, — продолжил Просперо. — Разумеется, сейчас реки очистились от льда, началась торговля по воде, подсыхают дороги и вскоре пойдут караваны... Из губернаторов провинций деньги я выбью. Не забудем: в деревнях начали сеять, а зерна для посева не хватает. Придется покупать. Даже при самых благоприятных обстоятельствах, мы будем балансировать на самой грани. Ограничим любые расходы, включая войско. Никаких "больших коронных торжеств", празднование пятилетия коронации Конана придется отменить...

Верно, герцог непогрешимо прав: в этом году, в начале лета планировалось с огромным размахом отметить пятилетнюю годовщину восшествия киммерийского короля на трон.

— Надо спешно, любым способом, пополнить казну, — заикнулся Публио, будто и без его рекомендаций эта истина не являлась очевидной. — Может, стоит поднять налоги? Хотя бы ненамного.

— Или провести маленькую победоносную войну, — фыркнул король. — Например, разграбить Офир.

— И получить полновесную войну со всем Закатом, — обреченно кивнул Просперо. — От Зингары до Ту рана. Налоги тоже повышать не станем, пока, по крайней мере. Надеюсь, выкрутимся, если немного поэкономим на самих себе. Начался торговый сезон, сборы должны подняться. Еще придется распустить часть войска — скажем, никому не нужные конные тысячи на границе с Зингарой. Королева Чабела не собирается с нами воевать...

Немедленно возмутился Паллантид, заявив, что покушение на армию равнозначно самоубийству королевства, и сразу начался долгий и малоосмысленный для непосвященного спор о том, как безболезненно повысить сборы в казну и одновременно не разорить дворянство, землевладельцев и людей ремесла. Ничего не понимая в хитростях денежной политики, я перестал слушать, взялся за перо и пергамент, быстро набросав прошение к королю от имени некоего Халька Юсдаля. Встал, подошел к Конану, наблюдавшему за оживленным диспутом правителей Аквилюнии и подсунул ему бумагу.

— Что? — киммериец мельком взглянул на прошение. — Подписать? Давай перо.

Он черкнул внизу ожидаемую мною строчку: "*Прочел и одобрил, Конан Канах*". Эдак я мог положить перед невнимательным варваром текст чистосердечного признания в совращении королевской кобылы, а потом его обнародовать — вот смеху было бы!

— Постой! Что это была за бумага? — Конан схватил меня за рукав, когда я попытался отойти и спрятать пергамент в рукав. — А ну, дай сюда! Давай, давай'.

Слабо сопротивляясь, я вернул прошение Конану. Он прочитал и поднял на меня взгляд по-детски ясных синих глаз:

— Ты обезумел, — заявил Конан, тыкая пальцем в пергамент. — Какой отдых? Да еще на сорок дней? Хальк, не ожидал такой ушлости — надо было додуматься приписать: "*выплатить королевскому библиотекарю из средств канцелярии сто кесарiev содержания*". Думал, не замечу?

— От сотни монет Аквилюния по миру не пойдет. Публио, между прочим, украл

пятнадцать тысяч! — прошипел я, с ужасом наблюдая, как варвар разрывает в мелкие клочки мое несостоявшееся прощение.

— Вернет, — с возмутительной уверенностью сказал король, смахивая ладонью ошметки документа на пол. — Хальк, ты просто настоящий государственный изменник. Покидать своего монарха в такие трудные дни... Свинья ты, а не тайный советник. Запомни: до середины лета останешься в Тарантии. Если нечем заняться — отправлю в канцелярию Публио. Следить за канцлером, чтобы не таскал золото из казны. Ясно?

— Только не это! — простонал я. Все, включая Конана, отлично знали, что у нас с Публио были весьма серьезные разногласия, граничащие с мелочной враждой. — Конан, ваше величество...

— Не канючь, — нахмурился киммериец. — Сказано — остаешься в Тарантии. Занимайся, как и все, полезными делами. Садись на место.

Таким образом, мои радужные мечты о беспечном путешествии домой и в Пограничное королевство, были погублены бессердечным королем едва зародившись.

Ну, теперь я вам устрою веселенькую жизнь! Навсегда запомните, как обижать библиотекаря!

Остается всесторонне обдумать план отмщения. Чем я и займусь ближайшим вечером.

* * *

На ужин в покоях короля я, в нарушение долгой традиции, не пошел — обиделся. Предпочел общество Тотланта и его сопровождающего. Приказав слугам доставить с дворцовой кухни еду и вино, я разжег камин, украсил свою гостиную комнату несколькими десятками свечей, сдвинул кресла треугольником вокруг овального столика, чтобы удобнее было разговаривать, и начал долгие расспросы гостей о житье-бытье в Пограничье.

Вместе с Тотлантом приехал невысокий, русоволосый и худощавый парень, назвавшийся Темвиком. Я его вспомнил — встречались четыре с половиной года назад, во времена Полуночной Грозы. Темвик вызвался быть проводником у нашего отряда, покидавшего Пограничье после уничтожения Небесной горы. Уже тогда Темвик служил в дорожной страже Пограничья, а за прошедшие годы аж получил звание сотника. Наверняка, сказалось отдаленное родство с королем Эрхардом.

Темвик, как и многие обитатели Пограничья — оборотень. То есть он владеет способностью превращаться из человека в волка и обратно. Ничего удивительного — народ оборотней, называющий себя "Карающей Дланью" составляет больше трети подданных Эрхарда, владеющего самым удивительным королевством Закатного материка. В этой далекой стране мирно уживаются целых три расы, составляющие общность, именуемую "народом Пограничья": оборотни, люди и подгорные гномы (кстати, некоторые гномы в последние годы перебрались жить на поверхность из-за разрушения Зеленым Пламенем подземных городов).

Если Тотлант отправился в Аквилонию повидаться с товарищами по Гильдии Равновесия, то Темвик выполнял сразу две обязанности. Во-первых, следить за волшебником, ибо король Эрхард полагал стигийца редкостно несамостоятельным типом, не

способным бороться с жизненными и дорожными трудностями. Вероятно, старый оборотень прав: сколько я знаю Тотланта, он никогда не умел поставить шатер, добротно приготовить пищу на костре или непринужденно дать в ухо недоброжелателю — ничего не попишешь, волшебник! Во-вторых Темвик вызвался что-то купить в цивилизованной Аквилюнии для нужд своего королевства — книги, дорожные карты Заката и всякую прочую полезную мелочь.

Судя по рассказу Тотланта, дела в Пограничье обстояли неплохо. Уж всяко лучше, чем у нас, если вспомнить заседание Малого Совета, на котором я только что побывал.

Эрхард нашел деньги для возведение нового королевского замка — прежний начнут сносить грядущим летом. Торговля идет, а если учитывать, что Пограничье является центром пересечения дорог между Полуночью и Полуднем (сиречь, меж Нордхеймом вместе с Гипербореей и государствами, находящимися полуденное Граскаальских гор) — дорожные сборы исправно наполняют казну.

А в остальном, патриархальное Пограничье живет по-прежнему. Казусы, конечно, случаются — Веллану и Эртелю, двум ближайшим помощникам короля, дарованы герцогские титулы. Это сообщение вызвало у меня приступ неудержимого хохота — если вспомнить наших развеселых оборотней, и обликом и манерами напоминающих отпетых искателей приключений с больших и малых дорог, то поймешь, насколько обесценены в нашем несовершенном мире старинные дворянские привилегии. Или вот еще: посланником Пограничья в Немедии назначена девица Зенобия, старшенькая дочурка купца Стеварта, главы торговой управы — воображаю, каким сомнительным успехом будет пользоваться низкородная варварка среди немедийских дворян...

(Забегая далеко вперед, сообщу, что насчет провала карьеры Зенобии я оказался категорически не прав. Впрочем, это — дела будущего, о них рассказано в другой части Хроники...)

— Тотлант, будь добр, расскажи, отчего маги Равновесия вдруг решили собраться? — поинтересовался я у смуглокожего волшебника, потягивавшего свою любимую ягодную настойку. Я перебивался сладким шербетом, Темвик налегал на драгоценное либнумское вино. — Собираетесь учредить гильдию?

— Гильдия магии Равновесия давно существует, — отмахнулся стигиец. — Конечно, у нас нет признанного главы, конclave, который может решать текущие вопросы, мы не вносим пожертвования... Признаться, "равновесников" не столь уж много. Вспомни, стигийский "Черный Круг" или "Белая Рука" в Гиперборее насчитывают до полутора сотен магов. И это только две наиболее известные группы колдунов, избравших покровительство Тьмы. Поменьше адептов в Ордене Золотого Лотоса, который создал Пелиас из Кофа — Пелиас в кой веки решил создать обширную организацию Белых магов. А мы... Мы стоим на лезвии клинка. Нельзя и откатиться к Тьме, и обратиться к Свету. Всего должно быть в достатке. Сначала на равновесников не обращали внимания, потом устраивали гонения, а теперь, что Черные, что Белые, начали переманивать последователей Алого на свою сторону. По одиночке бороться с противниками мы не можем. Посему и решили созвать заседание гильдии... Будем искать принадлежащие Равновесию артефакты, создавать свою казну, школы, искать учеников. Мы хотим остаться независимыми и от мирских владык, и от магических организаций, прочих Великих Сил Вселенной. Я понятно объяснил?

— Благодарю, вполне доходчиво, — кивнул я. — А что ты хочешь найти в королевской библиотеке?

Я взглянул на кипу старинных фолиантов принесенных Тотлантом из залов книгохранилища.

— Деньги, — усмехнулся волшебник. — Золото не помешает и Гильдии, и мне самому, и Пограничью. Представляешь, сколько кладов и просто позабытых сокровищниц находится на Полуночи нашего материка?.. Вот в прошлом году: немедийцы, в Крейне — это довольно большое графство возле Соленых Озер — откопали драгоценности какого-то кхарийского вельможи. Судя по надписям — сокровищница было около полутора тысяч лет. Представь, никаких трудов: просто начали рыть котлован под фундамент нового форта и наткнулись на древнюю кладку. А под камнями — золота, камней и изделий почти на полтора сфинкса.

— Сколько?! — поперхнулся я. — Полтора? С ума сойти!

Ничего себе! "Сфинксом" называется особо установленная Офирским королевством мера веса драгоценного металла, причем соотношение золота к примесям должно составлять девяносто девять к одному и выше. Сфинкс равен ста тысячам офорских денариев, наиболее дорогих и полновесных золотых монет Заката — умопомрачительная сумма! Колossalное состояние! На эти деньги можно купить целое графство, с замком, полями—лесами—речками, дюжиной деревень и городком.

— Именно, полтора сфинкса, — с плохо скрываемой завистью подтвердил Тотлант. — После уплаты налогов в Бельверус, граф Крейн раздал десятую часть оставшегося золота своим кметам и дружине, а остальное вполне законно присвоил. И стал одним из самых завидных женихов Немедии.

— Повезло, — вздохнул молчаливый Темвик. — Нам бы в казну эти деньги... Тогда Пограничье стало бы жить не хуже Аквилонии.

В моей ученой голове проскочила некая недобрая мысль. Но я, запомнив внезапно возникшее соображение, продолжил расспрашивать слегка опьяневшего Тотланта:

— Ты полагаешь, будто в книгах моей библиотеки можно отыскать указания на древние клады? Чепуха! И я, и мои предшественники, давно перерыли все хроники и летописи, надеясь обнаружить сведения о сокровищах давно ушедших королей! Думаешь, некоторым поколениям библиотекарей и желающим пополнить свой карман государям было не интересно найти старые карты или планы? Я пытался, но ничего не вышло... Или сокровища давно разграблены, или сведения неточны, а то и попросту выдуманы. Полуночные страны — это тебе не родная Стигия, где в любой кхарийской пирамиде захоронено сокровищ больше, чем можно вообразить простому человеку.

— Тут жили атланты и те же кхарийцы, — покачал головой Тотлант. — И змееногие. И альбы. Сам знаешь, местонахождение Стобашенного Пифона доселе не обнаружено, а ведь великкая империя возводила множество городов, храмов, святилищ... Если обитатели Хайбории однажды найдут Пифон — самый последний нищий окажется богаче короля. Пойми, в те времена золото не было чем-то особенным, но обычным красивым металлом. Им украшали постройки, делали посуду для любого, самого простого дома... Признаться, это лишь предположения. Мечты. Так или иначе, сейчас самыми несметными богатствами владеют гномы, разрабатывающие золотые жилы и самоцветы. Но, как известно, за всю немаленькую человеческую историю люди не могли победить или даже временно захватить царства подгорных карликов. Надо искать развалины на поверхности земли, копать, буквально разнюхивать малейшие следы... Возможно, что-нибудь отыщу. Когда-нибудь.

Моя недавняя мысль снова вспыхнула с яркостью летнего метеора... Но у меня

недостаточно сведений! Если проявить хитрость и настойчивость — привлеку Тотланта в качестве невольного союзника.

Постепенно замысел начал формироваться. Если дело выгорит... Что тогда будет? Не знаю. Но, по меньшей мере, потешу свое самолюбие. И как следует посмеюсь.

А может, рассказать Тотланту? Стигиец тоже большой любитель пошутить покрупному... Поглядим. Со временем. Такие маленькие заговоры следует обдумывать с исключительным тщанием. Чтобы не заподозрили.

* * *

Темвик, которому надоели многоученые разговоры отправился спать — завтра он хотел на полный день отправиться гулять по Тарантии. А я и Тотлант взялись за книги, распалившись своими измышлениями о "древних сокровищах".

Ничего путного, конечно, не обнаружили. Сохранившиеся доселе кхарийские летописи повествовали только о великих подвигах царей, битвах, победах и поражениях, не давая точных указаний на местонахождение городов или богатейших храмов. Вдобавок, кхарийцы использовали совсем другую систему исчисления географических расстояний, а значит вычитанная фраза "*святилище Гхора, великолепнейшее и славнейшее, стояло в ста харрах от Пифона*", означала форменную бессмыслицу. "Сто харров" — это сколько? Сто шагов, лиг, миль, лучных перестрелов, дневных переходов или сто обычных плевков? И вообще, где находился пресловутый Пифон? Известно несколько городищ, разбросанных по землям Немедии, Аквилонии и Кофа, которые именуются "Пифоном", но в действительности они являются собой остовы обычных провинциальных городков кхарийцев. Настоящий Пифон был полностью разрушен и забыт.

— Вот еще! — возглашал я, разобрав почти непонятные строчки, выведенныне неумелым писцом эпохи Эпимитриуса. — Слушай! *"В год Великого Противостояния все драгоценности алиссага кхарийцев были вывезены в область Раддэ и там тайно захоронены. Воинами алиссага убито десять тысяч рабов, дабы их гневные тени охранили..."* И так далее. Понимаешь? Десять тысяч теней убитых — чересчур серьезная стража для какой-нибудь мелочи!

— Хорошо, — ответствовал Тотлант, выкраивая на лице унылость. — Теперь объясни, кто такой или что такое "алиссаг"? Человек, бог, вещь или, например, любимый кот кхарийского императора? А где находится "Раддэ"? Знаешь? Нет? Я тоже не знаю. И никто не знает. Слишком давно было.

Молчание. Тишину нарушает только шуршание пергамента и скрип переплетов. За стрельчатыми окнами замка — глубокая ночь. Тарантия мерцает оранжевыми точками редких факелов.

— Можно посмеяться, — неожиданно фыркнул Тотлант, переводя взгляд от древней книги на меня. — Даже в "Хронике короля Алькоя" всплыло известное предание о Нифлунгах. Слышал такую историю?

— Конечно! Сказка, которую знает любой аквилонский ребенок. А в каком контексте? Волшебник, нараспев, процитировал найденные строки:

— "Варваров орды волною накинулись, Нифлунгов земли испепелили, царь благородный и ближние воины, к Мертвому Солнцу вернуться решили..."

— Ничего особенно сложного, — отозвался я. — Это просто кеннинг — иносказание. Мертвое Солнце — закатная часть света, где по верованиям древних солнце ежедневно умирало, чтобы утром возродиться на Восходе. Сказка, ничего более.

— Тут есть четкие указания на географию. Якобы, корабли народа Нифлунгов, промыслом Митры выбросило на бесплодный берег острова Воронов.

— Как? Остров Воронов? — вскинулся я, вспоминая. — Между прочим, так называется один из островов неподалеку от побережья Пущи Пиктов. Вернее, не совсем так. "Остров вороньей стаи" — там еще при Нумедидесе хотели поставить аквилонский форт, чтобы с моря наблюдать за пиктами. Что еще написано?

— Как обычно... У царя Нифлунгов было множество сокровищ, придворных, наложниц и прочих, необходимых в далеком плавании на Закат — вещей, но воины погибли на острове или умерли с голоду, а царь и некоторые приближенные спрятали золото в пещерах и покончили с собой, ибо все корабли оказались разбиты. Бредни чистейшей воды. Если, как и положено в трагической саге, погибли все и каждый, то каким, любопытно, образом о гибели Нифлунгов узнал летописец?

Я подошел к Тотланту, отодвинул волшебника в сторону, взглянул на свиток с каталогом и потом внимательно осмотрел саму книгу.

Так и есть. Рукопись времен царствования братьев-королей Алькоя и Олайета. Тысяча двести лет назад. Значительно позже пергаменты были переплетены и помешены в тяжелую деревянную обложку.

Одна из самых ценных рукописей библиотеки, смею заметить. По весьма приблизительной оценке ее можно продать любому собирателю древностей за пять-шесть тысяч кесариев. Да еще и поторговаться.

Интересно другое — легенда Нифлунгов, точнее ее широкое распространение, датируется более поздними временами!

Вот вам и маленькое открытие, которое может сделать любой хранитель древнего книжного собрания!

Значит, последние представители небольшого кхарийского княжества покинули наш материк, в надежде добраться до неизвестного континента на Закате, несколько раньше, чем хайборийцы Алькой и Олайет, знаменитые основатели Аквилонии, добились полной победы...

Занимателено, конечно же, однако никакого прикладного значения данное открытие не имеет...

Впрочем, оно имеет значение для меня лично. Если я желаю чуток насолить нашему богоспасаемому государству и лично Конану — предлог перед моими глазами!

Никогда не обижайте библиотекарей. И платите достойное жалование!

Иначе, вы наполните казну моими сокровищами.

Мало не покажется!

Тарантия, дворец и город.
4-6 дни третьей весенней луны 1293 г.

— Тотлант, радуйся: в городе постепенно начинается золотая лихорадка! Надо думать, получилось!

С этим восторженным воплем Хальк Юсдаль ворвался в гостиную, отвлекая меня от чтения. Русые волосы, выбившиеся из-под шайки, раззываются знаменем, короткая светлая борода взъерошена, будто старая метелка, глаза горят нешуточным азартом, а скомканный плащ зажат под мышкой. Господин барон выглядит настоящим варваром, явившимся грабить мирных соседей.

— Подробности? — немедленно отозвался я. — Все-таки, пошли слухи?

— И еще какие! Царит эдакое пикантное возбуждение, словно перед войной, государственным переворотом или вторым явлением святого Эпимитриуса... Не предполагал, что мои легковерные соотечественники ухватятся за приманку настолько быстро, всеми зубами. В благородных салонах Тарантии, при дворе, на рынках, в лавках говорят о... Об этом.

— Ничего себе... — я нервно почесал подбородок и отложил книгу. — Понимаешь, что произойдет, если люди узнают истинную подоплеку? Нас обоих попросту утопят в выгребной яме! Но сначала повесят, колесуют и отрубят все конечности, вкупе с причинным местом. Похоже, мы перестарались.

— Ничего подобного! — самоуверенно усмехнулся Хальк. — Обыватели поговорят—поговорят, да и забудут. По-настоящему заинтересуются только серьезные люди.

— Этого я и боюсь.

— Оставь глупые страхи, следы заметены мастерски. Никто не докопается.

— Твоими бы устами, да пиво хлебать...

— Помолчи, деревенщина стигийская! Лучше подумай, как усугубить процесс совращения аквилонцев с пути размеренного благочиния. Слухи необходимо подогревать, дабы наши старания не пропали втуне.

— Втуне? Тебе не кажется, что излишний ажиотаж только повредит?

— Чем больше шума, тем лучше. Тогда и Конан поверит, хотя что с него, дикого киммерийца, взять — и разумом скуден, и рожей не вышел.

— Однажды тебя точно утопят в свином навозе... И я знаю кто именно займется этим полезным делом — король Аквилонии. Сам знаешь, Конана нельзя недооценивать.

— А умные головы нам для чего? Думай, Тотлант! Думай.

— Все давно придумано. Остается действовать.

Вот такой занимательный разговор. Для людей непосвященных — насквозь непонятный.

Дело в том, что его светлость барон Юсдаль (при моем посильном вспомоществовании) два дня назад придумал клад. Не обнаружил, на разыскал, не откопал, а именно придумал.

Оказывается, Хальк обижен на короля. Причем эта, на мой беспристрастный взгляд, совершенно детская обида (подумаешь, не отпускают погостить в Пограничье! Чего он не

видел в нашей дыре?) получила крайне неожиданное воплощение в виде оригинально задуманной мести.

Аквилония переживает обычные для всякого государства временные трудности — в казне, по весеннему времени, острый недостаток золота. Об этом Хальк узнал в день моего приезда, когда побывал на совете у короля. На этом же совете Конан разорвал прошение господина барона, касающееся сорокадневного отдыха и выплаты содержания за шесть седмиц. Юсдаль оскорбился еще больше.

Поздно ночью, во время многоученой беседы со мной, посвященной древним тайнам и брошенным городам, Хальк случайно наткнулся на документальное подтверждение известной аквилонской легенды о сокровищах Нифлунгов. План воздаяния королю, не повинному ни в чем, кроме, возможно, некоторой невнимательности к нуждам своих ближайших соратников, созрел моментально. И я начинаю жалеть, что позволил Хальку втянуть меня самого и Темвика в эту дурно пахнущую историю.

Какую именно историю? В двух словах не расскажешь, но я попытаюсь быть максимально кратким.

Объяснения следует начать издалека. Кто же такие Нифлунги, откуда взялись, куда исчезли, и действительно ли они владели некими удивительными богатствами, каковые ныне утеряны?

Известно, что Аквилонское государство, а с ним и прочие великие державы Заката получили исток от событий, происходивших на материке тысячу двести—тысячу триста лет назад. Кхарийская империя рушилась под натиском явившихся с Восхода орд завоевателей — сообщества многочисленных племен, названного "Хайборийским союзом", по имени наиболее крупного племени.

Империя была рассечена ударами варваров, справедливо рассудивших, что столь могучего противника проще уничтожать по частям. Отдельные народы, ранее находившиеся под управлением кхарийцев, либо присоединялись к войску завоевателей, либо пытались уйти от опасности. Среди последних были и Нифлунги.

О Нифлунгах нам почти ничего неизвестно, кроме самого факта их существования. Якобы, племя обитало на полуночном закате материка, на землях ныне оспариваемых пиктами и нордлингами — ванирами.

Когда вожди хайборийцев Алькой и Олайет, вдохновляемые проповедями святого Эпимитриуса, принялись искоренять последние островки сопротивления на Полуночи континента, правитель Нифлунгов Тразарих вспомнил о самых древних легендах, повествующих о незаселенном людьми материке, расположенном за Закатным Океаном.

Далее начинается легенда, со временем превратившаяся в известную аквилонскую сказку. Соблюдены все законы сказочного жанра: есть изгнанный царь и его народ, есть сокровища, оным принадлежащие, а изменница — судьба всемерно преследует как самого Тразариха, так и его верных воинов, приводя к неизбежной гибели. Мораль: надо было слушаться Эпимитриуса, и тогда все вышло бы наоборот. Словом, эдакая наставительная история.

Про это даже неинтересно рассказывать — подобные легенды встречаются у любого народа нашего континента. Сердцем почитай богов и их посланцев — будешь счастлив и благополучен. Скукотища.

Единственной интересной деталью саги о Нифлунгах, столь неудачно пытавшихся бежать от страшных завоевателей морем на Закат, является сообщение, которое звучит таким

образом:

Под самою горою возник Нифлунгов стан,
Воителям Тразариха был клад несметный дан.
Они на берег моря его перевезли,
И стали той же ночью грузить на корабли.

О нем чудес немало рассказывают были:
Четыре дня и ночи с горы его возили
Двенадцать до отказа нагруженных возов,
И в сутки делал каждый воз не мене трех концов.

Лишь золото да камни тот составляли клад.
Когда бы дать в нем долю на свете всем подряд,
Он и на меру меньше от этого б не стал,
Недаром каждый витязь им завладеть мечтал...

Бессспорно, неизвестный составитель повествования несколько преувеличивал относительно количества сокровищ, однако таковы непременные традиции жанра эпической легенды. Но если бы "золота да камней" оказалось мало, составитель саги просто не упоминал бы о драгоценностях Нифлунгов — вполне бы хватило личной трагедии погибающего народа и его правителя, Тразариха.

Итак, золото все-таки было. Золота было много. Если верить саге — очень много. Куда оно подевалось — неизвестно.

На этом и решил сыграть Хальк.

Наутро, после нашего первого разговора, королевский библиотекарь попросил меня помочь... как бы это сказать?.. в скромном розыгрыше. Ничего особенного — просто хочется немножко подразнить короля. Его величество решил, что весь мир (включая персону Халька) приспособлен только под его желания и хотения — что ж, придется короля слегка разочаровать.

Тотлант, это всего лишь небольшая шутка. Малюсенькая. Крохотная. Очень безобидная. Никто ничего не узнает.

Поможешь?

И я, сдуру, согласился.

* * *

Барон Юсадаль — истинный царедворец. То есть он действительно выглядит как приближенный короля — носит на груди Орден Большого Льва, задирает подбородок, способен, как выражаются стихосложители, "метнуть глазами презрительные молнии", и вообще его облик (при большом желании со стороны самого Халька...) убедит любого в том, что сей благородный муж стоит по правую руку от трона и поддерживает мантию монарха...

А еще Хальк является истинным царедворцем потому, что он способен буквально из пустоты создать самую невероятную интригу. И проворнуть ону почти без участия помощников. Завидное умение.

Теперь, как ни жаль, этот редкий талант обращен в пользу уязвленного самолюбия месьора Юсдаля.

Я живу в тихом Пограничье, и самые страшные интриги, доступные двору короля Эрхарда Оборотня состоят в банальных любовных похождениях да глуповатых розыгрышах как со стороны лично Эрхарда и его приближенных, так и с моей — я владею искусством волшебства, а значит, и определенным преимуществом.

Просто в Пограничье очень много иных, более важных дел. У нас нет времени на дурацкие забавы и нелепые обиды.

Хальк время нашел. И начал действовать.

Смысл его авантюры был таков. В казне очень мало денег. Ради получения нескольких лишних тысяч золотых кесариев Конан наизнанку вывернется. И вывернет своих приближенных. Так или иначе, Аквилония не разорится — слишком сильное государство, но вот найти занятие для скучающего монарха и не менее скучающего библиотекаря, жаждущего на время покинуть душную столицу, вполне можно. А именно: они поедут отдохнуть. Почему и каким образом?

Да потому, что в Тарантии возникнет слух, будто обнаружены несметные богатства сказочных Нифлунгов! Море разливанное золота и драгоценных камней!

Съездим. Поглядим, поищем несуществующую черную кошку в темной комнате, несолено хлебавши вернемся обратно... Присутствие короля в столице вовсе не обязательно — с делами государства отлично справится герцог Просперо. А Конан и отдохнет, и развеется на природе. Разочаруется в древних легендах? И что такого? Король каждый день терпит куда более тяжелые разочарования!

Остается придать этой выдумке вид подлинности. И не вызвать подозрений.

За чем же дело стало?

Не знаю почему, но мысль Халька внезапно мне понравилась. Вчера, во время встречи с Конаном, король показался мне излишне хмурым, в отличие от прошлых лет — я всегда помнил киммерийца веселым и быстрым на подъем человеком, которому великий грех уныния был насквозь чужд.

Ладно, я помогу барону Юсдалю. Не ради самого Халька, чья ухмылочка вызывала у меня нехорошие подозрения, а ради Конана — варвару, видать, надоело целую зиму безвылазно сидеть в Тарантии. Пускай развлечется охотой за несуществующим (или давным-давно утопленным в Океане) кладом. Известно, что глубины времени и моря крайне редко возвращают свои сокровища людям. В любом случае Конан или его посланники ничего не найдут.

...Когда предварительный план действий был готов, мы отправили Темвика гулять по городу, а сами, обложившись огромным количеством книг, карт местности, летописей и прочих необходимых для столь серьезного дела принадлежностей, начали изготавливать "доказательства". Было ясно, что если мы, в лучших традициях шадизарского жулья, состряпаем какую-нибудь простенькую "древнюю карту", никто в существование сокровищ Нифлунгов не поверит. Следовало поработать тщательно и сразу в нескольких направлениях.

Никакого острова Воронов, о котором упоминалось в "Хронике короля Алькоя" на картах, само собой, не было, а использовать в качестве местоположения "клада"

вспомнившийся Хальку остров Вороньих Стай смысла не имел — и населен людьми, и черезсчур маловат.

— Что бы такого оригинального придумать? — вопрошал сам себя барон Юсадель, склонившись над обширной картой побережья и архипелагов, расположенных к полуночному закату от Пущи и Ванахейма. — Вот острова Чертоги Имира... Не пойдет, слишком далеко. Следует выбрать что-нибудь полуденное фьорда Старкардгарт, и уж точно не полуночнее Оскаленного фьорда и устья реки Нямун. Там слишком холодно, льды, дикие нордхеймцы, бр—р—р... Вот, Тотлант, взгляни — Ванские острова. Довольно большой и необжитый архипелаг. А вот остров Вадхейм — вполне подойдет...

Я взглянул. Действительно, удобно. Можно безопасно добраться из Аквилюнии по суше, оставляя справа Киммерийские горы и выходя к городку Рагнарди, который в равной степени принадлежит и варварам — ванирам и аквилонским купцам, торговущим с Полуночью. Затем — на ладье. Островов много, около полутора десятков, достаточно выбрать любой (тот же Вадхейм, выбранный Хальком) и измыслить правдоподобную сказку о том, что царь Тразарих сотоварищи погиб именно там.

Я нарисовал сразу четыре карты — якобы кхарийские и раннеаквилонские. Пришлось употребить все умения, полученные некогда в магической обители моего родного Луксура — надписи по-кхарийски, особые символы, стилистика прежних картографов, все это должно быть учтено.

Хальк тем временем подделывал летописи, касающиеся событий первого века от основания Аквилюнии. Все это заняло полный день работы — ничего не скажу, творить древнюю историю собственными руками довольно увлекательно.

— Отлично! — Хальк с торжествующим видом откинулся на спинку кресла, когда основные фальшивки были готовы, а я наложил на пергаменты заклинание — чтобы выглядели старинно и подлинно. — Карт у нас четыре, каждая взаимодополняет друг друга, и только собрав их вместе, можно будет получить полную картину. Три плана я непременно подброшу в разные библиотеки — при главном храме Митры, военной управе и в библиотеку тарантийской Обители Мудрости. И ненавязчиво сделаю так, чтобы о них узнали. Четвертый план спрячем в моем хозяйстве, для верности... Завтра же начинаем распространять слухи. Мне обязательно понадобится Темвик.

— Зачем? — удивился я. — Парень ничего не понимает в подобных вещах. Он, как и все провинциалы, прост как угол стола! Чем Темвик может помочь? Зачем?..

— А затем, что интрига только начинается. Помнишь подарочек Веллана? Чернильницу? Я, увы, успел ее заложить ювелиру Аротидису, но деньги не потратил... Проклятье! Вновь придется расставаться с фамильной честью!

С этими словами Хальк потянулся к валявшемуся на столе тяжелому Ордену Большого Льва — им придавили угол состряпанной нами липовой карты.

— Заложу орден — выкуплю чернильницу, — со вздохом, заявил господин барон. — Остальное — работа твоя и Темвика.

— А именно? — я удивленно поднял брови.

— Очень просто. Вы, как бы невзначай, встретитесь у ростовщика Шомо бар-Мираэли. Ростовщик не только жаден, но и невероятно болтлив. Гномья чернильница изготовлена давно, по узору и чеканке видно. Стоит она огромных денег. Кто тебе сказал, будто в кладе Ниблунгов не было сокровищ гномов?

— Дальше? — обреченно потребовал я.

— Темвик — варвар. И выглядит как варвар. Одевается как варвар. Видел, в каком облачении он пошел гулять по нашей великолепной столице? Ужас — меха и кожа, никаких тебе шелков-парчи кружев! Он вполне может сойти за асира — бар-Мираэли в разновидностях варваров не разбирается. Темвик показывает шемиту чернильницу, и рассказывает байку о том, как его несуществующий асирско—ванирский дядюшка нашел ее на избранном нами острове. Он картинно пожимает плечами, возводит очи горе, и наконец проговаривается, будто этот остров — и есть тот самый, легендарный, из сказки о Нифлунгах. Ты вступаешь в разговор, восторгаешься вещицей, а в финале, с авторитетом волшебника подтверждаешь: да мол, как раз такие прекрасные изделия в кладе и были, мол сохранились описания! Короче, придумаешь что-нибудь побудительнее. Тем же вечером говорливый шемит раззвонит о чудесном приобретении на весь квартал, к утру об этом узнает вся Тарантия, а через сутки слухи докатятся до Турана и Вендии...

Я от подобного нахальства лишь головой покачал. Спросил:

— А ты что будешь делать?

— Сначала займусь библиотеками. Затем подниму на уши Обитель Мудрости — у меня найдется десяток-другой знакомых слушателей—вагантов, из числа горячей и образованной молодежи. Им шепни слово "тайна" и они горы перевернут. В это время одна из карт и фальшивая страница из летописи будут уже покоиться в архивах Обители, дожидаясь своего первооткрывателя.

Барон Юсдалль ядовито хихикнул и поинтересовался у висящего напротив портрета короля Сигиберта Завоевателя:

— Вот интересно, смогут ли трое заговорщиков за несколько дней заразить огромный город манией кладоискательства? Посмотрим-посмотрим... Тотлант, давай-ка еще поработаем. Нужно сочинить несколько убедительных писем, которые сможет перехватить тайная служба...

У меня челюсть отвисла.

— Спятил? Ты и Латерану собираешься привлечь? Благодарю покорнейше — не желаю висеть на дыбе в костоломкой мастерской вашего кошмарного барона Гленнора!

— Гленнор — прекрасный человек, — невозмутимо заявил Хальк. — И у него есть чувство юмора... Весьма своеобразное, правда. Давай, не ленись — взялся за пляску с демонами, продержись до конца песни!

Кажется, авантюра месьора библиотекара начала переходить границы разумного.
Боюсь, мы за это жестоко поплатимся.

В крайнем случае — всю вину свалю на Халька. Это он придумал!

* * *

Следующим утром Хальк привел меня и включенного в заговор Темвика в один старых кварталов Тарантии. Назывался он "квартал Рогаро". Это старое аквилонское слово, обозначающее торговцев всяческими редкостями. Магическими предметами, старинными вещами или красивыми и очень древними поделками. Здесь жили люди, содержавшие на первых этажах своих домов многоразличные лавки, магазинчики и даже курительные

комнаты для любителей дурящих травок, привозимых из восходных стран. Тут же процветали заведения богатых ростовщиков.

Рогаро выстроен несуразно. Множество маленьких узких улиц, арок, проходных двориков, перепутанных меж собой, как лесные тропинки. Мы свернули на улицу Золотого Тигра, и барон указал нам на коричневый двухэтажный дом с вывеской, под засиженным голубями карнизов: "Торговля достопочтенного Шомо бар-Мираэли из Гарзеи, что в Шеме. Залог, ссуды, покупка драгоценностей. Милости просим!"

Хальк уже успел провернуть дело с закладом Ордена и выкупом чернильницы, которая ныне находилась в объемистом кошеле на поясе Темвика. Оставалось добросовестно разыграть спектакль.

Темвик, после недолгих уговоров согласился поучаствовать в розыгрыше — как и все оборотни, был любителем позубоскалить над ближним и дальним своим. Хальк объяснил ему, что и как надо говорить, дабы у ростовщика не осталось и тени сомнений в преподнесенной ему байке. Оборотня одели как и полагается — полосатые нордхеймские штаны, короткие сапоги, верхняя и нижняя рубахи с тесьмой и вышивкой, плащ заколот серебряной асирской фибулой, меховая шапка, меч в деревянных ножнах — варвар варваром. Аля маскировки Темвику приклеили раздобытые Хальком незнамо где накладные бороду и усы, ибо мой оборотень столь непременные украшения варварского лица не носил, брился каждый день. Где это видывали нордлинга без бороды? Извините, но такого не бывает.

Темвик, грозно сдвинув соломенные брови, толкнул дверь и вошел в заведение ростовщика. Не преминул зацепить ножами клинка лакированное дерево дверного косяка. Спустя некоторое время я отправился следом. Хальк остался на улице — ждать.

В целом лавка ростовщика оказалась именно такой, какой я себе и представлял. Темные шкафы, забитые пухлыми книгами, прилавок, весы, на стенах в аккуратных деревянных рамочках висят какие-то официальные пергаменты с гербами и печатями — разрешения на торговлю, надо полагать. Пахнет присутственным местом и сургучом.

И сразу на меня обрушился шквал — в лавке свирепо торговались.

В благороднейшем искусстве торгового спора нет народа, способного победить и обойти природного шемита. Ни одного. Кроме варваров с Полуночи, будь то нордлинги, киммерийцы или жители Пограничья. И с каким неземным блаженством они это делают! Я буквально залюбовался Темвиком.

— Да ты, посмотри! Ты глянь! — орал оборотень, тыкая пальцами в выложенную на прилавке чернильницу. — Нет, ты внимательнее посмотри! Да одних изумрудов здесь на шестьсот кесарiev!

— Юноша, где вы видите шестьсот? Скажите, где? Какие изумруды — вкрапления малахита!

— Малахита? Что за люди в этой Аквилонии глупые! Какой малахит? Изумруд чистейшей воды! А алмаз на крышечке — скажешь, горный хрусталь? Или вообще стекло?

— Мутный он, твой алмаз!

— Глаза протри, мутным не будет!

И так далее. Месьор бар-Мираэли оказался худощавым, средних лет, уроженцем Побережья, одетым в коричневый костюм с полосатой накидкой-таллесом поверх. Угольно-черная бородища веером делала его похожим на гнома-переростка. Вопил он с наслаждением. Легко. Со знанием дела. Но перекрыть раскаты голоса Темвика у шемита не получалось.

Продавать ценный подарок Хальк не желал, чернильнику требовалось отдать в рост — пять кесарiev за каждые пятьдесят за седмицу.

Но и оборотень и бар-Мираэли сцепились в словесной битве так, будто решалась судьба Вселенной, ни больше, ни меньше! Никто не желал уступать.

Пока они выясняли, сколько денег получит Темвик за удивительную вещицу, ко мне подбежал здешний служка, с испуганным почтением покосился на хламиду гильдейского мага, посох и волшебное кольцо на пальце, и застенчиво осведомился, что угодно многоуважаемому колдуну. Многоуважаемый колдун надменно процедил, что разговаривать будет только с хозяином. Затем подошел ближе к стойке.

Темвик, мерзавец эдакий, увлекся. Едва речь зашла о процентах с заклада, он с горящими глазами ринулся в новое сражение, и — ничего себе!.. — выторговал три кесария за седмицу, а не пять. О главном оборотень, похоже, напрочь позабыл.

Было достаточно малой паузы — Темвик набирал в грудь воздуха для нового залпа в сторону бар-Мираэли, который начал выглядеть вспотевшим и несчастным. Я склонился над стойкой, оглядел предмет спора, и как бы невзначай заметил:

— Исключительно древняя вещь. Первый век, самое позднее — третий.

— Что? — поперхнулся бар-Мираэли. — Как ты сказал, почтенный?

— Ей около тысячи лет, возможно — побольше, — повторил я. — Не думал, что подобные драгоценности еще встречаются.

— Ты... Ты уверен? — в глазах шемита появилось неопределенко-жадное выражение.

— Неужели правда?

Я щелкнул пальцами, пробубнил простенькое заклинание и над стойкой образовалось облачко розовых искр. Бар-Мираэли отшатнулся.

— Правда, — снисходительно кивнул я, убирая свечение, которое на самом деле было всего лишь красивым магическим фокусом без всякого другого смысла. На шемита, однако, впечатление произвело. — Я прочел заклятие, определяющее возраст изделия... Первый век, эпоха основания Аквилонии. Делали гномы.

Повернувшись к Темвику, я с деланным интересом спросил:

— Любезнейший, а откуда у тебя такая замечательная вещь? Это настоящая редкость!

Темвик сыграл замечательно. Еще одно полезное умение варваров — безмерное хвастовство. Он выложил заученную легенду — насквозь лживую, но убедительно звучавшую. Тут присутствовал и "дядюшка Сигурд", и дядюшкин корабль, на котором тот пристал к отдаленному острову, и случайная находка нескольких драгоценностей на означенном острове. Приплеталась сага о Нифлунгах, который якобы погибли в тех места, и так далее, и тому подобное. Бар-Мираэли внимательно слушал, то и дело кидая на меня быстрые взгляды.

— Смешно другое, — я сочувственно покивал. Доверительно сообщил шемиту: — Этот варвар говорит правду, я проверил заклинанием... Приукрасил, конечно. Неужели легенда о народе Нифлунгов истинна? Молодой человек, а ваш дядюшка на острове ничего больше не искал? Вдруг вы нашли бы все сокровища древнего народа?

— Нужно больно! — с варварской презрительностью бросил Темвик. — Мы — китобои, китовый промысел. Зачем нам какие-то побрякушки? И эту надо бы продать — новые сети покупать потребно.

Я подумал, что сетями китов не ловят, но бар-Мираэли внимания на эту оговорку не обратил. Кажется, шемит вовсю заглатывал крючок.

— Так берешь вещицу или как? — грозно нахмурился Темвик, переводя взгляд на ростовщика. — А то я к другому пойду. Много вас тут, кровососов, развелось, любой вдвое больше твоего заплатит...

— Беру-беру, — несолидно засуетился бар-Мира эли, открывая металлический сундук с деньгами. — А... А где ты остановился в Тарантии? Может быть некоторые мои друзья, очень уважаемые люди, захотят порасспросить о том острове?.. Это так интересно...

— Где надо — там и остановился, — отрубил Темвик. Сгреб выложенные на стол мешочки с золотом, хозяйственно сунул за пазуху закладной пергамент и насвистывая пошел к двери. Не попрощался. Варвар он и есть варвар.

Бар-Мираэли крикнул вслед: "Обязательно заходите еще!"

Дверь хлопнула.

— Удивительное везение, — вздохнул ростовщик, сжимая в руке сверкающую золотом и камнями чернильницу. — И почему удача вечно достается дикарям, а не приличным людям, с образованием и положением в обществе? Только подумайте — какие-то вонючие рыбаки-нордлинги нашли древний клад...

— Очень справедливо, — сочувственно поддакнул я. — А если там на самом деле спрятаны сокровища этих... как их? Нифлунгов?

— Это только лишь сказка, — развел руками шемит. Но по глазам было заметно — ему очень хочется в эту сказку поверить. — Что угодно досточтимому магу? Заклад, выкуп?

— Заклад, — я снял свое кольцо волшебника и выложил на стойку. — Поиздергался вот немного, придется на время расстаться с магическим перстнем.

Едва бар-Мираэли протянул к кольцу руку, оно мигом ужалило палец шемита синей искоркой. Перстень очень не любит, когда его лапают чужие. На это я и рассчитывал.

— Не возьму, — немедленно отрекся ростовщик, спрятав руку за спиной. — Я, знаешь ли, не особо разбираюсь в магии... Опасаюсь, не хочу связываться. Прошу простить.

Отлично. Я раскланялся и отправился на улицу, Хальк и Темвик ждали на ближайшем углу. Оборотень в лицах повествовал барону Юсадлю о разговоре у бар-Мираэли.

— Изумительно! — Хальк недоверчиво смотрел на пергамент закладной грамоты. — Три кесария за седмицу! Таких низких процентов просто свет не видывал, с меня этот негодяй берет по пять, а то и семь...

— Обжулили мы его знатно! — гордо сказал оборотень. — Наверное, мне и Тотланту цены бы в Шадизаре не было.

— Дело сделано, — подтвердил я. — Так сказать, перешемитили шемита. Он клюнул.

— Ну, если клюнул — будем ждать результатов, — согласился Хальк. — Темвик, давай деньги. Пойду выкупать орден. Боги, воображаю как на меня посмотрят у ювелира Аротидиса! Утром выкупил чернильницу и заложил орден. А спустя два колокола прихожу его выкупать... Как надоело быть нищим на королевской службе!

Я не упустил возможности поддеть месьора библиотекаря. Проворковал слашаво:

— Ничего, откопаешь клад Нифлунгов — разбогатеешь...

После чего я был немедленно обозван стигийской нежитью. И другими оскорбительными словами. Но я не обиделся.

Затем мы разбрелись по трем разным направлениям. Хальк вручил Темвику полтора десятка серебряных сестерциев с вычеканенными пуантенскими леопардами и отправил в центр города — развлекаться, а заодно и распространять по кабакам мутные слухи о "чудесном острове". Оборотню настрого приказали избегать встреч с нордхеймцами, дабы случайно не выяснилось, что Темвик такой же асир, как король Аквилонии — туранец. Еще было приказано не заговариваться сверх меры, ибо в этом деле следовало блюсти предельную осторожность. Фальшивую бороду не снимать. Ясно?

Темвик сказал, что ясно.

Хальк отправился в поход по библиотекам, а я побрел к площади святого Эпимитриуса. Следовало навестить Гильдию — все-таки я приехал в Аквилонию по делу, а не ради участия в глупых забавах месьора библиотекаря.

Общий сбор магов-равновесников был назначен в единственном на всю Тарантию храме Нергала Справедливейшего. Почему? Очень просто: мы не считаем Нергала божеством смерти, как большинство людей — для Альных магов Нергал является воплощением почитаемого Равновесия, он стоит вне Света и вне Тьмы; он судья, равно справедливо относящийся к любому смертному и бессмертному.

Храм довольно большой, выстроен из красивого серо-голубого мрамора, колонны, высокий купол, украшенный золотыми весами, символом беспристрастности.

Я вошел, кликнул пожилого храмового служку и попросил отвести к жрецу-настоятелю.

— Ты маг? — нахмурился старичик в жемчужно-сером балахоне. — Тогда тебе нужен совсем не жрец... Идем.

Оказывается, некоторые гости Тарантии уже собирались. Настоятель храма выделил гильдии обширное помещение в боковой пристройке, где и должен будет заседать конclave — меня провели в квадратную полутемную комнату с большим столом, вокруг которого были расставлены кресла. В глазах зарябило от алых одежд.

На сегодняшний день приехали только шестеро моих соратников по ремеслу. С тремя я был знаком — Фритигерн из Кофа, Арбогаст Бритунийский (можно сказать, мой ближайший сосед) и Вален? из Мессантии: последний как раз и являлся непризнанным главой гильдии Равновесия.

— Тотлант! Боги Всеблагие, посмотрите, досточтимые месьоры, это Тотлант Луксурский, из Пограничья! — первым на меня обратил внимание именно Валент. — Подошел, поздоровался, скруто обнял. — Знакомься...

Меня представили трем незнакомцам — оказывается, приехали сразу двое магов из Офира и один из Немедии.

Арбогаст Бритуниец, оглядев меня с ног до головы, не преминул заметить:

— Тотлант, когда ты наконец отучишься от стигийских привычек? Маги Равновесия должны одеваться в красное, а ты выглядишь так, будто служишь Черному Кругу... Эдакий Тот-Амон в молодости.

Недвусмысленное указание на мою хламиду. Я действительно предпочитаю черный цвет, но чтобы все знали, какому волшебству я служу, на груди вышиты песочные часы, еще один символ гильдии.

— Это маскировка, — отшутился я. — Начнется конclave — переоденусь в алое. Кого-нибудь еще ждем?

Оказалось, что завтра и послезавтра должны приехать, самое меньшее, десяток магов из

всех стран Заката и даже из Турана. Я огорчился, подумав, насколько нас мало — и двадцати не набирается. Зато Балент меня приободрил, заявив, что мы — самая "молодая" гильдия, то есть ему, Валенту, как самому старшему, всего тридцать пять лет, а вот присутствующему здесь Данкварту из Немедии едва исполнилось восемнадцать. Это вам не подагрическое старичье из Черного Круга или Золотого Лотоса! С такими людьми мы горы свернем!

Сворачивать горы мне вовсе не хотелось — зачем?

Налили вина, расселись, начали обмениваться новостями. Обсуждали книги, трудности с учениками, бедственное положение с деньгами (тут я вполне разделял возмущение Халька) — нанимают магов все реже, а если поданным Закатных королевств и требуются услуги волшебников, то обращаются к знаменитым персонам, вроде Пелиаса или Арраса Кийяра. Только тем, кому удалось пристроится к королевским или герцогским дворам живется полегче (некоторые посмотрели на меня с завистью — Пограничье, бесспорно, дыра и захудалое королевство, но уж лучше служить Эрхарду, чем пропадать с голоду).

И тут я допустил весьма некорректный поступок. Было ясно, что сейчас никто не употребляет заклинаний, способных различить ложь и правду. Следовательно...

— Простым смертным везет больше, чем магикам, — я театрально вздохнул. — Вот недавно, какие-то варвары-нордлинги наткнулись на часть сокровищ Нифлунгов. Слышали эту легенду?

— Вот как? — изумился Валент. — А ты откуда знаешь?

— Утром заходил к одному тарантийскому ростовщику, видел как приезжий асир продавал вещицу из клада, — вполне честно ответил я. — Откопал на острове, в Закатном океане. Хвастался, будто там и погибли Нифлунги вместе с царем Тразарихом... Наверное, просто ошибка.

— Ошибка... — Валент пожевал губами. — А ведь в сокровищах сказочных Нифлунгов могли находиться могущественные кхарийские артефакты... Нет, не может быть! Прошлое редко возвращает людям отнятое.

Представления не имею, какой зеленый демон потянул меня за язык. Кошмар: обычное мелкое надувательство! Ладно бы меня слушал кто чужой, а тут сотоварищи по гильдии. Стыдно, Тотлант!

Однако, таким образом я создал новый источник слухов. Когда несколько созданных нами с Хальком ручейков сольются в бурную реку, начнется истинное светопреставление. Или не начнется: люди не столь легковерны, как может показаться на первый взгляд.

* * *

Когда на следующий день Хальк, с рассветом отправившийся в город на разведку, примчался обратно в замок, стало понятно, что сбываются мои худшие ожидания.

С момента начала этой аферы прошло чуть более суток, но, как и предсказывал барон Юсадль, выдуманная двумя учеными мужами история получила весьма нездоровую популярность.

Итак.

Шомо бар-Мираэли оправдал репутацию болтливца. Разумеется, о том, что касалось дел

его семейного предприятия, Шомо предпочитал не говорить, но вот столь любимые шемитами сплетни, особливо касающиеся чужих сокровищ, хозяин лавки распространил (по секрету, понятно) среди большинства знакомых.

У знакомых оказались жены, семьи и другие знакомые и (тоже по секрету) они получили свою долю легенды. Неудержимая человеческая фантазия мгновенно превратила скромную гномью чернильницу в несметные богатства, которые неразумные нордлинги за бесценок продали досточтимому бар-Мираэли. Фигурировали ларец, набитый изумрудами, корона царя Тразариха и алмаз, размером с кулак.

Тем же вечером ростовщика Шомо, по достоверным слухам обретшего немыслимое состояние, попытались ограбить, но бдительная стража пресекла поползновения разбойников, задержав всех до единого. Грабители отправлены в Железную башню.

Снежный ком нарастал.

Около полудня слушатели Обители Мудрости "случайно" наткнулись в библиотеке на подлинную карту времен Кхарии, с подробным планом земель Нифлунгов и чертежом приблизительного направления пути изгнанников на Закат. Сверились с каталогом книгохранилища. Верно, была такая карта. Только на нее много лет никто не обращал внимания. В Обители Мудрости началась тихая паника: и преподаватели вкупе со слушателями огромным табуном сбежались к хранилищу манускриптов, пытаясь хоть что-нибудь узнать в подробностях. Вскоре обнаружилась и соответствующая запись в летописи времен короля Олайета...

(Замечу: Хальк отлично подделал и запись в каталоге, и столь же безупречно навел вагантов на требуемый документ. Идеально читая работу)

Темвик тоже внес значительный вклад в разворачивающиеся события.

Целый день оборотень гулял по тарантийским кабакам (как приличным, так и не особенно...), дул пиво, и попутно травил нечаянным собутыльникам немыслимые байки про "дядюшку Сигурда", раскопавшего часть древнего клада. В доказательство — расплачивался в тавернах щедро, не торгуясь, что для отъявленного варвара являлось совершенно нетипичным поведением.

Ближе к вечеру Хальк изобрел новую шутку: он нарисовал на кожаном лоскуте очередную "подлинную карту" с асирскими рунами, сунул ее в кошелек Темвика и повел оборотня в самый неприглядный кабак "Черный Бык" на окраине Тарантии, где собирались главари мелких городских шаек, и который, вместе с тем, находился под пристальным присмотром тайной службы городской управы и стражи. Там разыграли очередной спектакль.

Темвик, предварительно изложив внимательным собеседникам прежнюю сагу, изобразил, будто напился и пьян. Свалился под стол. Конечно, заинтересованные лица немедленно обыскали бессознательное тело. Нашли в кошеле десяток монет и.. И карту. Засим Темвика просто вышвырнули на улицу, как нарушителя благочиния.

С тем оба проходимца благополучно вернулись в замок короны.

Само собой, происшествие не осталось незамеченным для конфидентов стражи, замаскированных под обычных пьячуг или мелких мошенников. Те мигом доложили о случившемся куда следует.

Далее, к моему ужасу, Хальк исполнил намеченное ранее: привлек Латерану, грозный секретный департамент барона Гленнора. Написанное от имени немедийского посланника спешное письмо было добавлено в почту, которую должны были отправить в Немедию

назавтра. Мы изрядно повозились, подделывая почерк и отиск перстня немедийца по имевшимся у Халька образцам, но вышло убедительно — чуточку умения, немного магии, и вот письмо перед вами...

Думаю, о содержании оной депеши можно не рассказывать. Юсдаль применил все свои литературные таланты, намеками и полунамеками докладывая Вертрауэну (визави Латераны при Троне Дракона) о "весьма любопытных сведениях, полученных с Закатного Океана".

Письмо перехватили и тоже доставили куда положено.

Таким образом, первая часть заговора была исполнена блистательно. Следы мы замели — сожгли старую одежду Темвики и накладную бороду, а Хальк, за деньги вырученные от заклада пресловутой чернильницы, купил оборотню новое облачение в самой лучшей швейной мастерской Тарантии. Ныне Темвик ничуть не напоминал дикого нордхеймца, которым был вчера, и которого можно было бы опознать — обычный молодой дворянин или купеческий сынок из провинции, в бархатном колете, аквилонском плаще и модной шапочке с султанчиком.

На мой взгляд, в деле присутствовали и слабые стороны. В любом случае, гномью чернильницу видел огирский ювелдр Аротидис. Если серьезные люди, которые заинтересуются "кладом Нифлунгов" выйдут на месьора Аротидиса и он опознает Халька, в качестве владельца вещи... Не знаю, что может произойти.

Теперь оставалось ждать более существенных результатов. Каковые и воспоследовали тем же днем.

* * *

Незадолго до того, как на донжоне замка куранты начали звонить пятый послеполуденный колокол, мы втроем принялись обедать. Минувшие дни Хальк не желал трапезовать в покоях короля, куда раньше бегал постоянно — изображал неправедно оскорбленного. Теперь дворцовая прислуга сервировала обед в гостиной его маленького жилища при библиотеке.

Я обнаружил, что тарантийские кухари в искусстве стряпни могут превзойти даже прославленных туранских и огирских мастеров. Сегодня я решил проверить, смогут ли повара удовлетворить самые требовательные запросы и смиренно попросил принести мясо удава, приготовленное по стигийским рецептам...

Слуга посмотрел на меня странно, однако кивнул и отбыл на кухню.

Через полколокола я получил вожделенного удава (интересно, где они его взяли?). Крупные куски мяса с острым соусом. Хальк и Темвик, предпочитавшие яства попроще, морщились, но отнеслись к моей выходке с пониманием, а сами вовсю поглощали банальную свинину и овощи.

— Если так будет продолжаться, Тотлант опустошит королевский зверинец меньше, чем за седмицу. — вещал, с набитым ртом, барон Юсдаль, наблюдая как я орудую особой двузубой вилочкой с зацепом, призванным отделять позвоночник и ребра змеи от нежного мяса. — Что ты потребуешь на ужин? Жареных пиявок? Или хобот слона в вине и яблоках? А может, какое-нибудь блюдо... э-э... дарфарской кухни? Кого зарежем? Короля, канцлера?

Пробовать на вкус файле Публио не советую — отравишься, а противоядия нет...

— Язык королевского библиотекаря — нет ничего мягче. За полным отсутствием костей, — огрызнулся я. — Обычай Стигии серьезно отличаются от аквилонских. Если бы ты знал, чем нас кормили в магической школе в Луксуре... Кстати, ты прав — вечером закажу мурену.

— Что такое мурена? — сразу поинтересовался любознательный Темвик.

— Это такая особенная рыба...

Не сказать, что обед проходил чересчур весело — мы вяло обменивались замечаниями о "невинном розыгрыше" и строили предположения о том, когда разогретый нами котел наконец лопнет.

Котел лопнул в момент, когда Хальк произносил следующую фразу:

— ...Клянусь, все на свете отдал бы даже за малую крупицу сведений о настоящем кладе Нифлунгов!

— Даже собственного короля?

Голос донесся со стороны двери в коридор. Почти загораживая своей мощной фигурой темный дверной проем на пороге громоздился Конан. Король был не один. За спиной киммерийца виднелся сухощавый меланхоличный старик, с которым я прежде не встречался.

— О... — только и выдавил Хальк.

Отлично его понимаю. Если Конан слышал наш разговор — быть барону Юсадлю битым!

Мы повскакивали с кресел, но Конан прошел в гостиную, махнул рукой (садитесь, мол...), и придинул к столу два табурета. Хальк был бледен, но опасения не оправдались.

— Значит, вы уже слышали? — хмуро спросил Конан. — Кстати, Тотлант, Темвик, познакомьтесь. Это — барон Гленнор. А это мои старые друзья из Пограничья.

Так. Оказывается, варвар привел с собой начальника тайной службы. Самого опасного человека Аквилонии. Ничего не скажу, представительный старикин. Зачем он здесь?!

— Мы знакомы понаслышке, — кивнул мне Гленнор. — Ваши похождения времен Полуночной Грозы вошли в легенды. Рад познакомиться, почтенный Тотлант.

— Да, конечно, — я судорожно кивнул.

— Чем обязаны визитом? — Хальк, уяснив, что убивать прямо сейчас его никто не собирается, — взял себя в руки. Заважничал. — Ваше величество решили почитать книжечку? Тогда иди в книгохранилище. Те, что с неприличными картинками в восьмом шкафу, двенадцатый проход.

— Вот так всегда, — пожаловался Конан мне и барону Гленнору. — Расскажите, почему целых пять лет я должен терпеть неприкрытые оскорблении и молчать в ответ?.. Темвик?

— Чего? — отозвался молодой оборотень.

— Вот тебе... — Конан порылся в поясе и перебросил Темвику тяжелую крупную монету: настоящий "феникс" из золота и платины, обменивающийся на целых двадцать кесарев! — Вот тебе деньги, пойди погуляй. У нас разговор серьезный. Тебе будет неинтересно.

Оборотень недоуменно покосился на меня, получил в ответ мелкий согласный кивок, молча забрал плащ и ушел.

— Хальк, скажи честно, ты веришь в сказки? — киммериец ударил напрямик.

— Отчасти, — сухо бросил Юсадль.

— Ты в моем дворце наипервейший сплетник, знаешь все и про всех. Уверен, эта

непонятная история с кладом Ниблунгов тебе известна.

— Конечно, известна, — вальяжно развалившись в кресле ответил Хальк со скучным выражением на лице. — Обыкновенная трагическая сага, составлена примерно тысячу двести лет назад неизвестным автором или авторами...

— Это я знаю, — раздельно произнес Конан. — Гленнор, покажи ему.

Господин барон вынул из рукава два свитка и аккуратно положил на стол. Свиток первый являл собой карту, подброшенную Хальком в Обитель Мудрости. Второй, обтрепанный по краям лоскут телячьей кожи только вчера вечером был изъят неблагонадежными личностями у Темвика, в таверне "Черный бык". И, конечно, некоторыми таинственными для меня путями, оказался у барона Гленнора.

— Это непосредственно касается слухов, которые поползли по городу, — тихо сказал начальник тайной службы. — Кроме того, мои помощники побывали у ростовщика Шомо бар-Мираэли, у которого оказалась в залоге некая вещица. Мы точно определили — она очень ценная и очень древняя. Изъять предмет у торговца мы не вправе — шемит не нарушал никаких законов. Заклад сделал некий нордлинг, доселе нами не разыскивавший... Единственное, что удалось от него получить — карту, с обозначениями на асирском языке.

— Если этот человек не разыскан, то как ваши удальцы раздобыли карту? — с ядовитой любезностью осведомился Хальк.

— Неважно, — Гленнор улыбнулся не менее ехидно. — Главное другое: в течении нескольких дней происходят события, так или иначе связанные с легендой о Ниблунгах. Я заставил подчиненных перекопать все хранилища путевых карт и библиотеки Тарантии на предмет отыскания косвенных сведений об этом деле. Заодно, надеюсь, что сумею опередить возможных конкурентов... Результат обескураживает.

— Правда? — Хальк изумленно склонил голову.

— Истинная, — подтвердил Гленнор. Мне почему-то очень не нравилась его улыбка. — Мои орлы раскопали похожие планы в книгохранилище главного храма Митры. А заодно и новые указания на — клад в хрониках. Сейчас мы шарим в храмовых школах, архивах военной и торговой управ... Дело в том, что карты датированы примерно одним и тем же временем — первым веком по основанию Аквилонии. Мы предполагаем, что они составлены либо одним человеком, либо близкими знакомцами. И каждый план дополняет другой...

— Очень интересно, — Хальк нахмурился настолько деловито, что я даже всерьез позавидовал его актерскому мастерству. — Проверили подлинность?

— Проверили, — ответил барон. — Это не подделка. Все знатки древности, состоявшие на службе в Латеране подтвердили: пергаменты составлены кхарийцами.

Хальк метнул на меня победоносный взгляд. Вот что значит сочетание знания истории и небольшой доли волшебства! Только бы карты не отдали исследовать другому волшебнику — он моментом распознает мои заклинания!

— Может, наш общий друг Тотлант тоже осмотрит документы? — внезапно брякнул Конан. — Он знающий маг...

Спустя несколько мгновений я с неимоверно важным видом сообщил высоким гостям, что подлинность пергаментов сомнений не вызывает. В глазах Халька читалось откровенное: "Ату их, ату!"

Боги Незримые, как мы заврались!

— Если так, — кашлянул варвар, — давайте решать, что будем делать дальше...

Что делать? Не знаю кто как, а у меня появилось острое желание побыстрее унести ноги из Аквилонии.

Демон с ним, гильдейским конclave! Если мифическим (во всех смыслах этого слова) сокровищем заинтересовались такие люди как барон Гленнор, ничего хорошего не жди.

Однако, это только начало. Часть наших фальшивок доселе не найдена.

И тут грянул гром.

Барон Гленнор хищно и резко подался в сторону Халька, устремил на него взор светло-серых безмятежных глаз, и вопросил с угрожающей ласковостью:

— Месьор Юсдаль, что вы оба скрываете от нас?

— То есть? — Хальк замер, будто кролик под взглядом удава.

— То и есть. Во-первых, тебя в минувшие дни видели в библиотеке Обители Мудрости. И в книгохранилище храма Митры. Говорят, ты что-то там искал?.. Почему неожиданно попросил у короля отпуска на сорок дней? Во-вторых, уважаемого Тотланта запомнил ростовщик бар-Мираэли — он присутствовал в лавке, когда в руки шемита попала драгоценная чернильница. Тотлант, не запомнить тебя невозможно — в Тарантии очень немного стигийцев, да еще и волшебников. Говоря откровенно — ты единственный. Наконец, внезапно отыскиваются древние карты, а мне сообщили, что барон Юсдаль настоятельно рекомендовал своим приятелям из Обители Мудрости пошарить в хранилище древних манускриптов... Будут объяснения?

— Ну... — заикнулся Хальк, понимая, что дело бездарно провалено. Соглядатаи Гленнора знают свое ремесло. — Понимаете...

— Чего тут понимать? — усмехнулся Конан, перебивая библиотекаря. — Хальк находит в дворцовом книгохранилище свидетельства о кладе Нифлунгов и галопом бежит по остальным библиотекам искать подтверждений... Впутывает в историю Тотланта — помочь волшебнику никогда не помешает. Хочет уехать на полторы луны, чтобы самому найти сокровища и прикарманить. Ай-ай-ай, Хальк, нельзя быть таким жадным. А еще осуждаешь Публио за казнокрадство. Мы с Гленнором пришли требовать свою долю.

Я онемел. И Конан и начальник тайной службы сделали из происшедшего категорически неверные выводы! Прямо противоположные!

— Конан довольно точно обрисовал наше видение событий, — невозмутимо подтвердил Гленнор. — Итак, мы ждем внятный рассказ.

На лицо Халька постепенно возвращалась краска. Он встал, криво усмехнулся, исподтишка показал мне кулак и молча ушел в залы библиотеки. Быстро вернулся. Бросил на стол пергаментный свиток. Ту самую, последнюю, четвертую карту. Нарисованную нами третьего дня.

— Обнаружил около седмицы назад, — процедил он сквозь зубы. — С нее все и началось. Быстро же вы меня выследили. Не ожидал.

— Тем и живем, милейший, тем и живем... — вздохнул Гленнор. — Не беспокойся, если сокровища будут обнаружены, там на всех хватит. И для казны, и для тебя. Насколько я знаю, свой орден ты закладывал за последний год восемь раз?

По недоброй искорке, сверкнувшей в глазах Халька, я понял: он готов продолжать опасную игру и вратить до последнего.

Такой фатальной ошибки со стороны Гленнора ни я, ни барон Юсдаль не ожидали. Начальник тайной службы, в угоду своего ремесла, перемудрил. Не подумал, что дело обстоит гораздо проще. И теперь Гленнор оказался в ловушке своего заблуждения.

Хуже другое: истина всегда, рано или поздно, всплывает на свет.

Первый рассказ Темвика

"Похождения оборотня"

Тарантия, город.

6-7 дни третьей весенней луны 1293 г.

Следующей осенью мне должно исполнится целых двадцать четыре года. А меня до сих пор никто не принимает всерьез. Даже некоторые родичи.

Ребенок человека считается взрослым с пятнадцати, а то и тридцати лет. По крайней мере у нас, на Полуночи, где взрослеют раньше. Однако я не человек. Точнее наполовину человек. Потомки Карающей Длани, оборотней, живут в полтора или два раза дольше людей, потому у нас совершеннолетие празднуется лишь по истечении трех десятков солнечных кругов. Зато оборотни в людском облике выглядят моложе своего возраста. Как я — от силы на восемнадцать человеческих лет.

Наверное, поэтому король Конан меня и выгнал сегодня. Смотрюсь непредставительно. Обидно, ну да перетерпим — вдруг у аквилонца к Хальку и Тотланту действительно важный и тайный разговор? Какой чужих ушей не терпит?

Сердце мне отчего-то вещает: Конан и пожилой барон явились в жилище господина Халька вовсе не про политику лясы точить. По единственной фразе киммерийца я понял — говорить будут о нашей придумке с кладом народа Нифлунгов. Если так, выходит, что устроили мы втroe большую заваруху. Облалишили целую страну во главе с королем.

Мы в Пограничье любим посмеяться, но куда нам, убогим, равняться в деле зубоскальства с ученым аквилонским книжником! Кашу-то барон Юсадаль заварил нешуточную: сумел провести такого хитреца как Конан Канах, с которым в Пограничье хорошо знакомы. Такую кашу, что Веллан с Эртелем, когда вернусь и расскажу, от зависти съежатся и в росте умаятся.

Когда Тотлант попросил помочь, я согласился не раздумывая. Ничего плохого ведь не задумано — это тебе не убийство, не грабеж или нечестная торговля! Долго смеялся потом, вспоминая рожу торговца — шемита, который едва не лопался от жадности, и прощелыг в "Черном Быке", обчистивших мой кошелек — думаю, украденное серебро и поддельная карта им дороже выйдут. Обманни обманщика, верно?

...Я прошел через караулы дворцовой стражи к ближайшему выходу в город. Дворец Конана очень велик, можно запросто заблудиться, а потому Тотлант с самого начала показал мне короткий путь. По лестнице для слуг с третьего этажа на первый, потом через хозяйственный двор к воротам. Это не главные ворота замка — тут во дворец завозят продукты и сено для конюшен. Наверное поэтому и стража не особенно строгая. Меня уже начали узнавать в лицо и показывать пергамент, позволяющий проходить в замок, не требуется.

— Глянте, варвар из Пограничья превратился в аквилонца! — один гвардеец из караула рассмеялся, когда я проходил мимо. — Эй, Темвик, надоело звериные шкуры таскать?

— Чего? — я развернулся на каблуке. Рядом стояли трое военных в красном — Алые Кирасиры. Позавчера вечером я с ними в кости от скуки играл. — Ты что имеешь в виду?

— Прошлый раз по уши в мехах, теперь в бархате! Тебя не узнаешь! Может, ты и вправду оборотень?

Пугнуть их что ли? Я отношусь к тем редким сыновьям Карающей Длани, которым превращение дается без всякого труда.

Пока гвардейцы посмеивались над моей новой одеждой, я позвал свою звериную половину, и почувствовав, как лицо начало быстро вытягиваться и покрываться волчьей шерстью, остановил превращение ровно посередине — получилась "третья ипостась" оборотня: двуногое чудовище. Формой человек, но голова и лапы звериные. Выглядит жутко.

Настала моя очередь смеяться. Алые Кирасиры осеклись на полуслове, будто стая испуганных красных воробьев шарахнулись прочь и схватились за мечи. Конечно, можно испугаться. Запросто. В таком виде я сам себя боюсь.

Моментом вернув человеческое обличье, я расхохотался в голос. Взрослые, крупные мужчины выглядели очень бледно — глаза выпирающими, рты открыты, клинки из ножен...

— Да не бойтесь вы, — простонал я, отсмеявшись. — Ну, оборотень, что в этом особенного? В Пограничье у нас такие через одного.

— Лучше бы тебе впредь подобным образом не шутить, — покачал головой десятник. — Ведь убют и не задумаются. Мы-то про тебя знаем, а другие?.. Иди, куда шел. Кстати, когда вернешься? С закатом караул меняется.

— К закату и вернусь. Счастливо оставаться.

Я миновал калитку в воротах, выбрался на боковую улицу, отходящую от площади Сигиберта Завоевателя, и заспешил к центру Тарантии. Первым делом следует навестить меняльную контору.

Конан щедро одарил меня "фениксом", а с такой крупной монетой соваться в обычные лавки или таверны бессмысленно. Красивая денежка: белая с золотистым отливом, из-за почти равных долей платины и золота. На одной стороне отчеканена птица, поднимающая крылья из пламени — знак святого Эпимитриуса — на другой изображен королевский вензель "КК", Конан Канах, и королевский девиз Аквилонии.

Меняла оказался приятным умным старичком, честно отсчитавшим требуемые двадцать кесарiev, за исключением серебряшки за обмен. Половину я взял золотом, вторую — мелочью, серебром и медью. Вышло два увесистых кошелька. Последние отправились куда и положено, на пояс под плащ, чтоб под рукой были.

Заодно старичок подробно объяснил, где и как можно купить нужные товары — король Эрхард просил привезти из Аквилонии свод торговых законов королевства (дабы себя не утруждать, а попросту переписать уложения соседей. Большинство законов мы копируем с аквилонских образцов), а заодно и подробные карты Полуночи материка. Таковые были жизненно необходимы дорожной страже Веллана и военной управе.

Карты я добыл без особого труда. Свернул на указанную менялой улицу Двух Королей, и тотчас увидел расписную вывеску: "Копирование книг и свитков. Карты, планы, морские лоции". Зашел.

Хозяином, вернее хозяйкой заведения, пропахшего киноварью и чернилами из морских водорослей, оказалась дама весьма почтенного возраста, невысокая, седая и сухонькая. И

очень многоуученая.

Не думал, что люди столь достойных лет, да еще и женщины, могут заниматься таким сложным ремеслом...

Дама представилась как госпожа Нейна, скрипуче кликнула прислугу, усадила, предложила покупателю розового пуантенского (я не отказался) и буквально вывалила на меня огромное количество тубусов со свитками. Через некоторое время они полностью заняли обширный стол хозяйки. С горкой. Карты Нордхайма, Гипербореи, списки с планов знаменитого путешественника и географа Евсевия Цимисского, Пограничье, Британия... Глаза разбегались.

С трудом отобрав нужные свитки, я расплатился, погрузил медные тубусы в прихваченную из замка котомку и отправился дальше. Теперь — книги с законами. Оказывается, этим сомнительным добром торговали на этой же улице, но от покупки я отказался. Свод торговых правил являл собой четыре неподъемных фолианта, которые и боссонский тяжеловоз надорвался бы тащить. Обойдется король Эрхард без книг. Или пускай заказывает нашим купцам, у которых есть повозки для товаров. На своем горбу эдакую тяжесть я волочь не намерен.

Дело сделано (наполовину), значит можно погулять в свое удовольствие.

Купил подарки. Эрхарду приобрел отличный писчий прибор — в коробке красного дерева, с серебряными сосудами для чернил разных цветов, губкой для печати и металлическими перьями. Дорого, но уплаченных денег стоит. Паче, что я трачу деньги Конана.

Эртелю, нашему принцу и наследнику, досталась забавная книжка авторства какого-то Назона Трарийского с очень недвусмысленными цветными миниатюрами.

Гм... Если Солнцезарный Митра учит нас любить близких своих, то Назон умело объясняет, как именно это делать. И рисованные картинки прилагает.

Словом, подробный свод рекомендаций для начинающих. Эртелю понравится...

Для Веллана пока ничего подходящего я не нашел, да и ладно. Не последний день в Тарантии.

Куда бы теперь податься? Большинство красивостей столичного города я осмотрел в прошлые дни. Тарантия очень большая, обойти весь город наверное, очень сложно — десятки кварталов по обоим берегам Хорота, дворцы, памятники разным королям и полководцам, множество храмов...

Одно хорошо: невозможно запутаться. С каждой улицы можно увидеть здоровенный донjon замка короны — иди в ту сторону, и быстро очутишься на площади Сигиберта.

Зайти в приличный бордель и слегка расслабиться? Не выйдет, днем веселые дома не работают. Еще немного пройтись по лавкам? Надоело!

Пойду в таверну. Заодно, попробую разузнать у местных последние сплетни. Хальку это будет интересно.

Вспомнил! Барон Юсадль водил меня в "Черного Быка"! Заведение так себе, но пиво вкусное. Дорогу я помню. А в аквилонской одежде и без накладной бородки меня никто не узнает.

Вперед!

Не понимаю, отчего Хальк говорил, будто в "Черном Быке" небезопасно. Он не хотел сюда заходить: когда мне пришлось изображать упившегося до зеленых демонов в глазах варвара, Хальк предпочел ждать на улице.

Обычнейший кабак. Да на окраине, да грязненький и полутемный. Однако, по дороге в Аквилонию мы с Тотлантом частенько ночевали в таких клоповниках, что вспомнить жутко. Тараканы, ползающие по столам "Черного Быка", по сравнению с тварями из придорожных постоянных дворов кажутся прямо-таки милыми домашними зверюшками. Кроткими и тихими.

Народишко в "Быке" разный. Есть вполне приличные люди — ремесленники, из тех, что победнее, уличные лоточники, заскочившие в таверну пропустить кружечку-другую, старики из окрестных домов — они наверное ходят сюда долгие годы, по навсегда устоявшейся привычке. Но замечаются и личности куда более интересные.

За обширным столом возле мутного слюянного окна устроилась странная компания. Несколько колоритных нищих самого разного возраста и облика, напротив громоздятся двое широкоплечих парней, одетых вполне прилично. Громилы посматривают по сторонам цепко и насупленно, явно оберегая усевшегося между ними невзрачного типчика с крысиной физиономией. Типчик беседует с нищими, причем ругается, морщится и стучит желтоватым кулачком по измызганной столешнице. Наверное, хозяин квартала. Или подручный.

За столом слева — компания совсем неприглядная. Истощеные костлявые подростки обоего пола, более голодные и опасные, чем бродячие псы. Справа и подальше в зал, к закопченной стене — серые с лица мужчины неопределенных лет, с гнилыми зубами, в истертых колетах, жмущих под мышками; хищные бабищи, источающие дух свежего пива, с громким смехом и холодными, прощупывающими глазами... Тут же нарочито независимые люди неопределенного возраста — делают вид, будто дремлют, но на самом деле неприметно постреливают темными глазами вправо-влево, изпод полуопущенных век. Продажные девки низкого пошиба — такие на улицах промышляют.

Одна из дешевых шлюх непринужденно уселась рядом, с намеком поглядывая на мою кружку с пивом.

— Красавчик, познакомимся?

Пришлось отшить немедленно:

— Да ну, еще заболею чем-нибудь. Иди, милочка, погуляй.

— Нужен ты мне больно...

— Между прочим, всего один золотой на руку — и ты получаешь четверть колокола неземного блаженства, — фыркнул сидевший напротив дядька лет пятидесяти, с вислыми, намоченными пивом усами. — Вон там, в кладовке. Только тесно и пыльно.

— Нет уж, благодарю, — я тоже рассмеялся. Осторожно попробовал закинуть удочку:

— Я сокровища Нифлунгов не находил, чтоб монетами ради пыльной кладовки разбрасываться.

Дядька уставился на меня. Оттер усы. Помолчал. Выродил, наконец:

— Враки это, парень.

— Что — враки?

— Клад, сокровища эти поганые. В городе только и шушукаются: золото, камушки, остров какой-то... Нордлингов сюда же приплели, вроде клад раскопавших. Асирам, кроме ихних беловолосых баб, да пива с сыром никаких кладов не нужно. И еще мечами разудало помахать при случае. Я много лет на свете прожил, скажу по опыту — заговор это.

— Заговор? — удивился я. — Какой?

— А какими заговоры бывают? Обыкновенный. Больно умело слушок распустили, даже благородные поверили. Сам рассуди: нашел ты клад. И что, побежишь разбалтывать о нем всем и каждому? Чтоб те, кто посильнее да позубастее, от королевского казначея с его мытарями, до шайки Яссы Бородача заинтересовались? Ничего подобного! Я так думаю: народ от чего-то серьезного отвлечь хотят. Заморочить.

— Кому это нужно? — я пожал плечами.

— Кому хочешь. Может, налоги поднимут. А может, пока каждый лопух за сказочными драгоценностями гонятся будет, короля втихомолку скинут... Хотя нет, не выйдет — киммериец больно плотно на трон уселся, так просто не слезет. Или, например, тот же Ясса Бородач потрудился: пока власть ловлей владельцев клада занимается, под шумок обоз казенный уведет... Нечистая это история, попомни мои слова.

Интересный ход мыслей.

Усатый почти догадался, как устроена авантюра с кладом, но предполагает происки властей или "предводителей крупных банд. Выходит, что окопачены и те, и другие.

— Тебя там зовут, — подошла трактирная служанка в сером с пятнами переднике.

— Меня? — я искренне удивился. — Кто? Где?

— Человек, — туманно ответила прыщавая девица. Махнула рукой в сторону двери, ведущей в кухню. — Приказано передать, чтоб непременно пришел. Только заплати сначала.

— Успеется, — я поднялся. — Все равно сейчас вернусь.

— Заплати, — настаивала девка. Ее усердие могло бы вызвать у меня подозрения, но крепкое пиво сделало свое дело — я стал невнимательным.

Вынул пять медных ассов, бросил на стол и зашагал к указанной двери. Признаться, это странно — знакомых в городе у меня нет. Кроме Халька. Неужели библиотекарь или Тотлант меня выследили? Случилось что?

Толкнул скользкий от копоти притвор. Увидел служку лет тринацати. Он молча поманил меня за собой, увлекая по темному коридору. Поворот, другой, короткая скрипучая лесенка вниз. Новая дверь.

— Здесь господа ждут, — буркнул парнишка. Рука сама собой полезла в кошелек за монеткой. Получив медный полусестерций служка внезапно поймал меня за плащ. Шепнул, кивнув на дверь: — Если что — там другой выход есть. Занавеской прикрыт.

И убежал. Ничего не пойму.

По традиции Пограничья открыл дверь легким пинком. Вошел развязно. Сразу заметил, что проход позади заступил рослый человек.

В небольшой комнате меня встретили трое людей. Четверо, если считать того, который за спиной. Троица восседает на грубых деревянных табуретах возле стола. На стене справа — грязное полотнище, являвшееся когда-то отрезом зеленого шелка.

— Нужно чего? — набычился я рассматривая живописную троицу. Первый и, судя по уверенному виду, главный, был толст, имел пять подбородков и ласковый взгляд неожиданно умных черных глаз. Другие помоложе и пожилице — выглядят небогатыми горожанами. Не вооружены.

Толстый и седеющий месьор молча глянул на соседа. На столе тотчас появился пузырек синего стекла, над горлышком поднимался едва заметный белесый дымок.

— Подойди-ка, — не здороваясь и не представляясь, сказал мне толстый. — Если ничего не выйдет, ты немедленно уйдешь и навсегда забудешь о нашем существовании. Не бойся, подойди.

Чтобы оборотень из Пограничья боялся каких-то сереньких обывателей? Обижаете.

Однако, что означает это "выйдет — не выйдет"?

Только я приблизился к столу, пузырек громко ф-фукнул, исторгнув тугой клубок ярко-оранжевого дыма. Толстяк сморщился, покашлял, разгоняя едкий дым, и снова возврался на соседа. Тот кивнул.

— Он. Он самый, без ошибки.

— Точно?

— Точнее не бывает. Магия врать не умеет.

— Постойте, какая еще магия? — попробовал возмутиться я, но жирный господин сделал неопределенный знак ладонью и...

Дивясь загадочной сцене, которую разыгрывала троица незнакомцев, я напрочь позабыл о человеке у двери. Он-то меня и прilаскал налитой свинцом дубинкой по темечку. От души прilаскал.

М-да, странные понятия о гостеприимстве у этих аквилонцев...

Меня словно в черный омут бросило. Больше ничего не помню.

* * *

— Хват хейтир ту? Хват хейтир ту, хундсемииис сонрин?!

Я сначала даже не понял, что ко мне обращаются на асирском наречии. Но поскольку, язык нордлингов в Пограничье очень распространен и его знает почти каждый, я уяснил: спрашивают, как меня зовут и обзывают сукиным сыном. Последнее определение в некотором смысле ко мне подходит, но терпеть оскорблений от людей я не собираюсь. Разлепив губы я выдал в ответ:

— Фар и бро хинн, ванди хундр.

В весьма приблизительном переводе это означает "отвали, злобный пес". На самом деле эта фраза гораздо неприличнее.

Митра Солнцезарный, где я и что со мной? Голова раскалывается от боли — в череп словно раскаленное шило засунули. Глаз почти не раскрыть, будто их залепили глиной. Нет, это не глина, это запекшаяся кровь. Причем, моя собственная. Жутко хочется пить, окунуться головой в снег и вообще умереть. Немедленно. А тут еще ругаются по-асирски...

Постойте, мое последнее воспоминание относится к Тарантии Аквилонской. Правильно, сначала я бродил по городу, затем пил пиво в "Черном Быке", потом... Что именно — потом? В любом случае, мне интересно, откуда в Тарантии образовались асиры? Или меня похитили? И отвезли в Нордхейм, чтобы потребовать выкуп у Эрхарда? Бред...

Пока я натужно соображал, чья-то сильная рука возила по лицу мокрой и пованивающей крысами тряпкой. Кровь оттиралась. Спасибо, очень вовремя.

С трудом осмотревшись после процедуры мытья, я отметил, что нахожусь в крайне неудобном положении. Руки скованы стальными кольцами, висящими на цепочках. Цепь прикручена к деревянной балке, протянутой под низким кирпичным потолком.

Потолок принадлежит большой подвальной комнате без окон и отдушин. Несколько факелов на стенах. Стол, украшенный двумя глиняными кувшинами. Возле стола — человек. Вроде бы я его видел совсем недавно, вот только не помню где именно.

Второй человек стоял рядом. Ну и харя — страшилище, каких поискать. Голова бритая, огромный нос крючком, выпукленные глазищи, борода клочьями. Рукава засучены выше локтя, открывая неимоверно волосатые лапы. Такому красавцу можно самого себя вместо барашка использовать — стриги шерсть, да валяй сукно. Оценив облик страшилища, я решил, что он туранец или выходец из Гиркании. Больно похож.

Раздался прежний голос, снова потребовав:

— Хват хейтир...

— Давай на аквилонском, будет проще, — прохрипел я.

Говорил человек у стола. Толстый и плохо побритый.

— Согласен, — ответил он. — Не знал, что полуночные варвары могут настолько хорошо разучить язык Эпимитриуса... Итак, судя по грязной ругани в мой адрес, ты действительно асир... Может, все-таки назовешь имя?

— В моих землях представляться первым считается невежливостью, — слабо огрызнулся я, доселе не понимая, что происходит. — И еще на Полуночи есть закон: если кто похитил и лишил свободы человека, платится вира в пять мер серебра.

— Получишь свое серебро. Немного позже, — хмыкнул толстый.

Присмотревшись к нему я вдруг вспомнил: кабак, меня позвали какие-то незнакомцы, флакончик с оранжевым дымом... Это их предводитель!

— Так и быть, я назовусь. Доран из Боссонии, — проворковал жирный. — Больше известен, как Доран Простец. Не слыхал?

— Нет.

— Оно и к лучшему меньше бояться будешь. Удивляюсь я тебе, асир... Ты имя назови, а то нехорошо получается. Ты меня знаешь — я тебя нет.

Я брякнул первое, попавшееся на язык:

— Асмунд, сын Торгрима, сына Гейрмунда.

Есть у меня приятель в дорожной страже Пограничья с таким именем. Самый что ни на есть природный нордлинг. Очень хороший человек.

Толстяк по имени Доран лениво продолжал:

— Так вот, дивлюсь я на тебя Асмунд, сын Торгрима. Думал, одежку поменяешь, да бороду сбреешь, и не узнают? Узнали. И меч твой приметный, и голос... Как только дурости хватило снова в "Черного быка" соваться, уму непостижимо! Мы тебя по всей Тарантии пасли, все постоянные дворы перевернули — ничего, пусто! Как на Серые равнины провалился! Вдруг Лойн Криворучка прибегает, говорит, явился! Собственной, так сказать, персоною. Думали Лойн по неопытности ошибся, с кем не бывает — кликнули колдуна... Да, впрочем, какой из Рульфа колдун, так, колдунишко. Но фокусы нужные знает. Монетку, что из твоего кошелька намедни схитили, в скляночку положил, декоктом залил — и вот она, истинная правда выплыла. Магия, как оно достоверно известно, сразу на искомого человека укажет. Опознали тебя, уж прости. Теперь долго разговаривать будем.

Запястья, скованные железными кольцами начали неметь. Головная боль усилилась

вдвойне. А я, наконец, понял главное: влип. Обеими ногами.

Значит, эта жирная сволочь принимает меня за выдуманного Хальком "асира". Того самого, который по пьяному безобразию "потерял" карту, вырисованную на кожаном лоскуте. Доигрались...

— Понимаешь, какая незадача вышла, — размеренно вещал месьор Доран, подперев кулаком пухлую щеку. — Когда ты прошлым разом упился, мои пройдохи, разумеется, сразу твой кошелек обшарили по обычной непринужденности нравов. Серебро придержали, а непонятный планчик мне передали, глянуть. Вдруг чего интересное. И представь, интересного там хватало. Я немного асирской речью владею, и руны знаю. Про шумок, по городу прокатившийся, наслышан... Подумал, мозгами пораскинул, да и попросил верных людей выяснить, что за асир такой особенный, откуда взялся, где бывал. А уж потом узнал как ты шемитуростовщику старинные вещицы продал. Все приметы совпали.

Я молчал. Слушал. Опровергнуть не пытался. Прикидывал, как выкручиваться. И ничего путного в больную голову пока не приходило. Ой, влип...

— Весь клад нашли? — вдруг рявкнул Доран. — Сколько? Сундук, два, десять? Остров перекопали, или по непременной асирской лености только снаружи пошарили?

— Какой кла... А-а-а...

Не успел я издать возмущенный возглас (какой такой клад, знать не знаю, слыхом не слыхивал), как безобразный туранец вроде бы несильно съездил мне кулачищем пониже грудины. Если вы такого удара никогда не получали, пробовать не советую. Впечатления незабываемые. Все внутренности перемешиваются и завязываются узлом. Потом долго развязываются обратно. Дышать в это время невозможно.

Пока я, уподобясь пойманной рыбе окуню, хватал ртом воздух, Доран нудел, словно позабыв о недавних вопросах:

— А выводы я начал делать вечером, когда явился ко мне один человечек. Маленький человечек, невзрачный, хиленький. Плевком убить можно. Сказал от кого пришел. Тут мне с сердцем худо стало, едва не помер. Есть в Аквилонии одно тихое ведомство — Латераной называется. Что это такое, тебе, варвару, лучше не знать. Человечек вежливейшим образом присоветовал вернуть забранные у пьяного асира вещицы. По-хорошему вернуть. Конечно, можно и по-плохому... Я человек простой, куда нам, сирым, с могучими тягаться — родная шкура дороже и любезнее. Отдал. И понял вдруг, что если пропойцей-варваром такие большие вельможи интересуются, то сплетни городские имеют под собой исключительно твердую почву. Тверже не бывает — золото. Да столько золота, что сама Латерана в игру вступила. Признайся, в кабак вернулся надеясь свою карту отыскать?

— Угу, — буркнул я, не вдаваясь в подробности.

— Извини, но теперь она мне недоступна. И никому недоступна. Что съел лев, мышам не достанется. Жаль, не успел я копию снять, времени не нашлось. Но кое-что запомнил. Ванские острова, правильно? Большой архипелаг к Закату от Ванахейма?.. Таким образом, Асгейр, тебя немедля освободят и впредь пальцем не тронут. Кормить-поить-ублажать будут. Я лично за хамство своих костоломов извинюсь и виру внесу. Хоть пять мер серебра, хоть пятнадцать. Слово Дорана. Но и ты мне учтивость окажешь. Понимаешь какую? Ничего проще не придумаешь: план восстановить надо. И подробности рассказать. По рукам?

Меня вдруг в смех потянуло. Неудержимый. С рыданием и подывиваниями. Боги, вот тебе и шуточка! Розыгрыш! Гы-ы-ы!..

— Не понимаю причин веселья, — пожал плечами месьор Доран. — Сам должен знать,

что в случае отказа, твоя жизнь окажется намного короче, чем следовало бы. А предварительно Ламасар попробует разговорить тебя другим способом. Догадываешься, каким? Очень неприятно, когда тебя режут на тонкие ремешки. Сам не пробовал, но многократно наблюдал — слезы на глаза наворачиваются. Буквально рыдаешь — так человека жалко...

Надо выиграть время! Любым способом! Так или иначе мне крышка — все равно убьют. А если скажу, что никакого клада не существует, Доран украсит шкурой оборотня свою спальню.

Стоп. Шкурой оборотня?

— Дай подумать, — наивозможно презрительно бросил я. — Полколокола.

— Думай, — милостиво согласился толстяк. — Только прости, снимать тебя с цепи мы пока не будем. Железо — оно думанью способствует. Пойдем, Ламасар. Пускай наш юный друг размышляет. Не будем мешать.

Доран и звероподобный ту ранец вышли. Дверь оставили приоткрытой — замечательно!

Придется доказать вам, господа разбойнички, что и поддельные асиры не лыком шиты.

* * *

Обычному человеку почти невозможно освободиться из тонких кандалов — браслетов, схватывающих запястья — мешает косточка большого пальца. Некоторые умеют выворачивать сустав так, что он уходит в глубину кисти, однако я подобным талантом не обладаю. Слишком больно. Я владею гораздо более серьезным достоинством: способностями Карающей Длани.

Посмотрите на лапу собаки ПАН волка и кисть руки человека. Разница заметна? Нацепите на волка хоть десяток кандалов, он их сбросит — железные браслеты соскользнут с лапы по шерсти, им ничего не помешает. Волчья лапа несколько тоньше людской дланi, а когда я превращаюсь, кости вытягиваются. Я и в человеческом обличье невысок ростом, в отличие от большинства сородичей, да и в ипостаси зверя выгляжу как не слишком крупная, мохнатая, поджарая и длиннолапая собака темно-серого цвета с черной полосой вдоль хребта. Можно запросто перепутать с охотничьей лайкой, какие водятся в Нордхайме.

Одно плохо — злодеи-похитители во главе с жирным Дораном сняли с меня только колет, оставив сапоги, штаны и нижнюю рубаху.

Это очень неудобно. Обычно, оборотень перед превращением в волка полностью раздевается, чтобы не запутаться в одежде — верхнее облачение человека, как известно, превращаться в волчью шкуру никак не может. Придется повозиться...

Я упоминал, что умею менять ипостаси очень быстро. Дело в том, что среди ближней и дальней родни моего обширного семейства, среди предков, почти не было людей. А оборотни, в чьих жилах течет больше четверти человеческой крови мучаются с превращением долго, до трех квадрансов. Если предков-людей больше половины — способности Карающей Длани теряются навсегда и детям уже не передаются. Поэтому главный закон нашего народа требует заключать браки только между сородичами: нашей расе необходимо сохранить данное богами наследие.

...Лапы выскоцкнули из металлических колец мгновенно и безболезненно, будто маслом намазанные. Я шлепнулся набок, с трудом поднялся на все четыре ноги, и начал раздирать клыками тесную льняную рубаху. Получилось. Освободиться от штанов оказалось еще проще — сами сползли, за полной невозможностью держаться на волчьем туловище. Встряхнулся, будто после купания. Огляделся. Принюхался. Теперь можно полагаться на недоступные человеку обострившиеся чувства.

Пахнет в подвале нехорошо. Крысами, кровью (человеческой, между прочим), подгоревшей едой, но не трактирной, а приготовленной где-то здесь. Очень хотелось бы узнать где именно "здесь". На подвалы "Черного быка" не похоже. Надо думать, меня перетащили в одно из близлежащих зданий.

Отправлюсь на разведку. Так или иначе в нынешнем виде у меня гораздо больше преимуществ. И не узнают, и не поймут, откуда в доме появилась очень похожая на молодого волка серая зубастая собака. В лучшем случае выгонят, в худшем — придется пустить в ход клыки. Насколько я знаю, даже лучшие бойцы человеческой породы слабо представляют, как справиться с нападающим животным.

Приоткрытая дверь. За ней мрачный коридор, но теперь я прекрасно вижу в темноте. Сквозняком тянет слева, значит там выход. Направление выбрано.

Понятно, что я нахожусь в подвале очень старого здания. Такие постройки пахнут особенной, кисловатой затхостью — помесь запаха плесени, пыли, сырости и подгнивших пергаментов. По сторонам коридора еще несколько дверей, все плотно закрыты, видны ржавые замки. Лестница наверх.

Ступаятише самой боязливой мышки я поднялся, обнаружив вход в дом. Толкнул лапой дверь. Пустая комната—зала, из нее три выхода. От самого дальнего пахнет уличной пылью и ароматом распускающихся весенних цветов. От ближнего — вином и человеком. Из щели между дверью и косяком льется желтоватый свет. Голоса. Люди разговаривают.

— ...Думаешь, скажет?

— А куда ему, бедняге, деваться? — судя по медленной, с откровенной ленцой, речи, отвечал толстяк Доран. — Парень преизрядно напуган, а если Ламасар применит свое редкое искусство, асир не то, что говорить, петь начнет. Голосисто. Как бы весь квартал не перепугал.

— Методы у тебя, однако...

— А у тебя — другие? Жизнь штука тяжелая, ради правды приходится идти на сделки с совестью. Жаль, мальчишку, но... Сам понимаешь.

— Хорошо, оставим пока твоего асира, — второй голос был хрипловат и самоуверенно спокоен. — Я не уверен, что нам удастся провести Латерану. Одно дело водить за нос городскую стражу, и совсем другое — барона Гленнора.

— Я вовсе не собираюсь водить досточтимого барона за нос. Просто не дотянусь до его носа, силы не те. Однако, опередить могу. Мои резвые волчата работают чуть быстрее ищеек Гленнора. Книгохранилища открываются по утрам, ночью туда никто не ходит... Никто, кроме людей, чья настоящая жизнь начинается с закатом солнца. Полагаю, к утру стоит ждать результатов.

— Не переоцени самого себя.

— Я? Зачем ты говоришь обидные слова? Замечу: пара моих хороших друзей трудится даже в замке короля! И представь, сегодня мне шепнули, будто часть карт откопал некий Хальк Юсадаль...

— Знаю. Тайный советник и хранитель библиотеки.

— За сколько его можно купить, как думаешь?

— Ни за сколько. Он сумасшедший. Из плеяды полоумных книжников, которым неинтересно ничего, кроме летописей, рукописей и свитков.

— Любой человек покупается. Надо знать цену. Если этому Хальку неинтересно золото, можно предложить другое. К примеру, полдесятка неизвестных книг авторства древних сочинителей. В домашней библиотеке старого герцога Борна пылятся сотни редчайших рукописей, знаю точно, давно глаз положил... Никто и не заметит их пропажи. А Хальку — радость. Взамен — маленькая услуга. Снять копии с карт и только. Что будет дальше, это уж мои собственные трудности. Мы гораздо более легки на подъем, чем службы короля. Пока сберутся, пока выедут... Когда они очутятся на острове, мы будем пить вино в Туране. И швырять от скуки золотые монеты в Вилайет. — Неужели ты всерьез веришь?

— Выбора нет, друг мой. Все косвенные признаки свидетельствуют: паника поднялась не зря. Между прочим, назначенные полколокола истекли. Пойду побеседую с асиром. Ламасар?!

— Ты уверен, что соглядатаи стражи не заметили похищения? — нервно спросил второй.

— Уверен. Пойдем, Ламасар.

Надо быстро убираться. Не хочется вновь увидеться с туранским монстром. Любопытно, почему он всегда молчит? Язык отрезан или просто немой?

Я бросился к двери, от которой пахло улицей, но... Заперто! Вторая дверь. Тоже закрыта! Они сейчас меня увидят! Увидели.

— Эт-то что еще такое? — показавшийся на пороге толстый Доран недоуменно уставился на меня. — Ламасар, откуда здесь чужая собака? Убери!

Страшенный волосатый туранец понял приказ хозяина до крайности буквально. Вынул нож и двинулся на меня. Терпеть не могу людей, которые не любят животных. Решение созрело мгновенно.

Если я ошибусь — будет плохо. Остается рассчитывать на удачу, всегда сопутствующую оборотням.

Я прыгнул прямо под ноги Ламасару, полагая ударить всей тяжестью тела по голеням. Получилось. Туранец упал, взмахивая отточенным кинжалом. Срезал мне несколько волосков с холки. Пока он поднимался, я со всех четырех ног ринулся в комнату. Мгновенно осмотрелся. Чудесно! Вот оно, окно затянутое мутной слюдой, в обрамлении ажурных кедровых реек!

Вскочил на стол, пугая собеседника Дорана — мужчину среднего возраста в облачении дворянина. Тот отлетел в сторону. Сжимаюсь в комок, прыгаю, выбиваю тяжестью тела решетку окна... Только бы оказалось невысоко! Только бы не разбиться и не повредить лапы!

Треск ломающегося дерева и шелест слюды. Я благополучно приземляюсь на мягкую, взрыхленную землю палисадника. Встаю. Осматриваюсь.

Небольшой сад вокруг дома. Темно, давно наступил вечер. Сад окружает высокая — не перепрыгнуть! — каменная стена. Надо бежать к воротам.

Конечно, это следовало предвидеть. В саду разгуливают сторожевые псы, не менее полудесятка. Почуяли неладное и сбежались к дому. Огромные, темно-рыжие неразумные твари кофийской бойцовой породы. Ничуть не привлекательнее Ламасара обликом — черные плоские морды, туповато—преданный взгляд, и никаких мыслей.

Но я оборотень, а значит владею превосходством над простыми животными. Любой обыкновенный волк или собака будут подчиняться мне, как вожаку. Свора расступилась...

Новый проблеск сопутствующего счастья. Ворота поместья не деревянные, а решетчатые, из железных прутьев. Если повезет — протиснусь. Как и всегда, повезло. Я вырвался на свободу.

Остается быстро найти дорогу к замку короны. Превращаться обратно в человека бессмысленно — на четырех ногах я передвигаюсь гораздо быстрее, да и где прикажете искать новую одежду?

Теперь надо опасаться мирных горожан. Людям будет неприятно видеть на улицах настоящего дикого волка. Мои главные союзники — вечерняя темнота и скорость. Побежали? Побежали!

* * *

Замок короны — вот он, прямо впереди. Огромный, будто нордхеймский мамонт. Темный. Только наверху, меж зубцами стен, цепочка факелов. И около главных ворот огни.

Дворец я нашел без особых трудностей. И приключений по дороге не претерпел. Кому интересна бродячая собака? Поздним вечером людей мало, обыватели давно отошли ко сну, да и самые оживленные улицы я предпочел обходить стороной. Задворками пробирался.

Однако, вопрос: как попасть внутрь? Я не поленился, обежал замок по периметру, надеясь отыскать открытые ворота. Бесполезно. У нас в Пограничье, между прочим, ворота резиденции короля никогда не закрываются. Незачем. Кого Эрхарду в своем королевстве бояться? Не оборотней же?..

Выходит, что по сравнению с нами — Аквилюния суть варварская страна. Нет ничего хорошего в государстве, где король запирается от подданных.

Вероятно, придется ночевать на улице. Ничего, перетерплю. Шкура пушистая, холодно не будет. Пристроюсь возле хозяйственных ворот, дождусь утра, а там — как получится.

Когда отбивали первый полуночный час, я уже валялся на деревянном пороге одного из домов, стоявших напротив замковой стены. Задремывал. Слишком устал за день. Обидно, конечно, что потерял купленные вещи и подарки, но в любой ситуации прежде всего следует видеть хорошее. Я жив и отчасти цел, сумел запросто сбежать от похитителей и вернуться к нашему с Тотлантом временному пристанищу. А Дорана следовало бы цапнуть за сухожилие, чтоб похромал седмицу-другую...

Визг несмазанных петель, человеческие голоса и стук копыт лошадей не дали мне заснуть. Я поднял голову, навострил уши и увидел, что к воротам подошел обоз из четырех телег. Ветерок донес запах просмоленных бочек и почему-то свежих овощей. В такое время года? Странно.

Ничего странного. Судя по возгласам охраны и возничих, в замок привезли продукты, сгруженные с зингарского корабля. На золотом Побережье урожай собирают круглый год. Почему ночью? Чтобы днем не беспокоить важных особ, которые потребуют к завтраку апельсины и зелень.

Я шмыгнул к стене, пробежал вдоль нее, нырнул под повозку. И, конечно, благополучно

миновал ворота, оказавшись на знакомом хозяйственном дворе. Теперь остается незаметно пройти на третий этаж, к библиотеке.

Меня застукали на лестничной площадке второго этажа. Я немного научился разбираться в гвардейской форме, и понял: сии доблестные мужи принадлежат к не менее доблестному Боссонскому полку — одежда зеленая, с серебряными галунами.

— Меркурий, глянь, волк... — вылупился молодой, наверное моего возраста, гвардеец.
— Настоящий!

Второй, тот который носил старинное аквилонское имя Меркурий, был постарше и порешительнее. Боссонцы — прекрасные стрелки, гвардейцы этого полка носят с собой небольшие самострелы, и Меркурий молча бросил на ложе оружия тяжелый стальной болт. Я почти вживую увидел мысли, ровным строем марширующие за его лбом: если во дворце бродит дикий зверь, его надо тотчас истребить. Пока не нагадил в тронном зале и не искусал придворных дам. Только этого мне не хватало! Бежим!

Я припустил со всех ног наверх. Неподалеку в мраморные ступеньки ударили закаленный наконечник, высекая искорки, сзади браво громыхали подкованные сапоги, ринувшихся в погоню боссонцев. Мрамор лестницы и паркет коридора были неимоверно скользкими, лапы разъезжались, я несколько раз шлепнулся набок, и просил судьбу только об одном: лишь бы у Халька не было заперто! Иначе убьют. А если начну превращаться — тем более убьют: оборотень, чудовище, нечисть и нежить!

Досада какая! Двери в комнаты барона Юсдаля закрыты изнутри! Проклятые гвардейцы все ближе, я явственно слышу новый щелчок тетивы — проволоки. Стрела вонзилась в паркет в ладони от моей лапы. Что делать? Библиотека! К Хальку можно пройти и оттуда!

Неуклюжим галопом влетев в боковой коридор я ударил грудью библиотечную дверь. Пронесся мимо шкафов с пергаментами и книгами. Боссонцы оказались настырными — не отстают.

Гостиная Халька. Пусто. Только две оплавившие свечи горят.

Я проскочил в спальню и не долго думая заполз под обширную кровать господина тайного советника. Пылища! Но ничего не поделаешь, шкура дороже... С грохотом вломились гвардейцы.

— Что, демон вас задери, здесь происходит?! — взревел разбуженный и слегка перепуганный барон Юсдаль где-то над моей головой. — Ополоумели? Пожар, потоп, переворот?

— Волк, ваша светлость!

— Чего? Какой волк?

— Серый, ваша светлость! Только что сюда забежал!

Скрипнула дверь смежной спальни, которую Хальк отвел нам с Тотлантом. Из-под кровати я увидел босые ноги волшебника.

— Ничего не понимаю, — продолжал яриться Хальк. — Откуда в королевском замке волк? Где он? И вы что же, травлю посреди ночи устроили?

— Так точно, ваша светлость! Выйдите с господином колдуном ненадолго, мы его мигом отыщем! — гвардейцы пыхтели как ломовые лошади. Убегались за зловредным волчарой.

Я сидел под кроватьютише мыши. Если дело обернется совсем плохо, придется немедленно превращаться!

— Постойте, — раздался мягкий голос Тотланта. — Хальк, у нас, однако, есть один

знакомый волк... Темвик не вернулся вечером. Понимаешь?

Волшебник присел и наклонил голову к основанию постели библиотекаря. Заглянул в пыльную темноту. Крякнул досадливо.

— Ага. Знакомая морда! Давай-ка вылезай. Господа гвардейцы, уберите оружие.

Я, по уши в пыли и паутине, выполз. Представляю, как это выглядит. Волчище с пораненой головой, глазами человека и поджатым хвостом. Никогда в такой дурацкой ситуации не оказывался.

— Тот самый, — гаркнул боссонец Меркурий. Стушевался внезапно. — Ваша зверюшка что ли, а, месьоры?

— Наша, — Хальк, облаченный в необъятную ночную рубашку с кружевами на вороте и смешной колпак, посмотрел на меня озадаченно. — Темвик, что это значит?

— Позже разберемся, — решительно заявил Тотлант. Повернулся к страже. — Можете быть свободны, господа. И впредь будьте осторожнее. Вы же не гоняете по всему замку охотничьих собак короля? И не палите в них из самострелов?

— То собаки, а то — волк, — угрюмо бросил молодой. — Идти можно?

— Катитесь, — поморщился Хальк. — Когда в следующий раз будете охотиться за сбежавшим из зверинца слоном, перед тем как вламываться к тайному советнику короля — аккуратно постучите в дверь...

Боссонцы, ничего не понявшие в случившемся, отбыли.

— Марш в нашу комнату, приведи себя в порядок, — скомандовал мне Тотлант. — На кресле — мой кхитайский халат, оденься. Ждем в гостиной.

Когда я, облаченный в черный шелковый халат с вышитыми золотыми драконами, появился в большой комнате, оба ученых мужа восседали в креслах и по ночной прохладе кутались в шерстяные клетчатые пледы, какие делают в Киммерии. Хальк, изменив собственному слову, потягивал темно-красное вино. Тотлант выглядел очень недовольным и заспанным.

— Итак, каковы будут объяснения? — библиотекарь поднял брови и устремил взор на меня. — Почему у тебя волосы в крови?

— Где? — забеспокоился волшебник. — А ну, покажи! Это гвардейцы тебя вздули?

Тотлант положил ладонь мне на затылок, быстро-быстро забормотал заклинание, и я ощутил легкое жжение — рана затягивалась.

— Нет, не гвардейцы, — проворчал я. — Хуже. Кажется, мы доигрались в сказки с сокровищами.

Я придинул кресло для себя, налил вино, и принялся рассказывать. Про похищение, про Дорана и Ламасара, про беседу толстого разбойника с неизвестным дворянином, которую случайно подслушал. И, наконец, про мое удачное бегство.

И Хальк, и Тотлант по ходу повествования только рты шире раскрывали. Не перебивали. Барон Юсадаль то улыбался, то качал головой; стигиец с каждой новой фразой становился все мрачнее.

— М-да, неприятная история вышла... — когда я закончил сагу о том, как Темвик гулял по Тарантии, волшебник побарабанил пальцами по столу. — И кто виноват?

— Никто, — буркнул Хальк, стараясь не встречаться с нами взглядом. — Кроме самого Темвики. Нечего было соваться в этот притон. Я ведь предупреждал!

— Ты знаешь кто такой Доран, по прозвищу Простец? — спросил я. — Очень неприятный человек. Пусть и умный.

— Не знаю, — отозвался барон Юсдаль. — Но непременно узнаю. Завтра же. Спрошу у Гленнора. Есть предложение — поспать до утра. И на свежую голову разбираться с трудностями.

— А знаете, — неожиданно фыркнул Тотлант, — Хальк едва не оказался в крайне двусмысленном положении. Представьте: Темвик забирается под кровать, превращается, а господа гвардейцы обнаруживают под ложем месьора тайного советника спрятавшегося там совершенно голого мужчину. Воображаю, какие слухи поползли бы по дворцу...

Мы дружно и жизнерадостно заржали. Потом расползлись по комнатам — отдохнуть от суматошного дня.

Второй рассказ Халька

"Граф, который нашел Пифон"

Тарантия, дворец и город

7 день Первой весенней луны 1293 г.

Тотлант, ренегат эдакий, призывает меня покаяться. Посыпать голову пеплом из камина, надеть на шею веревочную петлю, облачиться в рубище и пасть на колени перед королем. Рассказать благороднейшему монарху о мерзопакостных происках его собственного библиотекаря. О вероломстве и измене, с коими был составлен злоказненный план по введению ихнего королевского величества в заблуждение посредством подложных исторических документов.

Покаяться! Покаяться и смиренно принять через то справедливое воздаяние!

Ни за что и никогда! За кого вы меня принимаете?

Первые призывы к означеному покаянию явили себя на следующий день после нелепых приключений Темвика. Тотлант недвусмысленно заявил, что история с кладом Нифлунгов зашла слишком далеко, и становится попросту небезопасной. Небезопасной для всей удалой троицы аферистов, столь неаккуратно поднявшей столицу на дыбы. Мало того, что древней легендой заинтересовались король (ради которого, собственно, все и было устроено) и его верный цербер, барон Гленнор, так в игру без выигрыша вступили еще и натуральнейшие бандиты наподобие Дорана, в чьи лапы намедни попался Темвик!

Я придерживался исходного постулата: Темвик сам виноват. Зачем его понесло в "Черного Быка"? Туда и городская стража-то заходить побаивается, тайных соглядатаев распознают очень быстро и дальнейшая судьба их незавидна. Доран утверждал, будто у него есть свои люди во дворце? Пускай. В любом случае эти личности ходят в чинах не старше третьего помощника дворцового золотаря, а таких в жилые покои придворных не допускают.

Кроме того, я теперь оказался под ненавязчивой опекой хмурых мальчиков из ведомства барона Гленнора. Возвращенные Латераной добры молодцы проследят за нашей общей безопасностью, тем более, что король "взял в дело" и Тотланта. Как советника по вопросам магии и кхарийской древности.

Да, король... Признаюсь откровенно: когда они с Гленнором заявились вчера ко мне, я был уверен — наша авантюра раскрыта и теперь обычной рекомендацией "вести себя потише" я не отделаюсь. Воображение уже рисовало яркие картины опалы, ссылки, катоги, эшафота, топора палача или самой страшной кары — королевского кулака. Все оказалось и проще, и сложнее одновременно.

Естественно, начальник нашей тайной службы пристально следит за городскими слухами. И докладывает королю.

Но слухи собирает не только Гленнор — тут и шпионы городской стражи, и канцелярия Просперо, и военная управа... Раз в два дня на стол Конана ложатся сразу несколько разных отчетов о слухах в Тарантии. Достаточно сравнить, и станет ясно, кто из информаторов лжет или недоговаривает. Но тут оказалось, что все донесения рьяно повествуют об одном: найдена часть клада царя Тразариха! Того самого! Огромного и сказочного!

Конан вызвал Гленнора и попросил провести скрытое дознание. Господин барон обернулся меньше, чем за сутки — нашел подброшенную мной в главный храм Митры карту и страницу "летописи", забрал почти аналогичную фальшивку из книгохранилища Обители Мудрости, начал поиски "асира"—Темвика, побывавшего у ростовщика бар-Мираэли и через своих шпионов узнал, что таковой асир оказался замечен в "Черном Быке", где и был обищен мелкими жуликами. Если верить Темвику, затем господин барон изъял у некоего Дорана (наверное, предводителя большой городской шайки) составленный мной план Ванских островов. Посмотрел, сопоставил, подумал, и... И сделал неверные выводы. Увидел сложное в простом.

Да, меня заметили во всех библиотеках, где я оставил подложные документы. А документы оказались настолько убедительны, что в них поверили. Умозаключения хозяина Латераны были просты: Хальк занялся кладоискательством. Он что-то там обнаружил, и пытается это скрыть. Причем Хальк настолько уверен в истинности своего открытия, что собирается на время покинуть город и отправиться за кладом. (Мое прошение, разорванное Конаном несколько дней назад и навело хитроумного Гленнора на эту мысль). Единственное, что не мог увязать между собой барон, так это связь между асиrom, привезшим в Тарантию драгоценность из клада, и мною самим. Тотлант ведь был у ростовщика в момент совершения сделки! Это явно не случайно!

Мы отбrehались тем, что Тотлант попросту следил за приезжим, раззвонившим на весь город об удивительной находке. А куда асир исчез — не наши заботы.

Ищите, месьор Гленнор, это ваша прямая обязанность. Только не следует думать, будто мы его убили ради золота. Поищите в чулане и под кроватью — трупа там нет.

Словом, все вышеизложенные соображения, и были представлены королю Конану. Тот возмутился: как так? нашел сокровища и делиться не желает? когда в казне шаром покати?

А ну, пошли к Хальку! Разберемся!

Конан заглотил наживку сразу и накрепко. Оставалось противника добить: я, с разочарованным видом, преподнес жаждущему открытий монарху четвертую, самую главную карту, с которой якобы все и началось.

Они поверили. Поверили! И теперь Гленнор начал собирать прочие доказательства — шарить по библиотекам и искать свидетелей.

Меня беспокоило только одно: третий план, оставленный в военной управе, доселе не найден, хотя настырные ребятки Гленнора переворошили все до единого книжные хранилища.

События начали быстротечно развиваться прямиком с раннего утра.

Просыпаюсь я незадолго до рассвета — привычка молодости. Когда я учился в тарантийской Обители Мудрости, бедолаг-слушателей поднимали затемно, сразу же сгоняли на церемонию Рождения Солнца, в храм Митры, а потом начинались бесконечные занятия. По прошествии многих лет я остался верен традиции — абсолютно не могу спать в светлое время суток.

Темвик и Тотлант пока что беспробудно дрыхли. Не стану их поднимать до времени — только мешать будут, а надо подумать в тишине. Очень хотелось поесть. Я обнаружил на столе вчерашнюю холодную грудинку и огрызок пшеничной лепешки вместе с чашечкой меда, початый кувшин красного вина, и решил устроить маленький пир. Ждать приготовленного на дворцовых кухнях завтрака бессмысленно — кухари расшевелятся только к десятому колоколу, не раньше.

Я нарезал мясо боевым гандерским кинжалом, который использую в самых разных целях — от разрезания пергаментов, до чистки ногтей, разбавил холодной водой вино, уселся, положил в рот кусочек розового, умащенного специями мяса, и бессмысленно оглядел комнату. На противоположной стене вывешена огромная и самая полная карта Закатного побережья континента, охватывающая область от Сизой пустоши, что в стране пиков, до ванахеймского фьорда Старкардгарт. Тут же вырисован и Ванский архипелаг — девять больших островов и несчитаная россыпь маленьких.

Король вчера возложил на мою особу обязанности по подготовке наикратчайшего пути до побережья — экспедиция начинает собираться... Отлично.

Случайно я заметил нечто странное. Возле запертой на засов двери в коридор лежит бежевый пергаментный пакет. Наверное, его просунули ночью, в щель между створками и полом.

Встал, поднял, вернулся на место. Обыкновенный пергамент, из недорогих. На восковой синей печати странный оттиск — ушастая голова мыши. Никогда не встречал подобного символа. Надписей никаких.

Я срезал печать и положил на стол — вдруг пригодится? Если что — покажу барону Гленнору или его подчиненным. Развернул сложенный вчетверо лист.

Письмо. Причем настолько любопытное, что я привожу его текст полностью.

"Досточтимый барон Юсдал!

Зная интерес уважаемого королевского библиотекаря к старинным раритетам, имеющих касание до прежней истории, и великим памятникам человеческого слова, имею честь предложить господину барону в качестве искреннего подарка нижеупомянутые сочинения.

"Бестиарий чудесных существ, перевод с кхарийского, с добавлениями, применительно к землям Хайбории".

"Книга заблудших душ (Аноним). Наиболее полное совокупное жизнеописание

грешников, вероотступников и злодеев былого времени. Перевод с древне стигийского.
— Бельверус, 524 год".

"Истинная летопись рождения королевства Аквилонского, составленная Эквицием Оргайлским с доподлинными житиями первых королей, а такожде святейшего Эпимитриуса с собственоручными пометками и автографом оного".

Все три фолианта являются подлинниками, созданными в первые века по основанию Аквилонии. Означенные книги передаются барону Юсдалю в дар, без каких либо условий или дополнительных оговорок.

Сей дар барон Юсдаль может получить в любой ближайший день, если придет в салон уважаемой госпожи Аавланэ, что на Королевской улице, ко времени от полудня, до колокола первого.

Сим остаюсь вернейшим другом и почитателем таланта господина барона.

Даритель.

Тарантия, 7 день первой весенней луны."

Как прикажете такое понимать?

Я немедленно вспомнил ночной рассказ Темвика. Бандюга Доран беседовал со своим неизвестным посетителем о том, как можно купить Халька Юсдаля. Уговорились дать мзду в виде ценных книг, а вовсе не денег. Тоже неплохо — три перечисленных в письме рукописи необычайно редки, а летопись Эквиция вообще считается пропавшей! Любопытно, где они ее сперли?

Стилистика письма непохожа на руку жулика, пусть и жулика высокого полета. И такие люди как Доран наверняка не станут назначать встречи в доме госпожи Лавланэ — почтенной вдовы, содержащей салон для престарелых дворян, собирающихся вместе, чтобы посплетничать, послушать музыку и поиграть в тарок.

И почему книги собираются передать в "безвозмездный дар", да еще "без условий и оговорок"?

Признаться, меня озадачили. Если вы действительно возжелали сделать подарок королевской библиотеке, стоит ли разводить эдакую таинственность? Подсовывать письма под дверь, не подписывать депешу настоящим именем, обходясь каким-то "Дарителем" и назначать тайные свидания? Не проще ли обставить дарение со всей торжественностью и прослыть в обществе покровителем искусств?

Ну точно, это происки мошенников с которыми вчера познакомился Темвик! Никаких сомнений.

Осторожный стук в дверь. Открываю.

— Доброе утро, советник.

На пороге стоит граф Кертис. Он из Латераны — отвечает за безопасность в городе и замке короля. В отличие от быкоподобных молодых людей, входящих в охранную службу Латераны, граф изящен, худощав и одевается по самой последней моде. Теперь он является проводывать меня по три раза в день.

Очень хорошо, что граф заглянул прямиком с утра — расспрошу Кертиса о некоторых насущных вопросах.

— Заходи, — я гостеприимно указал на кресло. — Вино в кувшине, бокалы на полу, возле стола.

— А почему не на столе? — подивился Кертис.

— Стол предназначен для работы с пергаментными вместилищами человеческой мысли, а не для низменных утех ненасытного чрева, — высокопарно заявил я, наблюдая за Кертисом. Сегодня граф оделся в платье цвета морской волны с золотом. На груди поблескивают миниатюрные копии орденских знаков — аж целых шесть. Видать, рьяный служака. В Аквилонии награды раздают скучо, в отличие от соседней Немедии — Ринга, герцогиня Эрде, супруга начальника тайной службы Трона Дракона, как-то хвасталась, будто одним только Орденом Чести ее награждали четыре раза подряд...

— Как дела? — осведомился граф. — Что это за дурацкая история с волком, бегавшим по замку прошлой ночью?

— А, ерунда, — легкомысленно отмахнулся я. — Мои гости из Пограничья шалят. Это не волк, это всего лишь оборотень. Темник решил в зверином облике погулять по дворцу. Конечно, тупые вояки из Боссонского полка его не поняли...

— Всего лишь оборотень... — повторил Кертис с непонятной интонацией. — По-моему, это перебор. Хальк, умоляю, попроси своих друзей больше таким образом не... Не шалить. Это, знаешь ли, чревато. Больше никаких происшествий?

— Вроде бы ничего подозрительного, — я пожал плечами. — Кертис, можно вопрос?

— Сколько угодно, — любезно улыбнулся граф.

— Ты ведь следишь за обстановкой в Тарантии, верно? Скажи, не знаешь ли ты субъекта именующего себя Дораном? Доран по прозвищу Простец.

— Ого! — Кертис даже вино расплескал от удивления. — Ты-то откуда знаешь об этом господине? Не предполагал, что сведения с самого дна Тарантии могут достичь ушей многоученого книжника и придворного!

— Так, слышал мельком...

— Хорошо, что только слышал. Сей достойный муж объединил под своей рукой больше половины городских шаек. Контрабанда, торговля лотосом, наемные убийцы, самые громкие грабежи, похищения. Весьма многогранная деятельность. Подозреваю, что приезжего асира, рассказавшего о кладе Нифлунгов, похитил именно он... Далее: Простец невероятно умен, столь же жесток, владеет своей собственной маленькой тайной службой — завидует Латеране и пытается подражать. Причем, иногда небезуспешно. У меня есть впечатление, будто Доран трудится не ради денег, а, так сказать, ради искусства. Иногда пускается в невероятные авантюры, в которых ничего не заработкаешь, но только получишь острые ощущения. Исключительно неприятный господин. Однако, вызывает невольное уважение.

— Странно, — хмыкнул я. — Если Латерана так хорошо осведомлена о деятельности этого самого Дорана, то почему вы его не прижмете? Пускай доживает век в уютной камере Железной Башни!

— Никаких доказательств. Вообще никаких, представляешь? Что бы ни случилось

— Доран чист, как белый плащ Эпимитриуса. Свидетели исчезают, исполнители не признаются, а сам Доран во время ограбления, допустим, дворца графини Аттиос, путешествует по Боссонии и знать ничего не знает ни о каких графинях. Мы пытались его негласно устраниТЬ, но Доран обладает невероятным чутьем — сумел избежать полусотни покушений. Да и зачем? Его место сразу займет другой — дно Тарантии талантами вовсе не оскудело. Но Доран пока превосходит всех и каждого. Я удовлетворил твоё любопытство?

— Благодарю. Кстати... — я потянулся к столу и передал графу печать от подброшенного письма. — Никогда ничего подобного не встречал?

— Отиск перстня, — с видом професионала определил Кертис. — Мужского. Печатка в виде мышиной головы... Нет, не видел. А в чем дело?

Я поразмыслил и передал графу найденный утром пергамент. Пусть Латерана знает. Мало ли, какие сюрпризы будут ждать в салоне госпожи Лавланэ?

— Сходи, посмотри, — посоветовал граф, изучив депешу. — Я распоряжусь, чтобы тебя незаметно опекали. И не забудь — к пятому колоколу тебя будет ждать король. Благодарю за вино, Хальк. Пойду, займусь делами.

Кертис покинул гостиную, оставив меня в недоумении. Мысли перепутались: Доран, подарок в виде старинных книг, клад Ниблунгов — все это наверняка взаимосвязано. Но как и почему?

Загадка...

* * *

Вскоре и любезные гостюшки соизволили прорвать глаза. Оба выглядят сонными осенними мухами, особенно Темвик. Пока Тотлант и оборотень завтракали, я кликнул слугу и приказал немедленно раздобыть у дворцового каштеляна приличную мужскую одежду. Вон для того парня. Слуга кивнул и исчез.

Конечно, у Темвики в дорожных мешках найдется запасная "варварская" одежка, но пока следует придерживаться правил маскировки. Если оборотня опознали люди пресловутого Дорана, то надо вспомнить, что и Латерана не дремлет. Лучше бы барон Гленнор не докопался до истины (что, впрочем, не исключено — осведомители Латераны могут узнать о непонятных событиях на вилле Дорана: очень странный побег пленника, отдающий сверхъестественными способностями онного, наверняка наведет цепных псов Гленнора на размышления).

Слуга приволок объемистый мешок — удалось найти новую военную форму Черных Драконов, только без знаков различия. Темвику чуть великовата, но сидит вполне прилично. Я категорически запретил оборотню покидать сегодня дворец, принес из библиотеки пару занимательных книжек авторства прославленного сочинителя Стефана, Короля Историй, и выдал Темвику для пристального изучения. Если угодно — можно гулять по замку, тут много всего интересного, от знаменитых Висячих Садов и богатого зверинца, до зала славы Аквилонии, где выставлены боевые трофеи, начиная со времен Сигиберта Завоевателя. В город — ни ногой!

Тотлант поворчал, призвал меня к раскаянию, облачился в роскошную алую мантию сообщества магов Равновесия, и отбыл. Сегодня начинался гильдейский конclave и присутствие Тотланта было обязательным.

Я приоделся (сплошная парча и немыслимо дорогие аргосские кружева, добытые при помощи знакомой белошвейки из дворцовых мастерских), нацепил одновременно и баронскою цепь с фамильным гербом и почти неподъемный Орден Большого Льва, с бриллиантами, вульгарно-огромными рубинами и шлифованными агатами. Спустился по парадной лестнице, раскланиваясь со знакомыми и незнакомыми придворными прихлебателями, вышел через главные ворота (гвардия вытянулась во фронт, отсалютовав

эстоками) и двинулся вперед по длинной Королевской улице.

Терпеть не могу кататься по городу в экипаже, а посему всегда предпочитаю собственные ноги.

Я человек простой. Да, я родился в захолустном Гандерланде и горжусь этим. Пускай иногда меня заглазно именуют "низкорожденным", но Юсдали получили баронский титул больше пятисот лет назад, а это уже — династия. Скромная, но древняя. А простота гандерских нравов заставляет меня расхаживать на своих двоих по Тарантии, без кареты, портшеза, свиты и охраны. А что такого? Нет ничего страшного, если такой пышный вельможа, как я (советник, хранитель и орденский кавалер, вечно сидящий без денег...) зайдет в бакалейную лавку или к торговцу древностями. Будем ближе к народу.

Охрана, однако, неподалеку. Я привык видеть во дворце служащих Латераны, и научился почти безошибочно опознавать их. Ликтор тайной службы, охранник, почти всегда выглядит медведепо-добрый мордоворотом с внимательными глазами и тяжеловесной плавностью движений. Но это во дворце. На улице меня ненавязчиво "пасли" минимум четверо ничем не примечательных личностей — обычные прохожие, вроде мелких торговцев или скучающих бедных дворян. Кстати, мелкие торговцы сейчас должны вовсю трудиться — разгар дня! Недосмотр со стороны Гленнора.

Что ж, если меня оберегают, это замечательно. Приятно чувствовать, что о тебе заботятся. Вдобавок, я уверен: у госпожи Лавланэ никто не станет набрасывать мне на голову темный мешок, тащить в пыточный подвал и выбивать сведения о кладе Нифлунгов.

Вот и нужный дом. Высокий — целых три этажа. Фасад украшен герцогским гербом — старушка Мейза Лавланэ владеет малюсеньким фьефом-владением, имеющим статус герцогства. После смерти супруга постоянно живет в Тарантии и развлекается, как может. Она богата, а значит, герцогине позволительны любые чудачества.

Привратник встретил его светлость барона Юсдаля церемониальным поклоном и тотчас сдал с рук на руки слугам. Таковые вежливо отобрали плащ, шапку, и с почтительными ужимками препроводили на второй этаж, туда где располагался салон. О нет, только не это!

В обширной, задрапированной безвкусными шелками и покрытой лепниной зале читали вслух. В центре кружка, составленного из древних бабушек в старомодных платьях, стоял специально нанятый чтец и выразительно декламировал, читая с листа:

— "...В это мгновение, когда Флабелла, поднеся к своему очаровательному, но задумчиво выточенному носику носовой платок, все еще вдыхала восхитительный аромат, дверь будуара (искусно скрытая богатыми портьерами из шелкового перунта цвета полуночного неба) распахнулась, и два лакея, одетые в ливреи цвета персика с золотом, вошли бесшумной поступью в сопровождении пажа в шелковых чулках, который, пока они стояли поодаль, отвешивая грациознейшие поклоны, приблизился к ногам своей прелестной госпожи и, опустившись на одно колено, подал на великолепном подносе чеканного золота надущенное письмо. Флабелла с волнением, которого не могла подавить, разорвала конверт и сломала благоухающую печать. Это письмо было от барона Альмария — молодого, стройного, с тихим голосом — от ее Альмария..."

Беда на мою седую голову! Сочинение Гая Петрониуса. Мое, то есть.

Я частенько зарабатываю несколько лишних золотых, придумывая слезливые истории и распространяя их в высшем свете. Под псевдонимом, понятно — не желаю позорить славное имя Юсдалей. Немыслимо, но эти жуткие рассказки вызывают у определенной части публики обильное слезоистечение и припадки ностальгии. Ужас. На какие сделки с

совестью и разумом только не пойдешь ради лишнего заработка!

Я расположился в кресле у окна, потребовал доставить сладости и вино. Будем ждать. И слушать сочиненные мною самим сопливые бредни.

Старые дворянки, постигая историю любви Флабеллы (редкостной шлюхи, на мой трезвый взгляд) вздыхают и подносят к глазам платочки. Я готов расхохотаться. — Месьор Юсдаль?

Быстро же меня опознали. Рядом стоит лакей, будто сошедший с пергаментных страниц декламируемого чтецом шедевра. Напыщен и мерзко почтителен.

— Господина барона нижайше просят пройти в аграпурскую гостиную.

— Проводи, — согласился я.

— Ведомый разряженным в пух и прах слугой, я углубился во чрево огромного дома госпожи Лавланэ. Мне в спину летели сладенькие речи ублажавшего старух чтеца:

— "...Прекрасный барон, прижав к себе Флабеллу, коснулся устами ее девственных карминовых губ, другой же рукой нежно обнял ее за девственные плечи, будто желая оградить возлюбленную от безжалостного света, готового жестокосердно надругаться над святым таинством первой любви." Тьфу!

Аграпурская гостиная вполне оправдывала свое название. Выдержано в туранском стиле: ковры, подушки, застоявшийся густой смрад благовоний, два кальяна исторгающие сизый дымок.

В самой гуще подушек и дымных полос, зависших в неподвижном воздухе, устроилась фигура. Фигура прикладывается к серебряному мундштуку нежно булькающего кальяна. Судя по запаху — "гирканская травка", легкое дурящее зелье из степей за Вилайетом. Законом не запрещено.

— Заходите, барон. Не надо стесняться; Я знал, что вы придетете и придетете быстро.

— Мое почтение, — я слегка поклонился. — С кем имею?..

— Маркграф Ройл. Табронийская провинция, герцогство Шамарское. Мы прежде не были знакомы.

Очень интересно. Прямо-таки поразительно. На Полночь от столицы граничащего с Немедией герцогства Шамар расположен городок Таброний. А еще дальше, начинаются безбрежные леса, раскинувшиеся по отрогам Немедийского хребта. Это и есть маркграфство Ройл — почти безлюдная диковатая область, владетель которой сидит передо мной.

В чем разница между простым графом и графом марки?

Графский титул — четвертый в дворянской иерархии Аквилонии. На верхней ступеньке стоит король, потом великий герцог, за ним герцог обыкновенный, а уж потом граф. Соответственно устроен и принцип вассалитета — тот кто стоит ступенью ниже, подвассален более высокому сюзерену, который в свою очередь подчиняется следующему, и так далее. Маркграфы же подчиняются только королю, как и великий герцог. Без всяких промежуточных ступенек. Маркграфства — это маленькие королевства в королевстве. Их владетели сами управляют землями, издают свои законы, пользуются правом суда и платят в казну минимальный налог.

Лорд Ройл — затворник и домосед. Он крайне редко выбирается из своего замка в горах (причем замок абсолютно неприступен, что было проверено во время большой войны с Немедией сорок семь лет назад. Немедийцы осаждали крепость почти год, потом плонули и ушли), еще реже приезжает в столицу и вовсе не общается с ближайшими соседями — дворянами.

О Ройле, вообще, мало известно. Баснословно богат, родовит, среди его предков были даже два короля — одни наш, Аэций Меченосец, другой немедийский, не помню имени... И все, собственно говоря.

— Удивлен? — Ройл усмехнулся из сизого тумана. — Верно, у меня репутация человека нелюдимого. Присаживайся.

Я осторожно сел на подушки. Присмотрелся к маркграфу. Не стар — лет около сорока. Подтянут, жилист. Загорелое лицо сельского жителя. Коротко стриженые в кружок седые волосы. Взгляд слегка отсутствующий: действует гирканская травка. Одет на туранский манер — халат, туфли и небольшой синий тюрбан с алмазной брошкой во лбу.

— Начнем с приятного, — речь владетеля Роила, впрочем, была твердой и четкой. — Вот подарки. Смотри. Это принадлежит тебе.

Он сдернул покрывало, скрывающее три больших фолианта. Судя по отделке деревянных обложек — очень древних. Я быстро пролистал верхний том и убедился — самая настоящая летопись Эквиция из Оргайла. Не подделка. Бесценный раритет, истинное украшение любой библиотеки.

— С-спасибо... — заикнулся я. — Но за что? Почему, по какой причине?

— А просто так, — отозвался Ройл. — Можешь забрать рукописи и уйти. Но, если хочешь, можешь остаться. Я не настаиваю, но и противиться не буду.

Ройл меня купил. Сразу. Знал, как покупать. Во-первых, получить такие ценные подарки и тотчас ретироваться — неприлично. Во-вторых, маркграф меня заинтересовал. Он явно желает что-то мне сказать. Или о чем-то попросить. Надо обязательно выяснить, что ему нужно.

Почти не сомневаюсь — речь пойдет о кладе Нифлунгов. Зуб даю. Королевский.

И еще: мои опасения насчет козней Дорана Простеца можно позабыть. Заподозрить маркграфа в связи с этой жирной бестией невозможно. Проще предположить, что Конан Канах ведет родословную от последнего кхарийского императора.

— Я останусь.

— Прекрасно. Эй, там! Подайте вина моему гостю!

Безмолвный слуга вручил мне чашу с "Либнумом" и сразу удалился. Мы с Ройлом вновь остались наедине.

— Я увлекаюсь собиранием древностей, — без обиняков заявил маркграф. — Вещи, книги, волшебные артефакты. Дома собрал впечатляющую коллекцию, как-нибудь приезжай, покажу. Скажи, ты всерьез увлекаешься историей или так, ради мимолетного удовольствия?

— Нечто среднее между этими двумя определениями.

— А я — всерьез. Когда умерла жена, древняя история превратилась в смысл жизни. Невероятно увлекательно. Не только побрякушки или рукописи — еще и саги, легенды, предания. В том числе и позднекхарийские. О народе Нифлунгов, например.

— Любопытная легенда, — нейтрально отозвался я.

— Послушай, Хальк... Сейчас я тебе расскажу, где зарыта самая главная собака. Клад царя Тразариха существует на самом деле. Я нашел этому множество документальных подтверждений. Однажды я покажу тебе эти пергаменты.

— Что клад существует, известно теперь всей Тарантии... Но почему ваша светлость избрали для этого разговора именно барона Юсдаля? Существует множество других людей, интересующихся старинными легендами.

— Ты приближен к королю. И я хочу с твоей помощью предостеречь Конана от ошибки.

Очень страшной ошибки.

— Не понимаю.

— Это просто. Городские слухи — бред и чушь. Абсурд. Хотелось бы мне встретить шутника, устроившего этот розыгрыш. Похвалил бы за остроумие.

Я замер, шумно выдохнул, и четко произнес:

— Этот шутник перед тобой.

Не знаю, какая сила подвигла меня на столь внезапное откровенное признание. Я внезапно почувствовал доверие к лорду Ройлу. Было в нем нечто... Нечто удивительное. Маркграф располагал к себе редким спокойствием, образованностью талантливого самоучки и самым страшным оружием, которым обладает человек — откровенностью.

У оборотней Пограничья существует такое понятие: "запах души", обозначающее совокупность всех впечатлений о разумном существе. Если это понятие применимо к моим ощущениям, то выходит, что "запах души" маркграфа мне сразу понравился.

Я рассказал все. Почти. О подложных картах, фальшивых летописях, ошибке барона Гленнора. Обо всем. Умолчал только о малозначимых деталях. Ройл, после долгой паузы, молвил:

— Я был уверен, что дела обстоят именно таким образом. Поздравляю, барон. Исключительно удачная авантюра. Ты заслужил новый подарок, клянусь честью. И даже угадал место — Ванские острова. Тразарих погиб именно там. Не хочешь признаться королю в совершенном?

Я молча помотал головой. Если сделал первый шаг — иди до конца.

— Дело твое. Так значит, Конан Канах собирается отправить на острова экспедицию? Искать клад?

— Собирается, — подтвердил я. — Никто ничего не найдет. Все указанные на планах подробности я брал с потолка. Карты — чистейшей воды фальшивка.

— Вот видно, что ты плохо разбираешься в легендах. Дозволь проявить оправданное любопытство. Вопрос первый: каким образом Нифлунги обрели несметные сокровища?

— Откуда я знаю? В известной версии легенды говорится только, что Тразарих владел огромными богатствами. Накопил, получил в наследство... Все, что угодно!

— Неправильный ответ. Я знаком с более широким изложением саги. Тразариху клад достался от некоего сказочного существа. Я не верю в глупые истории о сокровищах, охраняемых сворой злобных демонов — это байки для детей и впечатлительных девиц. Но во времена Кхарии на материке оставалось множество не-человеческих существ. Начиная от всем знакомых гномов, до таких малоизвестных созданий как Данхан, Кро мара, О'ши... Они владели своей, особенной магией, резко отличной от человеческой. Тразарих, или некий его предок, этот клад украл. Или, поборов владельца, на правах победителя забрали себе. У кого именно забрали, каким образом? Дело десятое, не нам теперь спорить о правых и виноватых. Слышал о том, что сокровища имеют свойство приносить несчастья?

— Бытует и другое мнение, — парировал я. — Богатство, золото, драгоценные камни даруют удачу. Многие полководцы возят с собой на войну ларцы с драгоценностями, полагают, что они принесут победу и успех.

— Да? А сколько таких полководцев терпели самые страшные в истории поражения? Но мы о другом. Вопрос второй: почему погибли Нифлунги?

— Были выброшены на необитаемый берег штормом, разбили корабли и вообще над ними тяготело божественное проклятие, как над отступниками, — заученно отбарабанил я.

— Молодец, уже теплее. Проклятие действительно тяготело, но не божественное, а насквозь обыкновенное. Те, у кого Нифлунги отобрали клад, прокляли сокровища. Сам посуди: Тразарих повелевал весьма многочисленным народом. Многотысячным. И вот, после обретения клада на Нифлунгов начали валиться несчастье за несчастьем. Вначале безнадежная война с хайборийцами. Изгнание со своих земель. Попытка уплыть на Закат — представляешь, сколько кораблей потребовалось? И в финале — неслыханной силы буря,

уничтожение флота, Тразарих и несколько приближенных перепрятывают сокровища на островах и кончают с собой. Вопрос третий: может ли очень полностью затопить флот из нескольких сотен кораблей? Так, чтобы никто не выжил?

— Наверное... Наверное нет. Кто-нибудь должен был остаться.

— Моя версия такова, дорогой барон: Тразарих намеренно разбил часть кораблей, намеренно спрятал клад и намеренно заколол себя кинжалом. Почему? Чтобы избавить свой народ от проклятия. Сокровища не принадлежали Нифлунгам. Золото мстило Нифлунгам за гибель истинных хозяев клада. Когда Тразарих понял, в чем заключается причина всех бедствий, он выбрал самый простой путь. Освободил Нифлунгов от проклятия. И от его непосредственного владельца-бедоносца — самого себя. Пусть проклятые сокровища не принадлежат никому! И никому не причинят вреда...

Кстати, остатки Нифлунгов доселе живы и здравствуют на Закатном побережье.

— Не может такого быть! — изумленно воскликнул я.

— Может. Теперь этот народ называется "вези". Вези обитают на Полудне Ванахейма. Такие же варвары как и все нордлинги. За полное тысячелетие величие предков было утеряно. Этот факт я выяснил совершенно точно. Если хочешь, представлю доказательства.

— Ничего себе... — я совершенно некуртуазно почесал в затылке. — Потрясающие новости.

— А теперь — главное, — сказал маркграф Ройл. — Выворачивайся как хочешь, но не позволь королю или его посланцам отправляться на поиски клада. Это опасно. Зачем тревожить древнее проклятие? Ты сказал, будто рисуя карты и подделывая летописи брал "подробности" с потолка? Тогда как ты объяснишь, что полностью угадал местонахождение клада? С точностью до острова?

— Не понял?.. Ты знаешь, где именно спрятаны сокровища Нифлунгов?

Я аж рот раскрыл. Неожиданность сменялась неожиданностью.

— Знаю. Причем вполне достоверно. И не собираюсь туда соваться за все золото мира. Каким образом нашел? Десять лет кропотливых поисков по всем книгохранилищам Заката. Я даже знаю, где находятся развалины Пифона, только не скажу, сам хочу покопаться... Я настойчив и терпелив. А библиотеки, как частные, так и принадлежащие королям, волшебникам или жрецам Митры, скрывают в себе россыпи прямых и косвенных указаний любое чудо, существующее в нашем мире. Достаточно знать где и как искать. И быть уверенным в победе.

Ройл замолчал, приложился к мундштуку кальяна, выдохнул струйку дыма и снова заговорил:

— Клад жаждет, чтобы его нашли. Желает вернуться в широкий мир. Клад хочет и далее мстить людям за гибель своих безвестных хозяев. Боюсь, именно он руководил твоей рукой.

— Ты хочешь сказать, — я оторопел, — будто сокровища неким чудесным образом сами навели меня на мысль их отыскать?

— И меня тоже... навели. Когда я заинтересовался историей Нифлунгов, нужные

сведения отыскались подозрительно быстро. Незримое проклятие само ищет нового носителя — желательно, человека умного и занимающего высокое положение. Клад жаждет разрушений, а разрушать крестьянскую хижину ему скучно. Тут запросы куда более значительные. Если хочешь, чтобы Аквилонию постигла судьба Нифлунгов — отправляй короля на острова Ваниров и поезжай сам. Получишь незабываемые впечатления.

— Да будь я проклят...

— Будешь. В этом трудностей не возникнет.

— Я не о том. Если Конану запало в голову отыскать клад — его ничем не остановить!

Конан Канах упрям, будто целое стадо ослов!

— Измысли что-нибудь. Пусти короля по ложному следу. Ты же придумал, как найти сокровища? Теперь придумай, как их снова потерять. Ладно, не стану тебя больше задерживать. Забирай книги и возвращайся в замок, В течении ближайших пяти дней я останусь в Тарантии, если потребуется — ищи меня здесь. Иди.

— Хорошо. И... И спасибо.

— Пустое, барон. Рад был удовлетворить твоё любопытство.

* * *

Я медленно шел по оживленной Королевской в сторону площади Сигиберта и пытался трезво осмыслить речи лорда Ройла. Сжимал под мышками увесистые рукописи, завернутые в предоставленный маркграфом отрез коричневой парчи.

Старинная поговорка не лжет. Жить на свете очень интересно, тут не поспоришь. Каждый день узнаешь что-нибудь новое и удивительное.

Маркграф, оказывается, нашел Пифон. Тот самый, Стобашенный. Собирается там "покопаться"... И клад Нифлунгов тоже нашел, и самих Нифлунгов-вези... Звучит фантастично. Однако, лорд Ройл не такой человек, чтобы безапелляционно вратить. Люди такого положения не станут опускаться до вульгарных розыгрышей. И рассказ Ройла выглядел более, чем убедительным.

А если "проклятие" клада — истинно? Но сразу возникает мерзеньковое предположение: моя встреча с Ройлом инспирирована конкурентами, которые жаждут первыми добраться до несуществующего клада, опередив посланников короля. Вот Ройл и посоветовал мне отговорить Конана от планируемой экспедиции — чтобы под ногами не мешался... Напугать и застрашать древними ужасами и упомянутой "сворой злобных демонов" оберегающих золото сказочного Тразариха.

Я столкнулся с новой интригой? Нет, не может быть! Первое впечатление самое сильное, а впечатления от лорда Ройла у меня самые положительные... Наверняка он на самом деле желает предостеречь Конана от необдуманных шагов и поэтому пригласил меня сегодня в салон госпожи Лавланэ...

Думай, Хальк, думай! Обычный розыгрыш начинает жить собственной жизнью и ты постепенно теряешь нить событий! В любом случае нельзя отпускать вожжи и продолжать вести действие в нужном мне направлении. Вечером обязательно расскажу Тотланту — умный маг наверняка даст хороший совет (лучше бы только советом и ограничился, иначе

опять начнет занудствовать...). — Именем короля и закона!

Сей басовитый возглас вырвал меня из благочестивых размышлений, но я не понял, что грозная формула относится именно ко мне. В чем дело? Я мирно бреду по главной улице города в сторону королевского дворца, пьяные песни не ору, прохожих не задираю, крамольные мысли громогласно не провозглашаю...

Четверо. Зеленовато-болотная форма городской стражи. У главного — три галуна и звездочка на рукаве: десятник.

— Барон Хальк Юсадаль? — брезгливо-безразлично осведомился десятник.

— Совершенно верно, — я гордо задрал подбородок и слегка распахнул плащ, чтобы блюстители узрели Большого Льва и мою баронскую цепь. — Что нужно?

— Проедем в кордегардию стражи.

— То есть как? — отпрянул я. — Какая кордегардия? Я — тайный советник короля! Хранитель библиотеки замка короны! Смотрите, вот дворец, пройдем до ворот — спросите, меня все там знают!

— Закон одинаков и для советников, и для мусорщиков. Отдайте меч и забирайтесь в экипаж. Не принуждайте стражу к... решительным действиям, — и уже потише: — Ваша светлость, у нас приказ. Поезжайте. Уверен, это недоразумение решится тотчас.

Что за чепуха? Я снял с пояса клинок, передал десятнику и полез в неудобную повозку черного цвета с решеточками на окнах. Успел обменяться взглядом с прогуливавшимся неподалеку конфидентом Латераны, по-прежнему меня оберегавшим. Тот равнодушно отвернулся.

Интересно! Каким это образом моей светлостью заинтересовалась городская стража, призванная поддерживать порядок на улице и гоняться за ворами?

Митра Милосердный, а вдруг это никакая не стража? Вдруг — похищение? Нагло, средь бела дня, на виду мальчиков графа Кертиса, которые бродят за мной, будто привязанные?!

К моему вящему удивлению, стража оказалась только стражей и ничем больше. Крытая повозка прогрохотала по Королевской, свернула на улицу Гайард и вскоре остановилась возле главной кордегардии стражи центральных кварталов Тарантии. Приземистый серый домишко в два этажа, обширным двором, обнесенным стеной по верхушке которой торчали шипы и поблескивала россыпь толченого стекла. Потертое знамя королевства над входом. Вид унылый, как и у всякого присутственного места.

Открыли дверцу, проворчали, чтоб выходил. Руки не подали, мужланы. Под охраной в три пикинера проводили внутрь.

Да, это не королевский замок. Стены выкрашены отвратительной краской цвета содержимого выгребной ямы. Запах не лучше — вонь немытых человеческих тел, вчерашней еды, потягивает из нужника, смердят сургуч и свежая краска. Сапоги стукают. В соседнем присутствии громко ругаются: "Если не ты, то кто?! Может, скажешь, я стащил? Отвечай, или познакомишься с кнутом! Ну, паскуда!..."

Я поежился. Вот она, голая правда жизни, не приукрашенная шелком и кружавчиками королевского замка и дворянских салонов.

— Сюда, — грубо сказал десятник, однако толкаться и грубить не стал. Вельможа все-таки, а не пьяный уличный клошар.

За дверью образовалась квадратная комната. Обстановка скромна. Стол, несколько жестких табуретов (как я потом выяснил, привинченных к полу), заляпанный чернилами и загроможденный свитками стол. Два шкафа для хранения пергаментов. Стол украшается его

владельцем — низеньким пухлым месьором, с лысиной, угреватым носом, маленькими серыми глазками. Одевался человечек в сине-зеленый мундир дознавательной управы.

— Добро пожаловать милейший барон! — коротышка с преувеличенней любезностью подскочил ко мне, ненавязчиво забрал дареные книги, положив их на табурет рядом, усадил, вернулся на свое место, сцепил коротки пальчики в замок, изобразил улыбку и запросто сказал:

— Неприятно, что такой известный человек задерживается стражей прямо в центре Тарантии, однако есть на то исключительно важные причины...

Я деревянно молчал. Пытался сообразить, что за "веские причины" подвигли мелкую сошку вроде этого пузыря на ножках арестовать меня на виду всего города.

— Меня зовут месьор Тардак, занимаюсь дознанием по делам похищений и грабежей. Минувшей ночью произошло пренеприятнейшее событие — некие мерзавцы забрались в поместье достойного герцога Борна, убили двоих слуг... Ужасная история. Хуже всего то, что пролилась человеческая кровь, такая досада!

— Минувшей ночью, — ледяным голосом сказал я, — я находился в замке короны, в своих покоях. Это может подтвердить множество людей.

— Конечно, никто не ставит под сомнение искренность ваших слов, — маслянисто улыбнулся месьор Тардак. — Дозвольте осведомиться, что это за книжечки у вас с собой, а, господин советник?

— Какая разница? Это мои книги. Я получил их в подарок.

— Замечательно... Вот на этом пергаменте — списочек похищенного из дома его светлости герцога Борна. Грабители, по известным только им самим соображениям, не тронули ценности и украшения, взяли только старинные книги из библиотеки. Наутро герцог составил опись.

— И дальше, что?

— Дальше дело вышло совсем неприятно. В дознавательную управу подбросили доносик... Без подписи, понятно. Доброжелатель сообщил, будто ограбление было совершено по заказу некоего Халька Юсдаля. А получить заказец он должен грядущим днем, натайной встрече с исполнителями. Где? Верно, в доме мадам Лавланэ. Месьор Юсдаль, я позволю себе ознакомиться с книжечками которые вы принесли?

Ознакомился. Судя по разгоравшимся в щелках-глазках огонькам, названия совпадали. Меня начали терзать оч-чень нехорошие подозрения.

— Как же так? — с сожалением покачал головой дознаватель. — Такой уважаемый человек, приближен к трону, ученый муж... И заниматься организацией разбойных нападений с жертвами! Скупать краденое!

— Ерунда! — возмущенно воскликнул я. — Идиотская ошибка и ложный донос! Только что я получил эти книги в подарок от маркграфа Ройла, в которым встречался в салоне госпожи Лавланэ! Проверьте, Ройл наверняка еще не ушел! Отправьте туда людей, пусть спросят!

— Значит, признания не будет? Когда улики на лицо? Все три тома — в списке похищенного! Приметы книг совпадают...

— Какое признание? — я разозлился до крайности. — Это — подарок лорда Ройла! А ваш донос — чистой воды ложь!

— Хорошо, будем разбираться, — покорно кивнул чиновник. — А барон Юсдаль в это время воспользуется гостеприимством кордегардии. Не надо беспокоится, если

невиновность будет доказана — мы тотчас вернем господину барону свободу и извинимся. Вот, надо подписать пергамент, что мы временно изымаем книги, деньги и ценности.

У меня отобрали не только оружие, но и орден с баронской цепью, кошелек и дворянский пояс. Я был так ошеломлен, что не пытался сопротивляться. Ничего себе история! Меня, похоже, весьма серьезно подставили. В памяти опять всплыл не — приглядный образ Дорана Простеца. Не он ли разыграл этот спектакль с "маркграфом Ройлом"? Но какой смысл?

Вашего покорнейшего слугу препроводили в холодную. В знак уважения к титулу и положению, засунули не в общую камеру, а в отдельную — узкий каземат с лавкой, застеленной дерюгой, откидным столиком и свечой. В углу благоухал медный чан под крышкой. Окон нет, холодно, а по стенам ползут капли липкой воды. Романтика.

Прошел колокол, другой, начали отбивать третий. Я ходил по камере вперед—назад, пытаясь мысленно отыскать подоплеку случившегося...

Ничего логичного на ум не приходило: если Ройл захотел мне отомстить (за что? Я сегодня видел маркграфа впервые в жизни), то сделал это очень топорно. Тоньше надо быть. Доран потрудился? Тогда каков смысл интриги? Старому мошеннику требуются мои карты, а не мое заточение и несправедливое обвинение! Или я оказался пешкой в некоей таинственной чужой игре? И игра напрямую связана с драгоценностями Нифлунгов?

Да, возможно, Тотлант прав: мы перестаравались. Алчность, один из важнейших человеческих грехов, может подвигнуть человека на весьма опасные шаги...

К решетке моей камеры приблизился низенький месьор Тардак. Выглядел он довольным.

— Барон, обязан сообщить дурную новость. В указанном салоне госпожи Лавланэ нет никакого маркграфа Ройла. Посетитель, с которым ты разговаривал, представился герцогине как эрл поместья Рудно. И давно ушел. В гостиницах и постоялых дворах Тарантии некий эрл Рудно, как выяснило, не останавливался... Ну что? Будем говорить правду?

— Не будем, — рыкнул я. — Это дурацкая ошибка!

— Ошибка так ошибка... — протянул дознаватель. — Завтра тебя перевезут в городскую управу, заговоришь. Переночевать придется здесь. Боги, как низко пало наше дворянство — грабежи, скупка краденого...

Я гордо отвернулся. Кажется, история становится неприятной до крайности.

В приемной кордегардии неожиданно загремело:

— Где?! Куда вы его засунули? Ма-алчать! Как стоишь перед королем, харя!? Показывай!

Ого! Какой знакомый голос! Ура, из-за холмов неожиданно появилась тяжелая кавалерия! Тяжелее некуда, ибо означенная кавалерия — под знаменем короля.

Лично Конан Канах явился выручать меня из престрашного узилища. Как хорошо иметь такие высокие связи!

Озабоченная физиономия варвара образовалась возле ржавых прутьев.

— Сидишь?

— Сижу...

— И за что? — Конан хитро улыбнулся.

— Грабеж, скупка краденого. Не удивлюсь, если добавят антигосударственный заговор и глумление над докторами митрианства.

— Понятно... Эй вы, олухи! Освободить месьора королевского советника!

Слово короля — законнее любого закона. Замок поскрипел и сдался. Дверь отворилась.

Оказывается, Конан привел с собой гвардейский караул Черных Драконов и графа Кертиса, окруженного волкодавами Латераны.

Граф ехиднейше ухмылялся, прочие блюли невозмутимость.

— Поехали домой, убивец, — снисходительно сказал Конан. — Скажи спасибо ищёкам Кертиса — увидели, как тебя замели и доложили кому следует. Задаюсь вопросом: почему именно король Аквилонии обязан вытаскивать своих придворных из неприятностей? Впрочем, мне не жалко, честно слово...

— Мои книги! Оружие, деньги! — воскликнул я. — Пусть вернут!

— Это не книги, а вещественные доказательства, — слабо пискнул съежившийся дознаватель Тардак, — нельзя...

— Нельзя, значит? — киммериец навис над коротышкой, будто грозовая туча. — Все бумаги по этому делу — немедленно передать моему помощнику. Я сам разберусь, кто здесь грабитель и скупщик! Живо!

— С тем мы и отбыли в замок короны. Я, не без удовольствия, сжимал в руках драгоценные фолианты.

— Сейчас соберемся в белой гостиной, — бросил Конан, — расскажешь всю правду. Что-то слишком много странностей в последние дни развелось... Хальк, а вдруг ты, на самом деле, грабитель? Вот было бы смешно!

И Конан весело расхохотался.

Мне отнюдь не было смешно. Дурацкая придумка с "кладом" внезапно ожила и начала действовать без ведома автора и изобретателя. Обрела собственную жизнь. Это скверно. Теперь я не смогу контролировать ход событий, а сами события станут управлять всеми нами.

Самой большой загадкой на сегодняшний день стал маркграф Ройл. Что могла означать недавняя встреча с открывателем Пифона? Куда он мог исчезнуть так внезапно? И был ли это настоящий Ройл?

Не знаю... Уверен в одном: разберемся!

Второй рассказ Тотланта

"Война объявлена"

Тарантия, дворец и город

8-9 дни Первой весенней луны 1293 г.

Нынешним вечером Белая Гостиная короля выглядела весьма оригинально. Малым Королевским советом если и попахивало, то самую чуть — из высочайших особ присутствовали лишь Конан Канах, барон Гленнор вместе с неотвязным графом Кертисом, да суровый Просперо. В качестве гостей фигурировали я, Хальк Юсадаль и Темвик.

Со стола были убраны непременные украшения: кувшины, бокалы и блюда перекочевали на широкие подоконники, а то и вовсе на ограду фонтанчика с золотыми рыбками.

Необозримое пространство овальной столешницы оказалось загромождено десятками пергаментных листов с изображенными планами земель, обрамляющихся холодными волнами Закатного океана.

Вдобавок, пригласили еще двоих многоученых географов — высоченного, с копной вьющихся волос и носом крючком, Хранителя архива путевых карт королевства Аквилонского Евсевия Цимисского и, чему (я был несколько удивлен) некую госпожу Нейну из Томоска — многоученую старушку владевшую в Тарантии самой крупной мастерской, изготавливавшей наиболее подробные планы земель нашего материка.

— А, пожаловали? — когда наша взмокшая компания показалась в дверном проеме гостиной, барон Гленнор не упустил случая едко пошутировать. — Хальк, я ведь предупреждал: срезать кошельки у прохожих — великое искусство... А ты не слушался. И так бездарно попался! Надеюсь, в камере хорошо кормили? Вшей не набрал?

— Оставьте, барон. — грустный Хальк поморщился. — Наиглупейшая история.

— Воистину, наиглупейшая. Мне доложили, будто книги получены в подарок от маркграфа Ройла. Верно?

— Вернее некуда.

— А донос, по которому тебя арестовали я тщательно изучил... Одно забавно: книги из библиотеки графа похитили не вчера, даже не полгода назад, а давным-давно. Но вот инсценировку нападения на дворец обстряпали минувшей же ночью... С убийствами и шумом. Тут же всплывает старая жалоба графа о похищении, тебя ловят средь бела дня с краденым... Не знаю, что и думать. И еще: Ройла мы, конечно, нашли, маркграф временно

живет в столице, у любовницы, под вымышленным именем. Ройл категорически отрицает сам факт встречи с бароном Юсаделем, есть свидетели. — Интрига либо редкостно бездарная, либо устроена с дальним прицелом.

— Короче, пускай Хальк забирает книжки в библиотеку и радуется новым приобретениям, — прервал Конан. — По этому делу мы еще побеседуем, давайте о главном. Гленнор, жду развернутый доклад.

Барон придвинул к очагу любимое кресло, укрылся пледом до подбородка и с меланхоличным выражением в глазах начал неторопливый рассказ.

— Мы имеем на руках три позднекхарийские карты, вероятно, составленные с тем расчетом, что полная картина вырисуется только при наличии последней, четвертой части плана. В подлинности документов сомнений нет — кхарийский алфавит, особенности рисования, тайные значки; пергаменты настолько высохли, что я удивляюсь, как они доселе не рассыпались. Добавим сюда некоторые намеки из обнаруженных летописей, относящихся к интересующему нас периоду... Четвертого плана мы пока не нашли. Сюда же добавим самодельную асирскую карту, владелец которой будто сквозь землю провалился. Слухи в городе усиливаются и превращаются в абсурдные сказки, выловить из которых крупицу истины почти невозможно. История начала попахивать магией — мне доложили, будто известный "ночной цирюльник" по прозвищу Простец, у которого мой посланный отобрал асирский лоскут и письменами, содержал в подвале своего дома некое волшебное существо, вроде оборотня или упыря, каковое существо успело сбежать и теперь шляется по городу... Однако, и того, что мы имеем на сегодняшний день, вполне хватит для выводов: на одном из Ванских островов скрываются легендарные сокровища Народа Нифлунгов.

— Можно слово? — попросил Хальк. — Сегодня, когда я разговаривал с человеком, который назывался маркграфом Ройлом — он пытался предостеречь нас!

— Интересно? — наклонил голову Конан. — Предостеречь? От чего?

Хальк рассказал. В подробностях. Старался припомнить любое слово маркграфа. А ненароком прозвучавшее сообщение о том, будто любительски интересующийся древностями маркграф Ройл обнаружил не что-нибудь, а сам Пифон Стобашенный, вызвало у публики недвусмысленные смешки.

—...И одновременно Ройл бросает тебя в лапы дознавательной управы, — кивнул варвар.

— Неувязочка.

— А если это не он? Кто-нибудь другой? Разговор могли подслушать!

— Нет, здесь дело обставлено гораздо тоньше, — поморщился барон Гленнор.

— Господа и дамы, поймите, начинается большая охота. Приз — неисчислим. За кладом ринутся сразу несколько свор. И если мы хотим поучаствовать в охоте — следует действовать быстро и зубасто. Поверьте мне на слово — мелкие авантюристы не способны конкурировать с Латераной и всей мощью Аквилонского королевства... А проклятие Нифлунгов? Уверен, за столько веков оно... как бы это сказать? Выветрилось. И все-таки у нас есть маг — Гленнор указал на меня. — Тотлант поможет, если случится нечто неожиданное. Правда, Тотлант? Считай, мы тебя нанимаем. На государственное жалование. Эрхард наверняка против не будет.

— Вот уж действительно большое спасибо. А меня вы спросили?

— Теперь давайте разберемся с дорогой и сопутствующими мелочами, — решительно сказал Конан. — Евсевий, госпожа Нейна, вы должны понимать — наше собрание приватно и ни одно слово не должно ускользнуть за стены гостиной... За консультации вам хорошо заплатят, понятно.

— Подождите! — Хальк выскочил вперед и замахал руками. — Помните, что говорил маркграф Ройл? Эти гипотетические сокровища не принадлежат людям! На золоте лежит проклятье их настоящего владельца: недаром царь Тразарих надежно спрятал клад — не желал, чтобы потомки или современники нашли его! Почему мы должны быть глупее древних? Месьоры, у меня предложение: забыть ко всем демонам вселенной об этом злосчастном кладе и заниматься делами насущными!

— Ты веришь в сказки? — скривил угол рта Конан. — А ведь сам первым состряпал с Тотлантом комплот, попытался улизнуть из Тарантии и начать изыскания на островах Ванов... Боюсь, Хальк, этот твой маркграф тебя попросту напугал — придет серенький волчок, тебя схватит за бочок... А потом втихомолку захапал сокровища. Тотлант, ты сумеешь снять проклятие, даже если оно там есть? Я сокрушенno покачал головой:

— Проклятия бывают разными. Я хорошо владею человеческой магией, немного знаю звериную, но волшебство сгинувших народов мне недоступно. Найдите к примеру, Тот-Амона, он изучает до-человеческое волшебство, змееногие, альбы...

— Тоже мне, придумал, — Конан едва не сплюнул прямо на ковер..

— Гномы могут помочь, — продолжил я. — Помните сагу: клад охранял карлик неимоверной силы. Я нахмурил лоб, припоминая и процитировал:

*И в потайной пещере, где был запрятан клад
Услышал грозный Альбрих, как панцири звенят,
Был карлик и отвагой и силой наделен,
Броней и прочным шлемом надежно защищен*

*Кистень с семью шипами был тяжек до того.
Что разъяренный Альбрих при помощи его
Одним ударом метким разбил Нфилунгу щит
И понял вдруг Тразарих, что смерть ему грозит...*

— И дальше что? — заинтересовался Конан.

— А то, что царь Тразарих все-таки победил Альбриха-карлика и взял клятву сторожить сокровища от любых пришельцев и хранить верность только самому Тразриху. Тогдашние карлики — это совсем не те гномы, которых мы отлично знаем. Это существа обладающие не-человеческой магией, невероятно сильны, находчивы... И очень долгоживущи, почти бессмертны. Боюсь, клад может сторожить нечто вроде этого самого Альбриха...

— По моему, это просто слухи, — заключил Конан. — Чтобы нас отвлечь и напугать. Некто желает прикарманиТЬ золотишко Нифлунгов и оставить родное королевство с носом. Так или иначе — решение я принял. Едем. И не очень далеко, и дороги более-менее спокойны. Госпожа Нейна, Евсевий — вас, как людей в географии умудренных, пригласили не случайно. Хотелось бы услышать ваши мнения насчет кратчайшей и безопасной дороги до побережья.

— Пожилая госпожа Нейна быстро свинтила крышечки с медных тубусов и загромоздила стол полутора десятками карт и планов — красивых, разноцветных, с указанием границ, городов и речек вкупе с горами и возвышеностями. Мы сгрудились возле стола.

— Так, Закатное побережье Пущи... Это неинтересно. — бормотала Нейна откладывая в сторону ненужные листы. Асгард с Гипербореей — в сторону... Вот, нашла! Аквилония, Нордхейм, Полуночные острова! Если соберетесь направится конным ходом на полуночный закат, потребуется добраться до Галпарана, там сесть на корабль и подняться в самые верховья до Спокойного Озера, затем по торговому тракту в обход Ямурлака и далее к стыку границ Пущи, Киммерии и Нордхейма. Оказавшись на Нордхеймских землях, отряд окажется в безопасности, особенно если король возьмет в качестве охраны не обычную гвардию, а "дикий отряд" набранный из горцев и киммерийцев. Цель — городок Рагнарди, на побережье, в самом устье реки Рагнар.

— Да будет мне дозволено возразить уважаемой коллеге, — прогудел величественный голос многомудрого Евсевия Цимисского, преподававшего в Обители Мудрости умную науку географию, и почитавшегося первейшим знатоком дорог нашего материка — Уважаемейшая госпожа Нейна, увы, не помянула многоразличные опасности, связанные со столь далеким путешествием, с препядствиями и препонами, ожидающими любым беспечным путником от злонамеренных и хищных дикарей, дурной погодой и немеряными никем реками, топями и хлябями, поскольку государство не изволило доселе озаботиться наведением...

— Короче, Евсевий! — простонал Конан, — Не могу привыкнуть к твоей манере изъясняться!

— Корабль, — пожал плечами высокорослый ученый муж. — Погрузиться на крепкое, надежное судно, спуститься по Хороту до Океана, и отправится на Полночь вдоль побережья. Три галеры охраны, с лучниками и катапультами...

— Отвергается, — тотчас отозвался Конан. — Слишком долго и далеко. Эдакий крюк! Добавим сюда нордхеймских пиратов, весенние шквалы, плавучие льды... Госпожа Нейна, к завтрашнему утру прошу подготовить четкий план дороги до Рагнарди. По Закатному краю

Киммерийских гор, и, одновременно, мимо Пущи Пиктов. Сейчас у меня нет никакого желания воевать с серкожими дикарями...

— Они теперь не станут высовываться из лесов, — заметил Просперо.— Время посева, не до набегов и разбоя. Проскочим безопасно. А в Рагнарди наймем судно.

— Я найму, — твердо сказал Конан, сделав ударение на слово "я". — Просперо Пуантентский останется править страной и ждать возы с золотом.

— Господа, все кроме короля, гостей из Пограничья могут удалиться, — провозгласил Гленнор.

— Беседа будет о важных и тайных государственных делах... Госпожа Нейна аккуратно собрала пергаменты и удалилась вместе с Евсевием. Я тоже заторопился.

— Тотлант, куда собрался?

— Конclave, — виновато улыбнулся я. — Между прочим, мои волшебники только и говорят кладе...

— Никуда ты не пойдешь. Отправим слугу с извинениями — заболел, мол. Понос.

— Но...

— Сиди здесь. Можешь потребоваться.

— Ничего подобного! — возмутился я. — Я приехал а Тарантию по делу! Смею заметить, я подданный чужого государства! И могу располагать собой как хочу! Пока!

Я закрыл дверь с другой стороны. Без меня разберутся.

* * *

На магический конclave я, разумеется, не пошел — сегодня был неинтересный день: волшебники громогласно делили сферы влияния. Поскольку я еще вчера во всеуслышание заявил, что кроме Пограничья и Грaskaля мне ничего не нужно, большинство магиков вздохнули с облегчением — пускай забирает в пользование свой медвежий угол и через то будет счастлив.

Я отправился на поиски маркграфа Ройла, с которым намедни разговаривал Хальк. Судя по рассказу библиотекаря, провинциальный владетель оказался крайне интересным человеком, и у меня нашлось много поводов для вдумчивой беседы.

Одет я был вполне достойно — переливающаяся багрецом хламида с золотом, расшитый капюшон, посох, гильдейская цепь, королевская посольская бляха на груди... Магов на улицах Таранти встречается мало, поэтому меня либо обходили стороной, либо оглядывали с любопытством, либо кланялись. Мальчишки, из простецов, выпрашивали показать "фокус". Я раздал им по медной монетке и та том фокусы закончились.

Вот и большой дом на Королевской улице. Герб над входом — лилия в геральдическом щите с вдовьей перевязью.

Я запнулся на полу шаге. Сделал вид, будто рассматриваю цветные витражи на окнах. Но в действительности пытался определить, кто так настойчиво прощупывает меня заклятием Ключа — словно мягкой кроличьей лапкой по вискам водили. Где-то неподалеку находился другой маг. Очень слабенький, недоучка. Пытался проникнуть за завесу моих мыслей.

Ну, я сейчас ему задам!

Собрав чужое заклятие в тугой комок, я добавил в него своей силы и запустил обратно, одновременно обрачиваясь. Некий человечишко, стоявший в полуквартале от меня истошно взвизгнул, схватился за лицо руками и прыснул в переулок, будто перепуганный заяц. Зрение у соглядатая восстановится не раньше, чем через сутки.

Делаем неприглядные выводы: за мной тоже начали следить. Я быстренько создал несколько заклинаний ключа и разослал их в ближайших прохожих. Эти трое месьоров — из ведомства Барона Гленнора, негласная охрана. Обычный мукомол, спешащий по делам. Прогуливающиеся барышни с турецкими зонтиками, обвешенными бахромой — обычные праздные горожанки. А вот тот, смахивающий на праздношатающегося простеца, явно интересуется моей персоной... Только кто он и откуда? Магией не владеет, агрессивных намерений не выражает. Разберемся.

Я смело вошел в дом герцогини Лавланэ, и надменно процедил привратнику:

— К его светлости Маркграфу Ройлу от государственного тайного советника барона Юсдаля. Проводи! Привратник остался недвижим, будто скала.

— Имя Милорда Ройла мне неизвестно.

Я вздохнул, выудил золотой кесарий, который весьма незаметно перекочевал в общага рукава лакея. Тот остался подобен мраморному изваянию

— Лорд Ройл, вспоминаешь? — увещевал я. — Только вчера заходил... — Не знаком, — отрубил слуга.

— А может, эрл поместья Рудно — я сделал вторую попытку, припомнив как назывался Ройл в салоне старой герцогини.

— Его милость съехали прошлым вечером, — чванно ответил лакей.

Я расстался еще с несколькими монетами. Попросил:

— Я хочу осмотреться в турецкой гостиной, которую занимал эрл.

Привратник подумал, но золото перевесило чашу весов в мою пользу.

"Аграпурская комната" салона пустовала. Кальяны потушены, посуда убрана. Я тщательно исследовал подушки на диванах, ворс ковра, и все же добился успеха — обнаружилось несколько седых волосков, явно не принадлежавших Хальку или женщине. Сложил волоски в стеклянную трубочку, снова поблагодарил привратника монеткой, и вернулся на улицу. Короче, я решил начать собственное расследование. Лорд Ройл (или тот, кто скрывался за его именем), начал свою игру — это ясно, как день. Только какой выигрыш он хочет получить?..

Найти человека в огромном городе очень просто. Даже если он скрывается и живет под вымышленным именем. Я сбегал в храм Нергала (где шумел и бурлил конclave — маги решали, кто будет хранить казну гильдии и на какие нужды будут распределяться деньги), выслушал несколько сентенций относительно моей персоны (почему, мол, не участвуешь в общем обсуждении? Или тебя это не касается?) выпросил у мага Валента ненадолго поработать в его магической лаборатории и меньше, чем за квадранс состряпал волшебный декокт, способный привести меня в нужную точку. Когда я буду приближаться к дому, где обитает его светлость Ройл, бутылочка будет нагреваться.

Прошелся мимо самых богатых гостиниц Тарантии — ничего! Когда ноги устали, нанял портшез, одарил владельца целым "фениксом" и поставил условие: обезжать в течении дня самые богатые кварталы Тарантии, а с ними и постоянные дворы.

К шестому послеполуденному колоколу моя задумка себя не оправдала. Правда посзади, за портшезом катила кавалькада из четырех всадников — трое из Латераны, четвертый

— неизвестный.

Пузырек начал разогреваться в пригородных кварталах, там, где устроились сады, виллы и поместья не приветствующих городскую суэту дворян.

— Стой! — заорал я, вылезая из портшеза. — Вот тебе еще золота, будешь ждать. Возница согласно кивнул и мигом задремал.

Направо? Налево? Флакончик с декоктом упрямо вел меня к скрытому зеленым пухом распускающимся деревьев двухэтажному дому с колоннадой.

Дальнейшее меня поразило не меньше, чем вся история с кладом Нифлунгов.

Врата распахнулись, слуга согнулся вдвое в почтительнейшем поклоне и забормотал:

— Господин волшебник! Уж и не ждали! Идите прямо ко входу в дом, там примут...

Прелестно. Оказывается, в доме, который явижу первый раз в жизни меня ждут с нетерпением. Вероятно, некая ошибка. Возможно, неприятная...

Я сделал самый независимый вид, приказал волшебному перстню, чтобы он изменил цвет моей хламиды с алого на замогильно-черный, а вышивку превратил в змеиний символ Сета: это для большей представительности — если в доме враги, то они тысячу раз подумаю, прежде чем связываться с колдуном Черного Круга Стигии.

На пороге меня встречал отвратительнейший широкоплечий тип с метлой-бородой, вылупленными глазами и корявыми сильными пальцами.

Ох, из огня да в полымя! Темник, описывая свои приключения у Дорана, точь-в-точь описывал ближайшего подручного толстого бандита! А скляночка в кармане бьется все сильнее! Неужели маркграф Ройл с ними заодно?

— Добрый вечер, Ламасар! — с царственной небрежностью бросил я. — Веди к хозяину.

В глазах волосатого монстра мелькнуло нечто вроде мысленного усилия.

Дом как дом. Приличный, но без излишеств. Присутствие чужой магии не чувствуется — рядом только люди. И какие-то слабенькие артефакты, вроде оберегов.

Меня препроводили в большую овальную гостиную, залитую сотнями свечных огоньков. Шторы плотно закрыты. Накрыт богатый стол на двоих.

— Прошу извинить за опоздание, — надменно — хриплым голосом сказал я, и без приглашения опустился на мягкий стул. Придется разыгрывать спектакль до конца. — Излагайте дело. У меня масса других забот.

Ламасар встал за спиной чуть слева. Скрестил руки на груди. Я надвинул капюшон поглубже на лицо.

Сидевший напротив толстяк, в котором я безошибочно определил Дорана Простеца, сразу залебезил:

— Досточтимый, мы крайне редко обращаемся за помощью к такой уважаемой организации как Черный Круг, но обстоятельства вынудили... Мы заплатим сколько потребуется... Мы знаем, что Черный Круг в Аквилонии запрещен, но будучи наслышанными о ваших необычайных способностях...

— Короче! — рявкнул я и пристукнул кулаком по столу, так, что из волшебного перстня посыпались голубенькие искры, а навершие посоха полыхнуло темным багровым огнем. Для пущего устрашения я заставил радужку глаз светиться алыми лучами: фокус простейший, но впечатление производит даже на самых флегматичных субъектов. Сидит эдакая загадочная орясина в черном, да еще и глазками сверкает...

— Хватит рассыпаться ненужными словами. Или говорите дело, или я ухожу.

Я начал укореняться в подозрении, что произошла серьезная ошибка: Доран ждал одного мага, а случайно явился совсем другой. Надо быстро разведать в чем дело и немедленно сматываться. Столкновение с конкурентом из Черного Круга не грозит мне ничем хорошим.

Толстяк Доран, вкупе с телохранителем Ламасаром провели меня в подвал и предъявили камеру, в которой прежде сидел (висел...) Темвик. Рассказали как было. Точнее, рассказывал Доран, Ламасар хранил молчание.

Сбежать отсюда было невозможно. И одежда оставлена, только порвана. А потом по дому гулял волк, насилиу отделались...

— Оборотень, — я не погрешил от истины. Снял с колец браслетов-кандалов несколько серых шерстинок. — Вы изловили настоящего оборотня. И поплатились... Никого не покусал?

— Я же говорил... — сокрушенno вздохнул Доран. — А почтенный колдун не скажет, демонову перевертышу могли помочь? Кто-нибудь из домашних? Я, понимаешь, опасаюсь измены...

— Нет. Такое существо способно вывернуться из любой ловушки, — напоследок я решил их припугнуть: — Это был не обычный оборотень, не из народа Карающей Длани, какие живут в Пограничье. Это демон в человеческом обличье... Видите белые волоски на обручах? Ясный признак. Доран сделал пальцами охранный знак и отступил. Ламасар остался бесстрастен и недвижим. Я отряхнул ладони и повернулся к хозяину:

— Ума не приложу, как вы сумели поймать оборотня... Если это все — с вас "феникс" за консультацию, и на том мы расстанемся.

— Нет-нет, есть еще одна маленькая сложность, — смущенно разулыбался Доран. — Надо поговорить с одним человечком. Упрямец неимоверный, никак не могу получить долги от паршивца. Не побрезгуете, благоднейший маг?

Склянка была такой горячей, что мне подумалось, одежда начинает дымиться. — Только быстро.

В соседнем каземате находился искомый маркграф Ройл, а моя волшебная жидкость выбила крышечку, и декокт горячей струйкой потек по бедру.

Хорошо же они разукрасили месьора маркграфа, ничего не скажешь! Половина лица превратилась в один огромный багрово-фиолетовый синяк, на теле — глубокие шрамы шомполов, часть зубов выбита. Опутан цепями, как куколка.

— Цепь снять, два ведра холодной воды, усадить на табурет, — брезгливо скомандовал я.
— Иначе не смогу работать. Приведите его в чувство!

А в голове колотилась суматошная мысль: если заявится настоящий колдун, выйти из этого дома самому и спасти Ройла будет трудновато. Или почти невозможно. Но ведь не Тот-Амона собрался привлечь Доран? С кем попроще — справимся. Наверное.

В голове завертелись формулы боевых заклинаний.

— Что надо узнать?

— Где прячет документы... Доран на мгновение запнулся, но пересилив себя, продолжил: — Документы о кладе Ниблунгов. Потом пусть катится на все четыре стороны и забудет о моем существовании.

— "Вранье, — подумал я, постоянно используя заклинание, определяющее правду.
— Если вы добьетесь своего, маркграф немедля умрет, а тело сожгут в печи за домом".

Цепи, вкупе с ручными и ножными кандалами, сняли не без труда. Опутали Ройла с полным тщанием — наверное, перестраховались после побега оборотня. Усадили, окатили

водой.

Настало время употреблять мое искусство. Я давно научился общаться с человеком без помощи речи. Оборотни в Пограничье научили, да и волшебная Книга Бытия помогла.

"Слышишь меня? Только не подавай виду, что слышишь! — передал я свою мысль в мозг Ройла. — Если согласен с тем, что буду говорить, — ругайся на чем свет стоит, если нет — просто молчи. Меня послал Хальк, барон Юсдалъ. Тот, которому ты вчера подарил книги в аграпурской гостиной. Я тебя вытащу. Будем прорываться..."

— Привели поганого колдунишку? — захрипел Ройл, и сразу обрушил грохочущим камнепадом обвал самых диких ругательств. Значит, он меня понял.

"Меч в руках удержишь?"

Молчание. Затем грязное матросское словечко.

"Магией займусь я сам. Главное вырваться к центру города и оказаться возле замка короля".

Доран и его сподвижники удостоились длиннейшей тирады, касавшихся их самих, предков, подруг и пристрастий в извращенной любви. Толстый предводитель шайки слушал особо умиленно.

— Пытаюсь проникнуть в его мозг, — пояснил я Дорану. — Сильный человек. Придется долго работать.

— Денег я не пожалею! — с пафосом воскликнул Доран.

И тотчас к толстяку подбежал один из телохранителей. Нагнулся и забормотал. Я мигом сделал "Острое ухо", и шепот стал явью:

— Господин, там приехал маг Гарпаг из Черного круга, говорит — звали...

Доран изменился в лице. Нехорошо посмотрел на меня.

"Начинаем" — я дал мысленный сигнал маркграфу Ройлу и обрушил магический удар на противника, казавшегося мне самым опасным — Ламасар мгновенно запутался в жгущей сети огненных полосок и выронил кривую туранскую саблю. Доран и второй телохранитель оказались на время ослеплены. Подчиняясь неведомому чувству я сорвал с пояса Дорана тяжелый кошелек. Пригодится. Компенсация за труды, так сказать.

Мы с Ройлом бросились наверх — я очищал дорогу россыпью свистящих огненных шариков, поражавших слуг Дорана не хуже наконечников лучных стрел (если скажете, будто Тотлант плохо владеет боевой магией — в жабу превращу!). Ройл умело отбивал слабые попытки напасть на него при помощи обоюдоострого клинка, выхваченного у обоженного Ламасара. Постепенно разгорался пожар.

На новоприбывшего мага я даже не взглянул — тот был чересчур удивлен происходящим кавардаком и позабыл о колдовстве.

Повозка чужого волшебника стоит возле главных ворот!

Я втолкнул Ройла внутрь, вышвырнул возницу, влетел на козлы и ожарил лошадей кнутом — маленькое заклинание, и каждая лошадь будет слушать меня, как родного хозяина!

Быстрее, во дворец!.. Погони, надеюсь, не будет — все служки Дорана занялись тушением пожара. А за крепкими стенами резиденции короля нас не достанет сам Сет Змееног и орда самых диких демонов!

— Именем короля, отпирай! — взвыл я перед закрытыми створками. Меланхоличные Алые Кирасиры встрепенулись.

Потом, уже во дворе, мы насчитали в стенках кареты девять отметин от арбалетных стрел.

— А ведь это война, — сказал барон Гленнор. — Настоящая война. Против незримой армии государства — Латераны и присных, вскоре выступит другое, не мене грозное, незаметное войско.

— С такими "войсками", — Конан презрительно усмехнулся, — существует множество способов борьбы. Военное положение в столице. Любое неблагочиние — строжайше пресекается. Облавы каждый день. Удвоение стражи...

— Две трети, которой мздоимствует, — как бы невзначай дополнил Гленнор. — За городом начинают действовать большие и маленькие шайки, терзающие купцов. Если Тотлант не ошибся Доран с компанией набирает магов. Они запросто подготовят маленький бунт в столице и пока мы займемся умиротворением разбушевавшихся простецов, под шумок сбежит на полуночный закат — искать наш клад. И все это в такое неудобное время!

— Нам помогут займы, — проворчал Просперо. — Прикажу начать переговоры с офицерами и Зингарой — королева Чабела не откажет. А если поднимем налоги — получим недовольство в народе и резкий взлет цен.

— Я распорядился немедленно арестовать Дорана Простеца, — заметил Гленнор. — Есть и свидетель, и пострадавший, но... Доран опять ускользнул. Его ищут. Поздравляю, маркграф — вы остались живы только благодаря внезапному и неумышленному вмешательству Тотланта. И вы — только часть большой игры. Однако, значительная часть.

— Благодарю, — слабо ухмыльнулся Ройл, половина лица которого была скрыта шелковой белой повязкой. — Хоть немногим оказался полезен. В кои-то веки моя размеренная жизнь обогатилась приключениями.

— Будь столь добр, расскажи Конану и всем присутствующим, о чем вы намедни шептались с Хальком... А самое главное — откуда у тебя краденые книги, которые ты настолько неосторожно подарил библиотекарю. Не верю я в случайности.

— Я собираю редкости, — угрюмо повторил Ройл. — Несколько дней назад мне предложили за бесценок приобрести несколько фолиантов... Человек намекнул, что с их помощью я сумею разговорить барона Юсдаля, который тоже очень интересуется кладом Нифлунгов.

— Что за человек, старый знакомый? — насторожился Гленнор.

— Нет, обычный скупщик, из простецов. Изредка подбрасывает мне редкости... Проявил изрядную осведомленность.

— Имя, где живет, из какого сословия?

— Не знаю. Когда я приезжаю в Тарантию он сам меня находит. Выглядит канцелярской крысой... Разговаривает, будто мелкий служащий из ведомства канцлера. "Соблагоизвольте", да "будьте милостивы"... Тьфу!

— И все же, ваша светлость, мы ждем обстоятельный рассказ. Итак?

— Я хотел предостеречь, — пожал плечами Ройл.

Затем, не менее полуколюка маркграф повествовал нам он Нифлунгах, Тразарихе, неведомом проклятии... Деликатно умолчал о роли Халька в этой дурацкой истории.

— Значит, легенда не соврала, — заключил прагматичный Конан. — Хальк, как там правильно, в саге?

Хальк наизусть процитировал первое, явившееся на ум:

*Там был и жезл железный: кто им владеть умел,
Тот власть над целым миром в своих руках имел.
Там золотом набили все башни и подвалы,
Сокровища несметнее на свете не бывало...*

— Значит, — добавил я, — среди сокровищ находились и магические артефакты. Их я первыми выброшу в Океан. Чуждому волшебству нет места в нашем мире. В разговор вступил барон Гленнор.

— Мы установили, пусть и косвенно, что огромные сокровища Нифлунгов должны существовать. Повторяю: должны. Найдены три позднекхарийские карты с указанием местонахождения и рукописная карта исчезнувшего асира... Светлейший маркграф Ройл утверждает: сокровище проклято и пытался нас остановить посредством месьора библиотекаря. В Тарантии зашевелились — причем исключительно активно! — самые серьезные преступные сообщества, тоже уверовавшие в легенду Нифлунгов. Кстати, Ройл, Тотлант, я про — верил кто такой Гарпаг, которого нанял толстый Доран — колдун Стигийского конclave, много лет скрывается неподалеку от города — вероятно, глаза и уши Черного круга и приснопамятного Тот-Амона, не к ночи будь помянут. Прислеживает за делами в Аквилонии и гадит по мелочи. За Гарпагом мы установили строжайшую слежку. Пригодится...

— Серьезные связи у вашего Дорана, — не преминул заметить я. — Если уж он может нанимать ради своих целей колдунов из Черного Круга...

— У нас связи посерьезнее... — усмехнулся Конан. — Некоторые волшебники Алой Гильдии помогают нам безвозмездно. Хальк громко фыркнул.

— Выслушаю общее мнение, — барон Гленнор, заложив руки за спину, прошелся по комнате, — Кто за экспедицию, кто против и почему? Начнем с короля.

— Едем, — твердо сказал Конан. — А с проклятием там или чем еще — разберемся. Не впервый.

— Я в этом неучаствую, — угрюмо отозвался маркграф Ройл. — Причины я изложил. Древняя магия — это вам не игрушки. А денег мне хватит до конца жизни.

— Надо быстро пополнить казну, — сказал Просперо. — Средств на организацию похода уйдет немного, и даже если ничего не найдем — только лишь разочаруемся... И подышим свежим весенним воздухом.

— Я поеду, — коротко сказал Хальк. И выжидательно посмотрел на меня. Оставалось согласиться — в такой экспедиции наличие мага обязательно, а старый придворный волшебник Конана, Озимандия Темрийский, не вынесет тягот дороги. Темвик немедленно расплылся в улыбке — его ждало настоящее приключение!

— Замечательно, — Конан с удовольствием потер ладони. Наша победа — в скорости! В ближайшие дни охрану библиотеки и замка усилить. Обязательно охранять Евсевия Цимисского и эту старушку, Нейну, которая будет готовить для отряда дорожные карты.

— В городе объявим, что король столицу не покидал, — подбросил идею Гленнор. — Завтра ты обязательно примешь гвардейский парад на площади Эпимитриуса, а затем, во

время казни помилуешь графиню Ростану...

— Это еще почему? — отпрянул Конан. — Отравительница, колдунья, собственный муж через нее злой смертью помер!

— Политика, — индифферентно отозвался барон. — Родственники откупились половиной земель графини в пользу короны — хорошее графство, доходное... А так — тридцать лет заточения. К семидесяти выйдет.

— Удивляюсь я собственному человеколюбию, — сокрушенно вздохнул Конан.
— Просперо, на время моего отъезда — будешь королем.

— А я — канцлером, — хихикнул Гленнор. — Обещаю воровать немногого...

Вот такое у нас прекрасное королевство. Где находят мифические клады и милуют графинь-отравительниц.

* * *

Ночь прошла изумительно спокойно. Только мешали размеренные шаги гвардейской стражи, прогуливавшейся по примыкавшим к библиотеке коридорам. Слегка покалеченного костоломами Дорана маркграфа Ройла поместили неподалеку — в гостевой покой, пристроили к нему дворцовому лекаря Сагаро и пожилую сиделку. Хальк полночи провел за новообретенными книгами, а мы с Темвиком решили улечься пораньше — молодому оборотню очень хотелось понаблюдать за гвардейским парадом и показательными казнами. Если у нас в Пограничье преступника лишают жизни незамысловато — банальная виселица, то у аквилонцев давно родилась пышная традиция, эдакая торжественная церемония, на которую сбегается половина города.

...Единственное, что надоедало — охрана. Ликторы не давали ступить шага вправо—влево, прыжок на месте считали провокационным, грубо отшивали торговок булочками и лепешками, отпихивали обижающихся горожан, стремившихся к площади Железной Башни сразу после торжественной смены караула у дворца и развода многоцветных, как дарфарские попугай, военных. Благо нас с Темвиком снабдили особыми медными жетонами, позволяющими проходить в любую часть города и к обширной экзекуционной площади мы попали раньше основной толпы.

И я все равно чувствовал присутствие чужого мага — он следил за мной, упрямо отводя мои заклинания противодействия. Кто он? Что ему нужно? Впрочем, если не нападает — потерпеть можно. Но все равно неприятно.

Другая трудность. Я и Хальк изготовили четыре "подлинные" карты (лоскуток Темвика — не в счет) и столько же подложных страниц летописей. Сколько бы не орал граф Ройл, что нашими перьями и кистями водило само прорицание и лично клад, жаждущий найти сам себя, в эту чепуху вериться слабо.

Три наших с Хальком шедевра обнаружены бароном Гленнором и теперь хранятся у Халька в запертом железном ящичке — тайнике. Где четвертая карта, спрятанная в военной управе? Ее никто не смог обнаружить, а без этой части плана головоломка не складывается. Следовательно Гленнора опередили. И теперь начнут резвую охоту за остальными. Колдуны,очные воры, шантаж, подкуп — есть масса способов приобрести если не оригиналы, то

хотя бы копии. Этого я и побаиваюсь. И никакая охрана Латераны не спасет. Человек слаб — нужно только знать точку, в которую бить.

Вот и громкоголосая площадь Железной Башни. Однако по сравнению со знаменитым Казематом Бельверуса тарантийская Железная башня выглядит куда более ужасающе. Тюрьма построена лет четыреста назад. Основой послужила громадная толстая башня из серого камня. Затем возводились дополнительные здания, хозяйствственные постройки, дом-казарма для стражи... К началу правления Конана строения, именуемые по старинке Железной башней, занимали территорию почти двух городских кварталов. В самой цитадели, возвышавшейся над городом, нынче содержали лишь самых привилегированных преступников — проштрафившихся дворян, заговорщиков из богатых семей... Я слышал, будто на самом верхнем этаже Башни находится камера самого кровавого и беспощадного убийцы за всю историю Аквилонии — некоего Борра из Шамара, вырезавшего по безумию несколько семей с малолетними детьми.

А перед Башней — площадь. Напротив эшафота (сегодня он украшен белой траурной парчой в честь того, что казнят дворян) — королевская дожа. С сам Конан Канах с присными расселся. Мы протолкались поближе, Хальк заметил, и приветственно замахал руками — поднимайтесь, мол, можно! Угрюмая стража пропустила.

— Сначала — барон Доро, — не уставая комментировал Хальк, указывая на появившегося на эшафоте красивого беловолосого парня в чистейшей рубахе и фиолетовых штанах. — С виду такой милый молодой человек, а целых четыре года разбойничал на Дороге Королей, тиранил проезжающих как мог, грабил, резал, насильничал... А, вот и герольды! Обратите внимание — казнь обставлена со всем этикетом: рубят церемониальным позолоченным мечом, плаха покрыта алым шелком...

— Ш-ш-вах! — Тихий свист огромного клинка и вот бесталанная головушка барона-разбойника покатилась в корзину. Темвик присвистнул. Тонкая работа.

Толпа одобрительно загудела. Затем означенную процедуру прошли трое менее примечательных личностей — палач действовал топором. После на эшафот вывели даму в трауре — белая шелковая стола с тюрбаном, под которым спрятали длинные волосы.

— Графиня Ростана! — возвестили герольды, — именем короля и королевского суда обвинена в злодейском истреблении...

И так далее. Когда приговор зачитали, безмолвную графиню опустили на колени к плахе и я машинально перевел взгляд на Конана.

Король брезгливо вытянул из обшлага рукава белую тряпочку и когда меч оказался вознесен, взмахнул платком.

Вопли церемониймейстера вызвали у меня в ухе зуд:

— Милость короля! Остановить казнь! Милость короля!

Несколько специально нанятых в толпе крикунов немедля возвзвали, спугивая голубей
— Да здравствует король!

Площадь вяло поддержала. Такие зрелища никогда не приедаются.

И вдруг я ощутил в воздухе легкий запах тревоги. Со стороны города примчались несколько Черных Драконов, ринулись на королевское ложе, Конан вскочил, как ошпаренный, Просперо схватился за меч, а Хальк был готов упасть в обморок:

Быстро сделав "чуткое ухо" и различил: "Пожар в замке... третий этаж! Возле библиотеки!"

Времени на раздумья не было. Я схватил Темвика за шиворот и поволок вниз, к краю

площади. Пришлось осваивать ремесло конокрада — мы захватили чужую двусную повозку, я придал заклинанием ретивости рысакам и... Хорошо, улицы были свободнее, нежели обычно — плебс не успел разойтись с площади.

Точно! Из широких окон покоев Халька и нескольких отдушин библиотеки выбивается густой, как сероватый туман, дым с редкими черными прядями. Суматошно бегают караулы, уже начали подвозить бочонки с водой, а военные передают с рук на руки полные ведра.

— Тотлант? — Позвал меня знакомый голос. — Что происходит?

— Валент? — ахнул я, не ожидав встретить здесь главу нашей гильдии. — Ты очень к месту, помоги! Эй, гвардия! Именем короля, эти двое — со мной!

Оказывается, Валент Мессантийский прибежал посмотреть на пожар. Боги, боги, только вашей милости и способствования и ждем! Если погибнет библиотека, Хальк завтра же повесится на донжоне замка. При большом стечении восторженной публики.

— Темвик, на разведку, быстро! Поведешь нас! — оборотень мгновенно понял, что то него требуется, мигом содрал одежду и перевернулся в волка. Животные чувствуют опасность от огня гораздо острее человека и способны провести наиболее безопасным путем.

Второй этаж задымлен, но не сильно. Однако Темвик решительно повернулся в сторону от главной лестницы и побежал наверх. Вот и библиотечные залы.. Мы с Валентом бросились закрывать отдушины, чтобы не было сквозняка. К комнатам Халька лучше было не приближаться — там полыхало вовсю, грозили обрушиться деревянные потолочные балки.

— Книги! — вопил я. Первые стеллажи начинали тлеть и разгораться. Ветерок разносил горящие листки по залам — Валент, сделай что-нибудь!

— Будет холодно, — процедил Аргосский маг, вызвал мощное заклинание и прямо под крышей дворца повалил густейший снег. На глазах появлялись сосульки. Самые сильные очаги возгорания я гасил водяными шарами, вызываемыми прямиком из протекавшего под окнами Хорота.

Темвик цапнул меня зубами за балахон и потащил в сторону, в самую дымящую бокового коридора. Я пытался отбиться, но оборотень был необычно настойчив. С трудом прорываясь глаза я увидел дверь. Запертую. Вот демонические силы, именно там мы расположили на отдых злосчастного маркграфа Ройла! Наверняка он уже задохнулся! И паркет горит!

— Темвик, уходи, я сам справлюсь! — взывал я, пытаясь выбить тяжелые створки. Дышать было почти невозможно. — А-а, пропадом!

Я создал оранжевый огненный шар и запустил им в замок. Полетели щепки и осколки бронзы. С той стороны — огонь и непроглядная полоса дыма. Позади ревели струи горячего пара и доносились проклятия — Валент, по мере сил боролся с огнем. Надеюсь, ему хватит магической силы, чтобы дождаться подмоги.

Мы с Темвиком успели как раз вовремя — Ройл уже был без сознания, отравился угаром.

Глаза закачены, губы синие... Я не очень высокий и сильный мужчина, и поднять высокорослого маркграфа было тяжко. Тем более, мы обязательно погибнем при возвращении — обшитый деревянными панелями коридор пылает, как один гигантский факел. Только бы библиотека не слишком пострадала!

Снова выручил Темвик: взобрался на подоконник, лапой отодвинул задвижку ставни и умоляюще—приглашающе посмотрел на меня. Надо прыгать. Тем более, что уже занялись портьеры и вовсю тлеет ковер. Вспыхнул зеркальный столик...

Я очень боюсь высоты. Не могу себя перебороть. Но выбора нет. Или живьем сгореть в

этой ревущей преисподней или....

Темвик, махнув серым хвостом прыгнул первым. Внизу, на неизмеримой глубине — холодные, спокойные воды Хорота. Рядом — множество корабликов и лодочек, вытащат. И пусть поможет мне Сет Змееног!

Три этажа огромного замка — это почти одна пятая лиги. Предки строили с тщанием, чтоб попросторнее и повеличественнее. Я (мы) с грохотом рухнули в воду, я ушел глубоко под поверхность, тщетно пытаясь вспомнить заклинание, позволяющее дышать под водой, оттолкнулся ногами от каменистого дна и всплыл, хватая ртом воздух. Успел заметить, как Темвик подтаскивает за ворот к лодке потерявшего сознание маркграфа Ройла...

Я задрал голову. Верхний этаж дворца был окутан сизым вонючим дымом. Возле выбитых окон сутились гвардейцы и слуги.

Надеюсь, драгоценное книгохранилище Халька пострадало не очень сильно.

* * *

— Это, действительно, война, — отсек барон Гленнор, когда мы все, включая Конана, Халька, меня, Темвика, мага Валента, графа Кертиса, и полудесятка суповых месьоров из Латераны собрались в королевском кабинете. В замке отчетливо пованивало горелым.

Возле окна Хальк ожесточенно ругался с канцлером Публио — требовал пятьдесят переписчиков и несколько тысяч листов пергамента, чтобы восстановить утраченное при пожаре. И деньги, конечно!

Хальку повезло меньше всего. Я и Валент Аргосский в один голос твердили — это был не простой поджог. Была задействована магия. Почему? Железный ящик с картами и летописями, хранившийся у Халька расплавлен, документы восстановлению не подлежат. Ликторы Латераны, охранявшие покой тайного советника, умерли. Как? Да так, что просто взяли и перестали дышать! Шестеро молодых сильных парней не могут умереть запросто, не из-за чего. Вывод один: спланированное наглое нападение с участием знающего мага. С карт либо сняли копии, либо вынесли, устроив затем магический пожар, способный уничтожить и библиотеку и весь замок. Да в какой еще королевской резиденции мира могут безнаказанно орудовать враги, владеющие черным колдовством?!

Конан бушевал. Ярился, как пойманный лев. Грозился выпереть в позорную отставку всех и каждого. Начиная с Просперо и Гленнора, и заканчивая последним поваренком с кухни.

Дожили, королевский дворец поджигают средь бела дня! Доколе?..

...Хорошо на месте вовремя оказались два волшебника и оборотень, усмирявшие чужие заклинания.

С тем Конан навесил мне и Валенту небольшие, но красивый ордена "Диск Митры" с сапфирами и аметистами, а Темвику достался "Малый Лев" за спасение месьора Ройла. Награда не бог весть какая, но приятно.

Остальным же досталось прямо противоположное. Старший по караулам был разжалован и переведен десятником в гарнизон аж в Темру, на киммерийскую границу. Боссонский полк, охранявший в это время дворец лишили гвардейского штандарта. Легат

Латраны с помощниками вышвырнут с должности. Граф Кертич за небрежение отставлен от надзора за Тарантией — теперь в его ведомстве находился только замок короны. Были убраны еще полтора десятка офицеров, отвечавших за спокойствие дворца и заменены более молодыми и сообразительными.

Конан рвал и метал, а в финале не глядя подписал прошение Юсдаля на предмет восстановление библиотеки и приказал Публио найти (где хочешь, понял?! Из задницы вынешь!) требуемые суммы людьми. Лично восстановлением книгохранилища займется Эйвинд, молодой и благоразумный помощник Халька. А поскольку жилые покои барона Юсдаля сейчас более напоминают жерло недавно извергавшегося вулкана, господин библиотекарь и его гости переселятся в личные покои короля. Каравулы устроить! Волшебника Озимандию доставить в замок для тщательного дознания! Живее, олухи!

— И мы потеряли все карты Ванских островов, — грустно заключил король. — Хальк, по памяти вспомнишь?

— Я вспомню, — проронил барон Гленнор. — Я предвидел нечто подобное и снял копии. На всякий случай. И повторюсь — кто-то решил с нами повоевать. Слишком уж заманчивый куш... Но подобной наглости я не ожидал, признаться — устроить грабеж с ПОДЖОГОМ в замке короля! Старею я что ли, в отставку пора? Расходимся месьоры. Дел невпроворот.

Пока я, Хальк и Темвик, в самом удрученном расположении духа, брали к нашим новым покоям в закатной части замка, рядом с комнатами короля, Хальк сокрушался:

— Книги сгорели, дневники... Мебель, коллекция оружия. Все погибло.
— Ничего, — успокоил я библиотекаря. — А вдруг клад и в самом деле найдется?
— Наш розыгрыш обернулся катастрофой...
— То ли еще будет, — не без оптимизма заключил Темвик. И оказался непогрешимо прав.

Второй рассказ Темвика

"Варвары со всех сторон!"

Дороги Полуночной Аквиянии
10-15 дни Первой весенней луны 1293г.

Всякий нормальный путник, направляющийся с Полуночи на Полдень, а равно и наоборот, немало подивился бы живописной кавалькаде, двигающейся со стороны Тарантии через Галпаран и далее вдоль берега реки Громовой на Полночь. Цель — стык никем не установленных границ между Киммерией, Пиктами и Нордлингами у истока Черной реки, а далее — дорога через ничейные земли в Нордхейм.

Прибытие в городок Рагнарди предполагалось через седмицу. Вернее, уже через четыре дня, ибо отряд на крупной рыси преодолел больше половины расстояния. Отдыхали мало,

только до рассвета. Потом — полный день пути, с единственным привалом на обед.

Слева пикты, справа киммерийцы, впереди — нордхеймцы. Цивилизованные края Аквилонии остаются позади, на полуденном восходе. Теперь мы едем по приграничным землям провинции Темра, а завтра собираемся круто взять на Закат, вдоль Закатного Киммерийского кряжа.

В деле поиска клада самое важное — осторожность и маскировка. Посему в столице было громогласно объявлено, что светлейший король остается в городе, готовиться к празднованию пятилетия восшествия на трон. Полунамеком дали понять — никакие Нифлунги Конана не интересуют. Плевал он на эти сокровища с самой Железной башни. Причем неоднократно

Но вот, глубокой ночью из Речных ворот Тарантии выехал удивительнейший отряд. Три десятка киммерийцев в национальных одеяниях — фейл—брекенах; столько же нордхеймцев — высоченных светловолосых варваров. Четыре телеги обоза. Объяснения просты: часть своей "дикой сотни" (особого охранного отряда, пару лет назад набранного Конаном из соотечественников и полуночных варваров) король соизволил отпустить на проверку полуночных границ государства — пикты, мол, пошливают. Каким образом в варварский отряд затесались библиотекарь короля, стигийский маг и молодой оборотень из Пограничья, никому осталось неизвестным.

Исчезновение Конана из столицы было обставлено со строжайшей тайной — в среде посвященных были только барон Гленнор, Просперо, Хальк и командир "Дикой сотни" Бриан Майлдаф. В остальном сохранялось монархическое благочиние — штандарт государя колыхался над донжоном крепости, зачитывались указы за подписью Конана, а суровые мальчики из Латераны подогревали слухи о новых чудацствах короля, известного своими шумными развлечениями

Шесть с лишним десятков отъявленных варваров — впечатляющая сила. Первое, чего касается ручка новорожденного младенца — меч. С трех лет в седле. А вся последующая жизнь — война. Смерть для варвара без клинка в ладони — несмыvableй позор.

Но отправление к Ванским островам отряда варваров преследовало и дополнительную, более прагматичную цель. Они отлично знают местность, способны договориться с нами и оказать яростное сопротивление любому недоброжелателю.

Командовал отрядом некий Коннахар Гленнлах — киммериец по рождению и образу мыслей. Под этим именем скрывался лично Конан — так звали его дедушку со стороны матери. В помощниках ходили Бран из Круахана (тоже киммериец) и Торольв Клык — прозвище появилось оттого, что Торольв носил на груди треугольный зуб касатки, китабуйцы, отполированный до синевы.

При Торольве неотлучно находилась высокорослая, соломенноволосая девица, состоявшая в отряде на полных правах — великолепная лучница, да и на мечах податься тоже отнюдь не дура. Глаза синие, с фиолетовыми блестками, фигура — залюбувшаяся, одевается как мужчина и вечно ворчит, что ее колено уже покрылось мозолями от соприкосновения с буйствующей плотью товарищей по оружию. Звали решительную воительницу Тюра. Тюра Торольвсдоттир, ибо приходилась она десятнику Торольву родной дочерью. Эдакая валькирия из нордхеймских саг. И дело свое знает — лучшей разведчицы в отряде нет.

А я, маленький скромный оборотень Темвик, хожу под ее началом. Конан решил в полной мере использовать мои способности. Я-то не против — мне больше нравится бегать

в волчьем обличье, да и воины отряда относятся к моему умению с молчаливым уважением — ничего себе, настоящий оборотень! Все расспрашивали, как это у меня получается, и нельзя ли научиться.

Хуже всего приходилось Хальку. Поболтать, кроме Тотланта не с кем, седло — жесткое, на ночевках холодно. Пиво прокисшее, а взятое из Тарантии вино кончилось. Теперь нас ждали необжитые земли, где равно могли встретиться и шайки пиктов, и киммерийцы и вообще один Нергал знает что. На четвертый день далеко справа промелькнуло облако загадочного Ямурлака.

План был таков: добраться до Рагнарди, считавшегося самым полуночным форпостом Аквилонской торговли, нанять две нордхеймские ладьи и пуститься в путь-дороженьку, руководствуясь картами, заботливо скопированными бароном Гленнором. Отыщем клад — загрузимся, а на полуденном оконечье островов нас будут ожидать боевые корабли Аквилонии — соколиной почтой был передан приказ капитанам триер, зимовавших в Кордаве немедленно идти на Полночь. Дальше — проще. Подняться вверх по Хороту и сгрузить богатства Нифлунгов в казну. И, конечно, не обделить наградой участников опасного похода. Потом, разумеется, громко отметить удачное окончание дела.

Хальк ни во что не верил, но отказаться от поездки не решился. Его придумка обрела плоть и кровь. Библиотекарь решил сам досмотреть сочиненный им спектакль до конца.

...Красивая весенняя ночь. Я, расстелив возле костра потертую медвежью шкуру лежу, заложив руки за голову и созерцаю звездное небо. Краем уха слушаю байки наших асиров, которые по традиции, устроились поодаль от лагеря киммерийцев.

Вот история про Атли, он был берсерком, умел воплощаться в медведя. Это который Атли? Из Лосиного залива? Нет, другой, этот из Варангер-фьор-да. А я про третьего Атли такое слыхал, не поверите...

— Темвик? — меня слегка подтолкнули в спину. Оборачиваюсь.

Тюра. Глазищи влажно сверкают. Красива, как сама Иштар. Богиня. Богиня с мечом на поясном ремне слева. И глазами бьет, как молниями. Прекрасная женщина.

— Чего стряслось? — я перевернулся на бок, обращаясь к Тюре.

Эх, Тюра, знала бы ты хоть о частице своей холодной полуночной красоты! Я невольно залюбовался ее точеным узким лицом с острым подбородком. И глазами волчицы. Как она похожа на оборотня, немыслимо!

— Нехорошо мне, — поморщившись, прошептала девушка. — Неспокойно в округе.
— Пикты? — я насторожился.

— Нет, пикты обычно шумят, хотят взять на испуг. И не киммерийцы. Эти бы заметили своих. Чужаки. Слежка. Да я и днем приметила — конские следы у обочины дороги. Пробежишься? А я пока твои шмотки посторожу. — Конану сказала?

— И Конану, и дядюшке, и Брану. Давай, не ленись. Меньше всего хочется ждать ночного нападения. А дозоры ничего не замечают.

— Чутье у тебя, — уважительно отозвался я, расстегивая крючки на куртке — если что — свои же не подстрелят?

— Не дергайся. — лицо Тюры было хмуро—озабоченным. — Знаешь, такое чувство, будто нас не преследуют, а сопровождают... Но кто? Зачем? Сбегай, разнюхай.

Я быстро превратился. Очень. Как никогда раньше. Наверное, чувство опасности подействовало.

Хорошо быть природным оборотнем! Тюра глянула с интересом. Он без испуга — попробуй, напугай дочь асиров! Да и в человечьем обличье я не ахти — не Гуннар, какой — бугай со смазливой мордой. Я — оборотень! Каков уж есть...

Тюра глянула на волчка, согласно кивнула и выпроводила за пределы лагеря. Посмотрела вслед доброжелательно. А я сразу почуял запах Гуннара — дружка Тюры. Пришел. И пускай!

И я побежал разнюхивать. Конан не зря был уверен, что в игру вступят сразу несколько игроков.

* * *

Мне гораздо проще бегать по ночному лесу, чем по городу. Знакомые запахи, приметы, звуки. Над головой — мягкий шелест — филин, планируя на широких крыльях охотится на мышек. Возле ручья ворочаются бобры. Кроличья нора — по запаху чувствуются пяток новорожденных крольчат. А здесь кабаны пробегали.

Лес шумит. Я отбежал от лагеря далковато, почти на лигу, но обострившееся зрение отлично различает оранжевые сполохи костров на вершинах деревьев. Человек не заметит, а зверь учуяет сразу.

Дорога. Это — наши следы. Пошарю по окрестным зарослям. Да, права была Тюра — чужие всадники. Пока только четверо. Рядом — следы босых ног. Киммерийцы босыми ходят редко, предпочитают чуни из твердой воловьей кожи с обмотками, чтобы по камням скакать, горным козлищам уподобляясь. Вывод один: здесь был пикт.

Придется пройтись по следу. Еще лига на закат, по руслу речушки — ручейка, в обход болотины. Больно уверенно шли наши преследователи, все время посуху, ни разу в топь не забрались. Пикт — наверняка проводник. Есть! Нашел!

Четверо стреноженных лошадей. На перemetной суме одного — клеточки с почтовыми ястребками. Костер сложен очень умело, в огромной яме от корней вывороченного ветром дерева, чтобы отблески были незаметны. Четыре человека разговаривают по-аквилонски, пятый — ну точно, пикт! В убore из перьев и с темной кожей! — сидит на поваленной сосне и зыркает глазами по сторонам; сторожит.

Я залег с кустах густейшего ольшанника и принялся за наблюдения. Четверка аквилонцев неразговорчива — обмениваются малозначащими фразами, сетуют на неудобства дороги, проклятых варваров (наверное, нас имеют в виду) и явно ожидают пересечения аквилонской границы.

Контрабандисты? Любопытно, какую контрабанду можно везти из Аквилонии в Нордхейм?

Э, нет, тут дело посерезнее. Я полностью обратился в слух:

— Их вырежут в долине между реками Черной и Унера. Пикты ударят с полудня, прижмут к горам и раздавят... Кряж в той стороне неприступен, через горы не уйдут, подмоги ждать не от кого.

— Как только отряд варвара пересечет верхнее течение Черной — отпускай соколов. Долину они должны пройти за два дня, наутро второго — пускай ждут сюрпризов. Налет

должен быть исключительно внезапным, никто не должен уцелеть. Потом расплатимся с вождем Таржахором и займемся своим делом... Тихо, что это?

Под моей лапой щелкнула веточка. Аквилонцы схватились за арбалеты, а пикт-дозорный метнулся к ольшанику. Надо уносить ноги.

Волка в лесу не догонит и вся пиктская армия. Места здесь не охотничьи, посему угодить в ловушку шансов нет. Я попетлял по прогалинам, меж зарослей сосняка, и пользуясь ниюхом безошибочно нашел стоянку наших.

Тюра, как и обещала, сидела возле моих вещей, полируя древко своего лука. Я привстал в ожидании. Лапу поджал.

— Отвернуться? — бесстрастно спросила дочка ярла Торольва.

Я только клыки оскалил. Быстро превратился, под заинтересованным взглядом Тюры. Она только головой качнула, языком прищелкнула. Тщательно скрывала зависть в глазах.

— Здорово. Всегда мечтала уметь изменять обличье. Ты одевайся, не тряси мудями. И получше хозяйства видывали.

Ничего не поделаешь, варварская непринужденность. Ничего, нам привычно. Стесняться почти нечего. Только глаза у Тюры насмешливые-насмешливые.

Я покраснел и начал торопливо затягивать тесемки на штанах. Набросил безрукавку, прыгнул в сапоги, и сказал:

— Идем к Конану и Брану. Есть новости. На нас открыта охота. Боюсь, серьезная.

Конан, его десятники и Хальк с Тотлантом устроились со всеми удобствами, то есть в большом холщовом и дымном шатре. Нас с Тюрой пустили в круг, одарили братиной с можжевеловкой и сонном грубых варварских запахов.

— Так я и предполагал, — проворчал Конан, выслушав мой рассказ. — Соперники начали действовать довольно грубо. И место для нападения выбрали удобное. Бран, ты что-нибудь слышал о вожде Таржахоре? Из известных?

— Кочующее племя, — сразу ответил огромный седоволосый киммериец, — иногда забираются в Киммерию, пограбить. Если другие племена оседлы и следят за контрабандными путями через Пущу в Аквилонию, то этот, скорее, изгой. Соглашается на любые авантюры. Интересно, кто его нанял?..

— Людей у Таржахора много — ядро племени — женщины с детишками и стариками — около тысячи, добавил младший брат Брана, Оргайл. — Воинов поменьше. Но все равно сомнут. И позиция у нас аховая — справа и слева реки, за спиной непроходимые скалы, впереди — орда пиков. Да еще и с шаманами.

— Как вспомню Зогар Сага, дрожь пробирает,

— поморщился Конан. — Тотлант, справишься?

— Можно попытаться, — слабо вякнул стигиец.

— пикты используют очень своеобразную магию, природную... Она похожа на волшебство оборотней.

— Отобъемся, — гулко проворчал колоритный ярл Торольв. Седые космы, борода заплетена в косичку, в плечах — косая сажень. — Эй, Тюра, скажи-ка, сумеешь незаметно пробраться отсюда на полуночный берег Унеры?

Тюра ответила гордым молчанием. Тогда старый Торольв-асир вынул из мешочка гладко оструганную дощечку, вырезал на ней несколько рун и отдал дочери.

— Дуй к Атанариху-вези, Атанарих будет знать, что делать. Одна нога здесь — другая там, третья снова здесь.

Тюра и бровью не повела. Подхватила чей-то мешок с припасами (не свой, кстати) и нырнула в темноту за шатром. Слышно было, как она ругается на коня, не дававшего спокойно распутать передние ноги. Стукнули копыта зло взвизгнувшего жеребца.

— Беспокоиться не о чем, — сказал Торольв, отвечая на немые взгляды Конана и остальных. — Если навалятся всей гурьбой раньше назначенного срока, бросаем повозки и на галопе уходим через русло Унеры. Там нас ни пикт, ни сам великан Имир не достанет.

— Караулы удвоить, — распорядился Конан. — Темвик, пока ночь — перекинься в волка, да побегай по окрестностям. Может, еще что интересное разнюхаешь. Отоспишься позже днем, в телеге.

Ну вот, опять. Вы будете пьяниствовать, рассказывать интересные истории а я... А мне остается стирать лапы по сырому лесу.

Сбегаюка к той четверке злыдней, которых ведет пикт... Подслушивать — это так интересно!

* * *

Умный Хальк с утра поименовал наше положение "стратегически невыгодным". Итак, крупный отряд варваров на аквилонской службе продвигается по самой границе пущи и Трона Льва, направляясь к коренным Нордхеймским землям. Точнее — к ничьим. От Черной реки до берега территории спорная и для оседлой жизни мало приспособленная. Пикты — земледельцы и охотники, нордлинги — морские пираты и рыболовы.

Поселений в междуречье Черной и Унеры нет. Сплошные вересковые пустоши с редкими сосновыми рощицами. Справа по пути — стена Киммерийского кряжа. Позади — пикты, готовящие засаду. Впереди — земли народа Вези, тех самых, если верить маркграфу Ройлу, потомков Нифлунгов, сроднившихся с нордлингами. Еще дальше — Закатный океан.

Скрыться на равнине негде. С любой возвышенности мы смотримся как на ладони.

Бессспорно, шесть лучших десятков варварской гвардии Тарантии окажут серьезное сопротивление, но шестьдесят против тысячи?.. Даже я понимал, дело проигрышное. А если бросить обоз, где мы везли подарки вождям поселения Рагнарди, то мы окажемся на побережье голыми и босыми.

Какая-то сволочь пытается помешать нам оказаться на побережье. И она наняла "бродячих пиков", которым все равно, кого грабить — им без разницы. Теперь главное — хитрость и внимательность.

С утра Конан разослал вперед и по флангам четыре дозора, из самых опытных вояк. Если верить подслушанному мною разговору, нападение состоится следующим утром, неподалеку от русла Унеры. Переправились через мелководный, но бурный исток Черной реки. Тяжелее всего пришлось с повозками — пришлось разбирать и переносить подарки и части телег не руках. Затем — снова в путь.

Очень беспокоился Тотлант — ощущал, как пиктские колдуны следят за передвижением отряда и делают мелкие гадости. То внезапный камнепад, то средь ровного поля образовывалось непроходимое болото, скрытое идиллическими кустиками вереска.

Появлялись и странные менгиры — установленные на камнях осколенные кабаны головы, изукрашенные длинными листьями красного папоротника. Незримое присутствие врага ощущалось постоянно. На одной свинячьей голове красовалась грубо сделанная медная королевская корона — намек более чем ясный.

Много спорили. Кто успел так быстро нанять пиктов-кочевников? Почему они так хорошо осведомлены о передвижении отряда? Ясно одно: без измены дело не обошлось. Или же, проклятие Нифлунгов начинает пробовать нас на прочность.

— Меня никто не остановит, — процедил сквозь зубы Конан. — Бран, Торольв — стоянку для ночевки выбрать засветло. По картам определите самый лучший и короткий путь отхода к реке Унере. Я предпочту быть трусом, но живым трусом. Чтобы драться потом.

— Главное, чтобы на том берегу Унеры нас не ждали неприятные сюрпризы, — уныло сказал Хальк. — Не нравится мне это междуречье, хоть убей не нравится.

— Вот и сидел бы дома.

Донесения сторожевых разъездов беспокойных донесений к вечеру не принесли.

* * *

Попробую немножко рассказать о нашем отряде кладоискателей.

Об истинной цели путешествия знают лишь немногие — сам Конан—Коннахар (нравится королю дедово имя, звучит красиво, раскатисто), Хальк, Тотлант, я и Бран вместе с ярлом Торольвом. Бран и Торольв — самые старшие, по человечьим меркам, почти старики — им по пятьдесят лет.

Остальные — разбитная молодежь. Младшие сыновья нордлингов, киммерийцев или темрийцев, по каким-то своим причинам ушедшие из клана или семьи. И нашедшие пристанище под крыльшком аквилонского короля, уверенного, что варвары — самые надежные люди в мире. Слова "измена", "нечестность", "предательство" им попросту неизвестны. Любой, уличенный в бесчестье — умирает. Нет, его не убивают. Умирает сам, кончая с собой от стыда. Или уходит от людей, становится изгоем. Потому что нарушение впитанных с молоком матери истин не позволяет жить дальше. Разве можно существовать с несмыываемым пятном на чести? А честь для варвара — дороже жизни!

Они мне нравятся, что киммерийцы, что асиры. Веселые, не дураки пошутить (не настолько по-крупному, как Хальк, конечно...), стыда не ведают ибо живут честно и стыдиться им нечего. Молоды, сильны, никакой работы не чураются — даром, что королевские воины.

Попробуй, попроси гвардейца Черных Драконов дров для костра нарубить! Воспримет как личное оскорбление и на поединок вызовет!

К Хальку и Тотланту относятся с почтительным уважением. Один книжник — ученый человек, тайны мира постигающий. А стигиец с богами Знается, колдун и шаман, гадать умеет, да, как говорят, в бою за себя стоит, не хуже десятка латников.

Большинство "дикого отряда" составляли здоровенные парни лет по двадцать пять. Киммерийцы с нордлингами не ссорились, и даже завели дружбу; к единственной женщине — Тюре относились как к родной сестре и неумело приударяли, пытаясь вызывать хоть чуток

расположения. Тюра же была невероятно красива и холодна как ледник знаменитого Бен-Морга. Только к Гуннару — рыжему и улыбчивому асиру лет двадцати проявляла благосклонность. Гуннар ей кувшинки дарил и занимательные саги рассказывал.

На стоянках они жили в одной палатке, а дядя Торольв только посмеивался — выросла девка!..

Да и Гуннар — хорошего рода. И воин отличный. Доброе потомство даст.

Если сложится — ко Дню середины лета свадьбу сыграем.

И ко мне — как к настоящему оборотню — Тюра расположена была. Но больше из-за дела, чем по сердечной привязанности.

Конан рассудил верно: если на Полночь отправится эдакая расфуфыренная дворянская экспедиция — бед не миновать. А тут — варвары. Да какие! Первостатейные. Нордлинги с горцами, рожи — одна страшнее другой, но идут варвары под королевским штандартом — мол, служим не кому-нибудь там, а королю самой достославной Аквилонии. Бойтесь!

Подорожные, приказы к начальникам стражи фортов, выправлены идеально. Не подкопаешься. Со всеми печатями и громкими именами на подписях. На самой главной — личный росчерк короля Конана Канах. А это имя на Полуночи многое значит. Конана уважают.

Да, но уважают-то его лишь полуденное склонов Киммерии и Эйглофиата. А для дикого пикта имя Конана ничего не значит, а король он там или нет — это его личная головная боль.

Вероятно, так и рассуждали неведомые злыдни, устроившие при помощи пиков засаду на отряд.

* * *

Оборона — наука сложная. Своих мало — врагов много. Воспользоваться особенностями местности практически невозможно: холмистая равнина, не спрячешься.

Если мои донесения верны — нападут ранним утром, чтобы застать тепленьками. Придется с боем отходить в сторону брода через Унеру, и, конечно, бросать вещи. Все ценное — золото, камешки, нефрит — в мешочки и на пояса. Хоть часть унести с собой.

И куда это, любопытно, ярл Торольв отправил свою боевую дочурку? Тюра не появлялась уже целые сутки.

Может, за помощью отоспал? Сам Торольв и Конан, в отличие от панически настроенных Халь-ка с Тотлантом, самодовольно ухмыляются и ничего не рассказывают.

Последний вечер. Меня опять сгоняли на разведку по окрестностям — убедиться.

Убедился, да так, что едва не схватил в бок пиктскую стрелу. Два десятка отрядов серокожих дикарей, по тридцать—сорок воинов в каждом, упорно шли по нашим следам со стороны Пущи. Маскировались, не подходили ближе, чем за лигу. Среди пиков замечались несколько личностей в охотничьях аквилонских одеждах. Ренегаты, как выражается барон Юсадль.

Место для ночевки выбирал сам Конан. С Восхода и Полуночи нас прикрывал огромный скальный выход, дорога на Закат была открыта, с Полудня мы на скорую руку поставили частокол, за которым устроили арбалетчиков. Больше всего король опасался, что пикты, по

своей дурной традиции, попрут напролом, окружат и не считаясь с жертвами начнут резню.

Когда начало вечереть, поступил приказ — кольчуг не снимать, оружие держать наготове. — Темвик, ты где шляешься?

Я предстал перед королем. И у меня, и у Конана вид был уставший.

— Вот что, перевертыш, — варвар потрепал меня по волосам. — Знаю, все мы вымотались, да и ожидание это нехорошее... Тотлант ставит магические ловушки вокруг лагеря — чужой подойдет, сразу заполыхает. Пробегись по округе, а?

— Опять! — простонал я. — Все, с этого момента становлюсь королевским оборотнем. На жаловании!

— Я скажу Публио, — улыбнулся король. — Десять кесариев в седмицу, и награды. Когда заслужишь...

Конан хитро посмотрел на золотистый значок "Малого льва" коим меня одарили в Тарантии. Теперь я его никогда не снимал, даже когда превращался — орден маленький, висит на цепочке, с шеи не падает. Эртель с Велланом от зависти удавляются, когда увидят!

Разведывать оказалось нечего — пикты подходили, соединяясь в несколько крупных отрядов. Таится почти бессмысленно — ночь безлунная, а в нужный момент дикии передвигаются исключительно тихо. Слышно, как переговариваются. Гортанная, чужая речь.

Остановились в четверти лиги от нас. Пришло вернуться.

— Ну? — вихрем налетел на меня Хальк, едва завидев. Всем своим взъерошенным видом библиотекарь говорил: вот до чего доводят невинные щуточки с древними картами и сказочными сокровищами. Перережут, как цыплят. Но кто? Кто так сильно поверил в сказку о сокровищах древнего народа, что собирается истребить самого аквилонского короля, обуявшегося манией кладоискательства?

— Жаль, митрианских монахов с собой не взяли, — огрызнулся я. — Чтоб подготовить грешную душу к переходу в состояние бестелесное. Много их. Не уйдем.

— Еще как уйдем, — послышался сзади голос Конана. — Едва попробуют атаковать, прорываем кольцо и на галопе — к реке! А тысяча там пиктов, или десять тысяч... Вот помню лет семь назад на Черной реке

Королевские байки о его подвигах в отряде Троцero, сдерживавшего в те беспокойные времена наступление пиктов на пределы Аквилонии, знали все и каждый, причем в десятке разных версий. Костры не зажигали, ждали.

Над горизонтом появился багровый краешек луны, и тотчас канул за горы. Чернота звездного неба затянулось туманной пылью высоких перистых облаков. Вересковая равнина ждала рассвета.

Бух! Бух!.. Слепящие фонтаны света начали подниматься над холмами едва зарозовел Восход — начали действовать ловушки Тотланта.

Три разрыва, пять, двенадцать, почти пятьдесят. По вересковому полю поползли багровые огоньки — занялась сухая трава, а направленный Тотлантом ветер понес пламя на пиктское войско. Но и дикии не зевали.

Над нашими головами, в необозримой вышине, вспухло облако алых блесток, начавших плавно опускаться вниз...

— Щиты! Щитами головы прикрывайте! — заорали самые опытные. — Пиктский огонь!

Ничего не скажешь, неприятно. На тебя падают жгучие искорки, мигом разогревающие металл доспеха и беспокоящие незащищенных лошадей. Тотлант пытался колдовать, но его заклинания не могли противодействовать магии пиктов — слишком разные магические

школы; Тотлант действует по науке, а пикты используют саму природу...

А потом началось... Десятки серокожих полезли на частокол, сбиваемые лучниками и арбалетчиками, прорвались к центру лагеря, где уже завязалась яростная рубка. Тотлант швырялся живым огнем, спину волшебника прикрывали Хальк с обнаженным мечом и тот самый рыжий Гуннар, приятель Тюры.

Я отбил направленное в горло пиктское копье, рубанул размалеванному в белые и зеленые полосы дикарю по плечу и ринулся к своей лошади. Тем более, что над битвой уже ревел голос Конана:

— На конь! На конь всем! Клином, в прорыв!

Рассказ наблюдателя

"Атанаших — вези"

Граница Ванхейма,
15 день Первой весенней луны 1293г.

В ту пору воинственные племена народа вези обосновались в Полуденном Ванахейме. К Полуночи от них бродили ваниры-корабельщики, к полуночному закату — асиры-нордлинги; на Восходе, за горами, сидели киммерийцы, почти не выходившие из огромной долины, образованной кольцом Киммерийских гор и Эйглофиатом. На Полдень, за Черной рекой и Унерой начиналась великая Аквилония, приграничные с пиктами области, густо начиненные гарнизонами. На Закате же, за Рагнарди, было море. Бесконечное и вечное. Опасное и ласковое.

Вот уже двести лет минуло с тех пор, как ушли из этих земель аквилонцы приведенные Сигибертом Завоевателем, но все еще стоят построенные умелыми руками легионеров Трона Льва крепости-бурги, пересекают страну знаменитые аквилонские дороги, мощеные камнем. И ведут они теперь не только в Тарантию, но и в Старкардгат-фьорд, и в Гиперборею.

Иной раз огрызаются на вези пикты и асиры. В ответ лязгают вези острыми зубами, и вновь воцаряется мир, и можно хозяйничать на плодородной земле, некогда отобранной аквилонцами у нордлингов, да так и брошенной на произвол судьбы.

По душе народу вези была жизнь в этих местах. Казалось, стоило сесть им в этом Полуденном Ванахейме, как тотчас же прикипели к ней душой и родиной ее назвали.

Конечно, война — войной. Есть люди, которые зачахнут, если отобрать у них возможность убивать и подвергаться смертельной опасности. Но главным все-таки была земля.

Поделили ее между собой, нарезали по числу ртов. Потом еще и рабов взяли и тоже посадили на эту землю, пусть пашут. Стали выращивать пшеницу, ячмень и просо, а для скотины нашлись в изобилии трава и овес. И вот уже иные вези обзавелись брюшком от сытной жизни, и довольство появилось на их никогда хищных лицах.

А тут, откуда ни возьмись, новая напасть — примчалась прошлым днем дочка союзного ярла, Торольва, ушедшего тремя годами раньше в услужение королю Аквилонскому.

И новости привезла преинтересные. Рассказала в подробностях, прямо—таки захлебываясь от спешки...

Поначалу, как донесли о том Атанариху, владыке народа вези (аквилонцы называли его "судьей", ибо власть имел суд вершить), поднял бровь Атанарих и ничем более не показал, что рассыпал.

Таков был собою Атанарих-рикс: ростом высок, в плечах широк, лицо имел круглое, краснел легко, больше от гнева. Смеялся он, как всякий сильный человек, громко, от души. И багровел, если долго хохотал. В изобилии увешивал себя гривнами, браслетами, застежками ванирского золота, обшивал бляшками подол рубахи — любил, чтобы блестело. Верил, что в золоте сила копится.

Ну и что теперь Атанариху делать? Бросать усадьбу? Оставлять дела важнейшие (одно из них — остатки ванирского племени с золотоносной Унеры выпереть к родичам их, на скучную Полночь)? Все побоку — и нестись спасать от злых пиктов не кого-то там, а всамделишного аквилонского короля, по каким-то своим таинственным делам собравшегося навестить город торговый Рагнарди?

Но просит о помощи человек не чужой — Торольв-асир.

С Торольвом Атанариха кровное и боевое братство единило, еще с молодости, когда вместе Гиперборею воевали. Разве откажешь?

— Собирай дружину, — сказал Атанарих сыну и наследнику своему, Гебериху. — Другу помочь надо. Быстро.

— На ночь-то глядя? — нахмурился Геберих. Перехватил взгляд грозного отца. Смутился. Вопросил деловито: — Куда идем?

— На Унерский брод. Как думаешь, к рассвету поспеем?

— Поспеем. Против кого копья поднимаем?

— На пиктов. Торольв-ярл окружен, спасать надо. Друг все-таки. И еще... Аквилонский король с ним. Тот самый. Который из Киммерии родом. Конан, или Кайрнх, не помню точно. Вытащим из беды — аквилонец отблагодарит. Нам могучие союзники на Полудне не помешают. Поднимай, Геберих, дружину.

И загрохотала конница в ночи. Неполная тысяча кольчужников с пиками и мечами. Рядом с Атанарихом — золотоволосая девица, в кольчуге до бедра и шлеме-шишаке. Дочка Торольва. Распахнуты ворота бурга, факела языками пламени рвут. Уходит атанарихова дружины — лучшие из лучших! — к реке Унере. Пиктов бить.

Ураганом, на полном галопе, идет конница на Полуденный Восход. Камни из-под подков летят, синие искры выбивая. Мчится Атанарих старого приятеля из непредвиденной передряги вытаскивать.

А кто виноват в передряге той? Лучше не спрашивать. Знал бы Атанарих об одном аквилонском умнике, на воротах повесил бы. И, причем, не за шею.

Вот он, рассвет. Поляхает розовым и желтым. Вот и река, с непрятательным именем Унера, что по-асирски значит "Холодная". А на том берегу — бьются. Да так, бьются, что залюбовался Атанаших-вези.

Пиктов — не меньше тысячи, только атакуют бестолково, пешим строем, гурьбой. Огоньки вспыхивают: видать маг работает. Плотный клин всадников — с виду киммерийцев и нордлингов — яростно рвется через серое море дикарей к броду. Еще немного и конных запросто сомнут числом.

— Идем двумя отрядами, — распорядился Атанаших, на старшего сына тяжело поглядывая. — Первый, отсекает пиктов от всадников, второй ударяет дикарям в спину. Пленных не берем, рабы не нужны, да и какой из пикта раб!.. Дармоед и вор...

— У них и конница есть, — Геберих указал направо.

Точно, две или три сотни конных обитателей пущи. Скорой рысью идут на помошь своим.

— Займись, — отрубил Атанаших. — Вырезать под корень.

Геберих отмахнулся своим.

Три стони всадников вези направились к полуденной части брода. Миновали реку и темной тучей понеслись на опешивших пиктов, не ждавших, что к осаждаемым аквилонцам придет подкрепление. Да какое! Лучших конных бойцов только поискать! Вези — это вам не немедийцы какие-нибудь!

Атанаших не мудрствовал. Галопом пересек мелкую реку и направил кулак своего отряда на пехоту пиктов.

И началась дикая резня. Головной отряд вези рассек беспорядочный строй дикарей как горячий нож — масло, соединился с конниками Конана, но...

Но Пиктов было слишком много. Вооруженная заостренными кольями пехота очень опасна для конницы — калечат лошадей. Рубились яростно, не щадя. И все равно — пикты валили и валили, не щадя жизней. Пикт в бою страшен, даже если ранен или потерял руку — будет рвать зубами.

Отряд Конана терял людей. Оборонялись жестко, но всадники падали, люди затаптывались копытами лошадей...

— Торольв! — взгромыхал грозно Атанаших, отыскав в гуще боя своего старого друга, — Уходим за реку! Прорвемся! Геберих задержит конных пиктов на переправе!

— Уходим... — выдохнул Торольв, — Конан, давай за нами! Собери всех в кулак, вези помогут!

— Шел бы ты со своими советами! — варвар был страшен. Давненько не попадал в эдакую жуткую переделку. Нагрудник пробит, поцарапана стрелой бровь, рука ранена... — Парни, вперед! К реке! Все лишнее — бросить, полный галоп! Быстрее! Руби, руби!..

...Темвик, решивший переждать бой в облике волка (испугался, что поделать...) первым заметил резкое изменение на поле битвы. Сидел серенький волчок да наблюдал. С интересом.

Полуденнее, почти на берегу, всадники Гебериха рубились с конными пиктами. Сотни Атанаиха постепенно отходили к броду, теснимые визжащей толпой серых дикарей. Восходящее солнце поднимало над битвенным нолем легкий туман. Небо меняло цвет с оранжево-желтого на бело-голубое. И вдруг земля дрогнула. Тяжко.

Темвик, устроившийся возле скал, в небольшом ущелье, откуда открывался прекрасный обзор, вздрогнул, поднял острые уши и удивленно заворчал.

Из дальней ложбины, со стороны Черной реки, шел огромный отряд тяжеловооруженных рыцарей-кнехтов. Сверкающие кирасы, вымпелы на копьях, шлемы с плюмажами, яркие попоны на боевых конях, оружие мерцает под молодым солнцем.

Но над скакавшими впереди предводителями — командирами нет никаких знамен, способных отличить род дворянина. Только ярко-синее полотнище без изображений! Что происходит? Это враг или союзник? Союзник! Да какой!

Стальной наконечник рыцарской конницы ("А их довольно много, сотен шесть-семь..." — рассудил Темвик) ударили по пиктам, начав рассеивать плотную орду и отвлекая дикарей от сотен Атанариха. Тяжелые кнехты Аквилонии гонялись за пиктами, перепутанными внезапным нашествием грозного ворога, будто коршуны, за цыплятами. В это время отряд Конана и большая часть кольчужников Атанариха уже переходила реку.

Побоище, истинное побоище! Обезумевшие пик — ты разбегались кто куда, даже не пытаясь поставить правильную оборону — конница немногое может сделать против строя пеших копейщиков! Воины Гебериха с гиканием устроили охоту, насаживая на копья сразу по два-три пикта. Рыцари оказались более сдержаны — деловито добивали остатки сопротивлявшихся дикарей.

И новая странность: когда победа была полностью одержана, а противники — дикари разбежались или оказались перебиты, рыцари под лазоревым знаменем сбились в клин и быстро ушли в лощину из которой появились. Будто и не было их. Исчезли. Напрочь.

Только следы подков на мокром поле остались, как призраки...

Темвик ничего не понял. И никто не понял. Войско Атанариха наблюдало за исчезновением тяжелой конницы с полуночного берега Унеры. Рыцари быстро уходили в сторону аквилонской границы. Подхватывали на седла раненых.

На поле остались только мертвые и побитые железом — пикты, вези и аквилонцы Конана.

— Ничего себе... — почесал в затылке аквилонский король. — Как в сказке. Торольв, что это было?

— Не знаю, — помотал головой старый ярл. — Сам дивлюсь. Так, надо бы отправить на другой берег два-три десятка наших, подобрать раненых. И обоз привезти. Вроде повозки не пострадали. Тюра, займись!

— Займусь, — запросто кивнула воительница. — Эй, Гуннар, собери своих парней, поехали посмотрим, что мы там наворотили.

Рыжий, улыбчивый Гуннар понесся выполнять приказ. Всадник в лучах утреннего светила — как золотоволосый бог. И смеется чему-то своему.

Ярл Торольв повернулся к Атанариху. Поклонился глубоко. — Старый брат, благодарю за помощь.

— Ты сделал бы для меня то же самое. А теперь скажи, что это за варвар — киммериец в изодранном фейл-брекене? Вон тот, длинный, с золотой цепью на груди? — Конан, из рода Канах. Король Аквилонии. Собственнически.

Атанарих смерил оценивающим взглядом покрытого своей и чужой кровью варвара, кивнул и протянул руку:

— Хорошо бьешься, Конан Канах. Уважаю таких. Как насчет проехаться до моего бурга да отметить славную победу? Конан улыбнулся, и кивнул.

— Дело хорошее, Атанарих-рикс. Давно хотел познакомиться с народом вези.

— Вот и порешили, — заключил Атанарих, посмеявшись в бороду. — Да только один

вопрос меня беспокоит: что за латники нам на помощь пришли? Твои?

— Нет, — решительно отрекся Конан, озадаченно нахмурившись. — Вот уж действительно загадка. Кто, откуда? Может, Просперо озабочился?.. Вряд ли.

Нет, великий герцог Просперо Пуантенский не озабочился. Своих забот больше головы. Аквилионию, великую страну, за собой надо вести от руки короля. А король сам о себе позаботится. Не ребенок. Помогли чужие. Но кто?

* * *

Бург у Атанаирах оказался знатный — не меньше сотни жилищ. Строения деревянные, крепкие, тыном обнесены: во время ванирского набега в крепости отсидеться можно и скот от угона уберечь. В бурге дружины обитает: те кто семейные — по своим домам, неженатая молодежь — в "мужском доме", наподобие казармы. Благочиние блюдется — вот, пожалуйста, прямиком перед домом Атанаирах истукан лупоглазый торчит, морда кровью и медом вымазана: кушал Доннар.

Вези, они хоть и подревнее других нордлингов происхождением будут, еще кхарийцам служили, все же переняли у пришельцев-хайборийцев их веру. Вот и опекают племя Имир, да Доннар с Бальдуром. И еще всякие другие боги, помельче да послабее. Много на Полуночи разных богов.

Весь бург дружины встретить вышел: победу одержали нежданную, скорую, малой кровью, а что пленных и добычи не взяли — не беда, в другой раз. А сам Атанаирах друзей привел, да каких! Торольва-ярла, а с ним великого рикса Аквилионии, Конана из рода Канах! Когда в бурге атанаираховом такие знатные гости бывали? Да никогда! Радость!

Конана сотоварищи в дружинном доме разместили — почет! Возле самого Атанаираха жить будет, пить-есть со стола великого рикса. С Атанаирахом одну золотую чащу делить!

А в отряде Конана потери были. Тяжкие, невосполнимые, лучшая, самая ретивая молодежь полегла. Не превратились волчата в волков...

Семнадцать убитыми, полтора десятка раненых.

Мертвых убрали к огненному погребению, своими же вышитыми плащами прикрыли красиво, шлемами-шишаками головы облекли, клинки в мертвые ладони вложили.

И тем же вечером сожгли погибших по старому нордхеймскому обычанию — на сосновых бревнах, за бургом. Там йотом вези курган поднимут. В память наследникам.

Зачем после погребения горевать? Кому от слез лучше будет? Посему вечером — пир у Атанаирах. Себя показать, да с гостюшками пораззнакомиться. Больше всего вези Тотланта уважали — шаман, колдун, это почти как военный вождь. Только не воинами командует, а миром незримым, тем, где духи правят. Тотланта одновременно и побаивались, и интерес к стигийцу неподдельно — детский проявляли. Лучшего пива подносили. Хмур был Тотлант-стигиец. Улыбался натужно. Знал, в какую переделку попал не по своей вине.

Только одному Хальку было совсем плохо. Он уже понял, какое густое варево заварил — вот тебе, господин библиотекарь, милая невинная шуточка: треть королевского отряда перебили, а не приди на помощь вези Атанаирах и те странные латники, как появившиеся, так и сгинувшие в неведомые дали, быть бы Хальку сейчас пищей для ворон. И всем прочим

— тоже. Но ведь вывернулись! Опять судьба оказалась на стороне Конана!

Итак, что мы имеем с гуся? Опасные земли пиктов прошли без особых (гм...) тягот. Оказались в гостях у тех самых Нифлунгов, коим сказочное сокровище по закону и принадлежит. А то, что никакие они теперь не Нифлунги, а природные вези — дело десятое. Далее: на отряд ведется охота, причем охота самая решительная. Конкуренты, небось... Много нехорошего за последние дни случилось: пожар в замке, едва Халька смысла жизни — великой библиотеки! — не лишивший, откровения маркграфа Ройла (последний вообще предпочел остаться в Тарантии, даже слышать ни о каких кладах не пожелал), маг из Черного Круга какой-то образовался... А уж сегодняшние рыцари-спасители вообще ни в какие логические размышления не влезают, по причине полнейшей их таинственности и загадочности. Так и живем.

Только за пиршество сели, братины разнесли да кабанину чесноком щедро нашпигованную нарезали, дружины вдруг пикта приволокли.

На полуночный берег Унеры пробрался, гад. Соглядатайствовал, не иначе.

Допросил пикта Атанарих. При всех, при гостях и дружинных. И выяснилось презабавнейшее: там, за берегом несколько аквилонских отрядов рыщут. Тех, которые пиктов вождя Таржахора на легкую добычу навели — давно след простыл, не опомнились от такого быстрого поражения. А сам Таржахор проклял и аквилонцев, и злые придумки их, да побыстрее откочевал с остатками племени на Полдень, ближе к Пуще. Только дозоры оставил, мало ли каких бедствий теперь ждать надо — неспокойствие на Полуночи завелось.

— Вышвырнуть за ворота, да пинков надавать, чтоб к бургу впредь не совался, — добродушно распорядился Атанарих. — Страже в четыре глаза смотреть! Уж и не знаю, каких теперь гостей ждать. Один ярл, другой король, да не какой-нибудь, а аквилонский... Пшел вон, серокожая зараза!

Пикт обрадованный бросился руки Атанариху целовать. Владыка!.. Милостивец!..

Атанарих руки отдернул. Нечего меня, военного вождя, слюнями мазать.

После пира все заинтересованный стороны в отведенном Конану покое собрались. Сам Конан, его разлюбезный советничек — Хальк Юсадаль, проиодошивший книжный червь, Тотлант, Темвик и десятники. Тюру тоже позвали, но она с Гуннаром на озера ушла гулять, надо полагать на поиски папоротниковых цветов.

Обсуждали, что делать дальше. Живых и здоровых в отряде осталось двадцать восемь человек. Раненых придется оставлять у Атанариха, самим же — быстро ехать к Рагнарди, нанимать корабль. И странности эти, то с пиктами, то с конницей аквилонской, королю покой не давали. Тотлант, что ни день, жалуется на незримое присутствие чужого колдуна — следит, вроде. Очень уж большая игра затягивалась. Верную мысль подал именно Тотлант:

— Давайте все расскажем Атанариху. Человек он хороший, а если клад отыщем — и ему доля достанется, по праву наследования.

Хальк скептически ухмыльнулся, но этого никто не заметил.

— Дело говоришь, — согласился Торольв. — Нас мало, а под такое дело Атанарих сотню мечей нам одолжит. Воины-то какие — зависть берет! И не очень улыбается мне бродить по Нордхейму малым числом... Те, кто с пиктами говорился, на этом не остановятся. Мало ли в Ванахайме горячих головушек, которые за серебро родную мать в колодце утопят и еще приплаты потребуют? Позвали Атанариха. Пришел, гордый, краснолицый и пьяный. Вникал долго. Вник.

— Дело, — сказал Атанарих, посмурнев. Пальцами крепкими по столешнице

забарабанил. — Мы род свой забыли, легенды сказами глупыми нача— ли посчитать. Геберих?

— Что, отец?

— Пойдешь золото предков искать? Вместе с Конаном Киммерийцем и присными его?

— Не знаю... Но я не боюсь попытаться!

Так и было решено. Попытаться никто не боялся. Кроме Халька, Тотланта и немножко Темвика. Темвик не боялся — он просто не хотел покидать бург. Тем более, что он искренне, по-детски влюбился в Тюру.

Тюра же ходила с красавцем Гуннаром, смотрела в его сурово-прекрасные серые глаза, и не подозревала, что по ней вздыхает худощавый полукровка-оборотень.

А Гуннар погиб через день. Глупо. Глупее не придумать — судьба в чистом виде.

За сутки до выхода отряда из бурга Атанариха, рыжий, красивый, сильный Гуннар напоролся грудью на острый рог случайно взбрывнувшей обычной домашней коровы. По пьяни умиротворял рассерженное животное — с пивом погорячился, удалъ показать хотел. Показал. Богам показал, не людям.

Спасти Гуннара не удалось даже искушенному в лекарской магии Тотланту. Рог пробил сердце и главную жилу.

Корову убивать не стали — она не виновата. Ушла черно-белая буренка на пастбище. И острый рог в бурой крови. Нет вины за неразумным зверем. Виной тому — никому не нужная глупая удалъ, коей нордлинги так хвались любят.

Когда Гуннар умирал, кровавой розовой пеной исходя, заботливая рука Тюры вложила в холдеющую ладонь неслучившегося жениха костяную рукоять закругленного нордхеймского клинка. Гуннар будет пировать в чертогах героев. Вместе с предками. За стеной сидел Темвик и пытался не плакать.

Когда черная лицом Тюра вышла в сени, Темвик встал, подошел, взял за руку и сказал:

— Пойдем, одну вещь покажу. Не пожалеешь.

И она пошла. Не потому, что хотелось, а потому, что Гуннар ушел. Навсегда. А теперь Тюре все равно.

* * *

Что для женщины — варварки ценнее всего в мужчине? Сила, чтоб защитить мог и врага прогнать. Удачливость, ибо без удачи и дом хороший не выстроишь и жить в том доме худо будет. Расчетливость — чтоб семья не голодала (а у варваров детишек помногу рождалось, часто больше десятка). И природная красота, само собой — недаром в сагах даже зловредных богов и героев-неудачников "красавцами" именуют. Тразарих-Нифлунг, рассказывают, так красив был, что даже с богиней путался. И не с одной, кстати.

Есть возле бурга Атанариха озеро. Длинное, будто рыба. Сначала бор сосновый, потом долгая песчаная полоса. И камыши у воды.

Конан Канах стоял на песчаной сопке и смотрел в ночную звездную полутьму. Видел силуэт Тюры сидевшей на галечном всхолмике. И видел, как вокруг девушки вертится-выворачивается молодой волчок, с полосой черной шерсти на спине.

Развеселить пытается... Вертится, себя за хвост пытается ухватить, на свирепо-горестную Тюру наскакивает, будто щенок.

— Влюбился, что ли? — буркнул Конан так, чтобы расслышали стоявшие рядом Хальк и Тотлант. — Темвику нельзя — он оборотень.

— Верно, — с грустью согласился стигиец. — Подруг среди людей у оборотней может быть сколько угодно, а вот жениться? Темвики выгоняют из рода. Если не переболеет.

— Наверное, ему просто жалко Тюру, — добавил Хальк. — И он хочет по своему ее утешить. Оборотни вообще очень чувствительны к чужому горю. А Гуннар... Такая нелепая смерть! И такая... такая...

— Позорная? — резко обернулся Конан. — Не нам судить о решениях богов. Смерть есть смерть, от кого бы ты ее не принял, от короля или... коровы. Поглядите, они дальше пошли!

Тюра встала, положила руку на холку волчка и медленно побрела вдоль берега.

— Раны на женском сердце затягиваются быстро, — некстати вставил Хальк, наблюдая за необычной парочкой. — Да и Темвик парень вполне ничего...

— Идем в бург, — сплюнул Конан. Завтра выезжать рано. И с Геберихом следовало бы поговорить... Послезавтра надо быть в Рагнарио.

Финал части первой

"Рагнарио"

Поселение Рагнарио, побережье Океана,
18 день Первой весенней луны 1293г.

Рагнарио — почти настоящий город, хотя местные, в след традициям именуют его "бургом". А имя он получил по реке, в устье которой и было поставлено укрепленное городище — Рагна ре, текущей с полуночного восхода, от Гиперборейского кряжа. Живут в Рагнарио самые разные люди. В большинстве — нордлинги, вези, гиперборейцы, аквилонцы, содержащие здесь торговые дома и купеческие фактории — скапали у нордлингов китовый жир, шкуры, меха пушных животных и моржовые клыки. Взамен поставляли ткани, изделия аквилонских ремесленников и самое важное — красные сладкие вина, отлично согревающее на полуночных морозах...

Рагнарио не принадлежит никому — свободный город. Все дела решает совет старейшин родов и глав купеческих предприятий. Тут находят укрытия от ледяного дуновения зимы дружины "сэко нунгов" — морских воителей, промышляющих только грабежом по берегам материка. У сэконунгов с городом договор: мы не грабим, ведем себя по-варварски тихо, в случае нападения — защитим, а уж вы обеспечьте нам питание на зиму, ремонт лодей-драконов и мирную зимовку. Самые ушлые аквилонские купцы, даже нанимали морские дружины нордлингов ради охраны своих кораблей с товарами. Лучших воителей не найти

— нордлинги побивали даже флоты Зингары и Аргоса, а вдобавок, люди они по своему честные, от данного однажды слова не отказываются.

Конан оглядывал город с вершины холма, через который вела старая мощеная дорога. Очень мрачный Хальк, отягощенный сумами с пергаментами и еще более хмурый Тотлант стояли рядом с королем. Бран, Геберих и Торольв держались поодаль. Ждали приказа.

Сотни дымков. Есть и "дымы тревоги" — вон по четырем углам тына поднимаются струйки красного дыма, значит дозорные приметили явившийся к городу отряд.

А отряд большой. Почти три десятка аквилонцев, в варварском обличье, да шесть дюжин Гебериха, отосланные Атанарием в помощь королю Конану. Атанарий — себе на уме: будут сокровища, обогатимся, не будет — Геберих в первый самостоятельный поход сходит, людей своих проверит на прочность. Да и если Торольв-ярл, старый кровник, попросил? Как тут откажешь?!

— Знамя! — коротко приказал Конан Канах. — Пусть видят, что за гости прибыли.

Хальк, которому досталось быть хранителем королевского штандарта, вынул из особой сумочки ало-золотое полотнище и кивком позвал Темвика. Тут же оказалась и Тюра — прогулки под луной не прошли даром. Взгромоздили на древко старинный символ Аквилонии: золотой лев на задних лапах и пятизубой короне (по числу великих герцогств), знамя полыхнуло на ветру живым огнем.

Рядом поднялся штандарт Атанария: в белом поле — черный орел в круге Мирового Змея. И маленькое войско начало медленно спускаться в долину. Темной мирной змеей.

Дело известное: если пришельцы идут под знаменами, недружелюбных намерений не проявляют — городу надо отправить послов. Кто такие, откуда, зачем? Рядом с посланниками — бородатые и кольчужные вожди морских дружин с охраной из ретивой и войнолюбивой молодежи. А вдруг — враги? Вдруг нападут?

Встретили у самых ворот Рагнарди. Аквилонцы-купцы с недоумением таращились на королевский штандарт. Откуда здесь, в нашей дыре, личною персоною светлейший король образовался? Вези и асиры бороды гордо топорчили, но неважения не проявляли — гости прибыли!

И настал час Халька. Он всегда у Конана заместо герольда выступал. Выехал к посланникам совета Рагнарди, плащ на груди расправил, чтоб драгоценный орден видно было, изъял из чеканных бронзовых тубусов торжественные пергаменты, и возгласил, да так, что вороны по сторонам шарахнулись:

— Государь и король всей Аквилонии, великий герцог Пуантенский, Танасульский и Боссонский, владетель Таурана, Гандерланда и Атрены, также и господин всех земель Заката и Полуночи, Конан I Канах! И с ними доблестнейший Геберих, сын великого рикса Атанария народа вези — с охранной дружиной! Пожелания мира и счастья Рагнарди-бургу! С подарками и прошением о помощи! Самому главному, тому что более сед и роскошнее одет, подвели коня в богатейшей сбруе. Ох, какой подарок! Прочих затем оделят — хорошо, обоз сохранили от пиктских загребущих лап!

— Королю Аквилонии — наше почтение и приветствие, — поклонился седовласый, передав узду дареной лошади помощнику. — И славному Гебериху, сыну Атанария. Не буду вопрошать сразу, зачем вы пришли в Рагнарди. О делах — только при застолье. Пришли с миром — и мир в нашем доме вы получите. И крикнул громко:

— Пропустить в город высоких гостей! Почет и уважение от каждого! Глядите у меня!

На высоком холме стоит Рагнарди. За спиной — равнина, впереди — Океан. В гавани до

трех десятков лодей стоят, что аквилонских, что нордхеймских, с парусами полосатыми.

Конана со свитой в доме богатейшего купца разместили — ужасался купец. Король привел не рыцарей, не гвардию, а варваров. Дом новый, только построили, а тут — нашествие! Да какое!

Слуги во дворце от потрясения оправились, полы начали мыть, обглоданные кости из углов начали выгребать — варвары себя аккуратностью не утруждали, ели, как привыкли, а что аквилонские купцы собак у себя не держат, которые бы эти кости грызли, так то не их, варваров, головная боль.

Конан этим же вечером ушел в гавань — корабль себе подходящий искать. И чтоб быстрый, и чтоб груза много взял. С капитанами много разговаривал. Ярл Торольв рядом стоял, нужные слова подсказывая.

Хальк с Тотлантом устроились в дальнем углу, пили медовуху и решали, как выпутаться из созданной ими самими авантюры. Хальк начал понимать, что не всякая шутка оборачивается всеобщим смехом. Тотлант снова пытался убедить Халька рассказать все королю — бесполезно. Библиотекарь уперся рогом в стену, да и не давали покоя Хальку рассказы маркграфа Ройла. Не врал, маркграф, ой не врал! Клад существует!

Тотлант предчувствовал недоброе, но до поры молчал. Не в его обычаях было трепать всем и каждому о своих мыслях.

Молодой Геберих пошел в аквилонскую таверну. Пива премного испил. Заздоровье отца могучего, Атанариха-вези, бочонок черного оля опустошил. Подрался, победил в кулачном бою. Потом с нордлингами—дружиинниками на дворе потешный бой устроил на ножах — не до смерти, а до первой крови. Все довольны остались. Засим Геберих нашел пышногрудую и ласковую красавицу из слу — жанок таверны. Оба ушли наверх и не проявлялись до рассвета. Дружина добродушно посмеивалась. Вождю ласка всегда потребна. Чтоб впредь бился лучше.

Тюра и Темвик вместе ходили по океанскому берегу, любуясь на синие пятна плавучих льдин, уходивших по течению на Полдень и разглядывали темные полосочки видневшихся вдалеке Ванских островов. Темвик жутко стеснялся — и боялся разбередить горе своей новой подруги, и никак не мог сказать Тюре, что Гуннар-то ушел, а в мире живет много других людей. И оборотней в том числе. Тюре нравились необычные способности нового приятеля, но... Тюра — это только Тюра. Хороший друг, но без любви, которая вся исчерпалась с нелепой смертью ее давнего друга. Темвик же просто хотел помочь...

* * *

А сокровища Нифлунгов ждали своего обладателя... Очень сильно ждали, до изнеможения.

И сам король Конан ждал увидеть клад древнего народа. По договоренности с конунгом Хререком, который согласился идти на Банские острова с пятью своими лодьями, Конан Канах должен был выйти в море через три дня. С ратниками из Тарантии и дружины Гебериха. Мир ждал необычного.

Через мелкую реку, именовавшуюся Унерой, глубокой ночью перешли несколько рыцарских десятков. Прошли мимо насторожившегося бурга Атанариха-рикса. Мелькнуло ярко-синее знамя без всяких символов.

Только на роскошном перстне командира хитро улыбалась мышиная ушастая голова. Этих людей клад Нифлунгов не ждал. Они были для него смертельно опасны...

WWW.CIMMERIA.RU

Текст прислал: Wenn